

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 4

2016

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2016

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хофман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М.П. Гребнева, В.Н. Карпухина, Г.П. Козубовская, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, Е.И. Клинк, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovnet01@filo.asu.ru
Адрес на сайте АлтГУ: http://www.fmc.asu.ru/philol_journal/
Адрес в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Е.Е. Завьялова. Алиментарный код в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны»	7
М.А. Телятник. Фельетоны Леонида Андреева о поездках по Волге и Каме: поэтика импрессионизма	17
А.А. Мансков. Арабские сказки «Тысяча и одна ночь» и новелла С.Д. Кржижановского «Некто»: особенности интертекстуальных связей	28
А.М. Галиева, Э.Ф. Нагуманова. Метафора в философском тексте: оригинал и перевод.....	39
О.Н. Жердева, Е.А. Савочкина. Фет – переводчик Гейне: средства передачи иронии	50
Т.Г. Пшенкина, Н.Н. Безрукова. Передача названий производственных предприятий с русского языка на английский как переводческая проблема	67
В.Н. Аристова. Лингвистические средства создания образов политиков в современной французской сатирической прессе	78
О.В. Никитин. Риторика – это наука будущего.....	86
Т.В. Ковалева. Влияние билингвальных процессов на формирование русской средневековой культуры	97

Научные сообщения

К.А. Кочнова. Лето в языковой картине мира А.П. Чехова.....	109
Ю.Л. Высочина. Концепция «диалогизма» М.М. Бахтина как основание постструктуралистской концепции интертекстуальности Ю. Кристевой	116
Е.А. Андреева. Имплицитные формы запретов в литературной критике «патриотов»: техника реконструкции	122
А.Ю. Швидченко. Библизмы как вербализаторы ключевых концептов русского национального сознания (по материалам словарей М.И. Михельсона и В.И. Даля)	128
В.Ф. Ибрагимова. Словообразовательные форманты	

в деривационной системе русских и украинских антропонимов тюркского происхождения	134
М.Н. Крылова. Сравнение как средство конструирования юмористических высказываний	139
Т.А. Полтавец. Влияние дискурсивных параметров на функционально-стилистическое своеобразие научно-популярных текстов	147
Г.С. Хазиева-Демирбаш. Этнокультурные особенности татарских личных имен с компонентами цветообозначений.....	156
А.В. Кочкинкова. Проблема феномена субъективности в переводеведении	164

Критика и библиография

О.В. Марьяна. Рецензия на коллективную монографию «Бытие текста в коммуникации» [Электронный ресурс] / под ред. А.А. Чувакина, А.А. Шмакова. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2016. – 4,5 Мб.....	176
Л.Ю. Коршунова. Рецензия на учебно-методическое пособие А.А. Прохоровой «Multilingual Guide to the English Speaking World»	177

Филология: люди, факты, события

В.И. Габдуллина, П.В. Маркина. Проблемы изучения русского языка и литературы в России и за рубежом («Русистика и современность», XIX Международная научная конференция МАПРЯЛ, г. Астана (Казахстан), 22–24 сентября 2016 г.).....	181
Т.В. Чернышова. «Language in the Coordinates of the Mass Media» («Язык в координатах массмедиа»): итоги I Международной научно-практической конференции (6–9 сентября 2016 г., Варна, Болгария)	187
Резюме	192
Содержание журнала за 2016 год	209
Наши авторы	214

CONTENTS

Articles

E.E. Zavyalova. The Alimentary Code in the Novel «Satan's Diary» by L. Andreev	7
M.A. Teliatnik. Newspaper Satires by Leonid Andreev on the Volga and Kama Trips: Poetics of Impressionism	17
A.A. Manskov. «Arabian Nights Entertainments» and a Short Novel «Someone» by S.D. Krzhizhanovsky	28
A.M. Galieva, E.F. Nagumanova. Metaphors in the Philosophical Text: the Original and Translation	39
O.N. Zherdeva, E.A. Savochkin. Fet – Translator of Heine: Means of Conveying Irony	50
T.G. Pshenkina, N.N. Bezrukova. The problem of translating business company names from Russian into English. The article deals	67
V.N. Aristovain the Modern French Satirical Press	78
O.V. Nikitin. Rhetoric is the Science of the Future	86
T.V. Kovaleva. Influence of Bilingualism upon the Development of the Russian Medieval Culture	97

Scientific reports

K.A. Kochnova. Summer in the Linguistic World-Image of A.P. Chekhov	109
Y.L. Vysochina. The Conception of «Dialogism» by M.M. Bakhtin as the Basis of the Poststructuralist Conception of Intertextuality by Y. Kristeva	116
E.A. Andreeva. The Implicit Forms of Prohibitions in Patriotic Literary Criticism: Techniques of Reconstruction	122
A.Ju. Shvidchenko. Biblical Phrases as Verbalizers of Key Concepts of the Russian National Consciousness (according to the Dictionaries by M.I. Michelson and V.I. Dahl).....	128
V.F. Ibragimova. Wordbuilding Formants	

in the Derivational System of Russian and Ukrainian Anthroponyms of Turkic Origin	134
M.N. Krylova. Comparison as a Means of Producing Humorous Utterances	139
T.A. Poltavets. The Influence of the Discursive Parameters on the Functional-stylistic Originality of the Popular Scientific Texts	147
G.S. Khaziyeva-Demirbash. Ethnocultural Features of the Tatar Personal Names with Components of Colour	156
A.V. Kochkinekova. The Problem of Subjectivity Phenomenon in Translation Science	164

Critics and bibliography

O.V. Marina. Review on the Collective Monograph «Existence of the Text in Communication» [Electronic resource] / edited by A.A. Chuvakin, A.A. Shmakov. Barnaul: Altay State University, 2016. – 4.5 Mb	176
L.Yu. Korshunova. Review on Workbook «Multilingual Guide to the English Speaking World» by A.A. Prokhorova....	177

Philology: people, facts, events

V.I. Gabdullina, P.V. Markina. Problems of Studying Russian Language and Literature in Russia and Abroad («Russian Studies and Modernity», the XIX International Scientific Conference, MAPRYAL, Astana (Kazakhstan), October 22–24, 2016)	181
T.V. Chernyshova. «Language in Mass Media Coordinates»: the I International Scientific Conference (September 6–9, Varna, Bulgaria) ..	187
Summary	192
Issues content for 2016	209
Our authors	214

СТАТЬИ

АЛИМЕНТАРНЫЙ КОД В РОМАНЕ Л. АНДРЕЕВА «ДНЕВНИК САТАНЫ»

Е.Е. Завьялова

Ключевые слова: алиментарный код, мотив еды, образ вина, пожирать, метафора.

Keywords: alimentary code, food and wine images, devour, metaphor.

Роман Л. Андреева «Дневник Сатаны» (1919) не был завершен, но его называют итоговым в наследии писателя. В произведении нашли воплощение все ведущие тенденции его творчества и предугаданы многие приемы неклассической поэтики. Внимание литературоведов было сосредоточено на жанровом своеобразии текста, повествовательном, неомифологическом¹ началах в романе, его библейских и философских истоках, мотивах игры, жертвы, предательства и др.

Объектом нашего исследования явилось семантическое поле «еда», предметом – алиментарный код (от латинского *alimentum* – пища), то есть авторский код, субстратом которого выступает универсум «продукты питания». Под авторским кодом мы, следуя дефиниции Е. Фарино, подразумеваем «постоянство признаков и их значимостей», отличающее «творчество одного автора от творчества другого» [Фарино, 2004, с. 48]. Обращение к столь узкой теме оправдано последовательностью андреевской концепции, которая проявляется в развертывании произведения как целого и на всех его уровнях. Анализ совокупности алиментарных знаков в «Дневнике Сатаны», их противопоставленности и взаимообусловленности позволяет опреде-

¹ По теории И.Ю. Искржицкой – антимифологическом [Искржицкая, 1996].

лить систему принципов, при помощи которых передается идея романа.

Трапеза упоминается в романе несколько раз. Главный герой, миллиардер Генри Вандергуд, а точнее вочеловечившийся в его тело Сатана, едет в Рим. Происходит железнодорожная катастрофа, и Вандергуд вместе со своим секретарем Топпи вынужден пешим ходом преодолевать значительное расстояние по кампанской равнине. Выбившиеся из сил путники находят приют в доме Фомы Магнуса. Хозяин предлагает им вино и «скромный ужин» [237]¹, который те с жадностью поглощают (чавканье голодного Топпи сравнивается со звуками, издаваемыми над костью собакой [236]).

Наутро – во время завтрака – к гостям выходит Мария, которую Магнус представляет своей дочерью. Совершенная красота девушки настолько поражает героев, что Топпи начинает задыхаться: «Глаза его округлились, лицо покраснело, как от удущья, и по длинной шее волной проплыл кадык и нырнул где-то за тугим пасторским воротничком. Конечно, Я подумал, что он подавился рыбьей костью...» [245]. Хозяин, делая вид, что не замечает произведенного Марией эффекта, «продолжает насмешливо угощать» [245] их: «Кушайте же, м-р Топпи. Вы ничего не пьете, м-р Вандергуд, вино превосходное» [246].

Во время второго визита «американца» Магнус холоден, немногословен. Его ледяной тон и отсутствие Марии вынуждают миллиардера отказаться от трапезы. Третье посещение оказывается для м-ра Генри куда более удачным. На этот раз хозяин приходит не сразу, и гость имеет возможность наслаждаться обществом его дочери; Магнус дружелюбен и общителен, Вандергуда «оставляют завтракать» [273].

После того как новые знакомые миллионера переезжают жить в купленное им палаццо, упоминания о **совместных застольях** прекращаются, речь ведется лишь о выпивках. Только в последней главе, когда Магнус наконец-то раскрывает вочеловечившимся «американцам» всю правду о себе и Марии, он предлагает еду своей любовнице: «Хочешь апельсин или вина?» [352], «Скушай еще апельсин, Мария...» [352]. В изображении рая апельсин считается плодом грехопадения – в отличие от цветка растения, флердоранжа, который ассоциируется с девой Марией и означает чистоту, невинность, непорочность. Этот фитонимический символ можно трактовать как намек на

¹ Здесь и далее цитаты из романа Л. Андреева «Дневник Сатаны» приводятся по изданию [Андреев, 1996], с указанием номера страницы в квадратных скобках.

двойственную сущность героини, бесстыдной проститутки «с ясным взором», «божественной поступью» и «пречистым ликом Мадонны» [355].

Этикет обязывает заботиться о благополучии гостей, потчевать их. По М.М. Бахтину, пиршественные образы «...существенным образом связаны со словом, с мудрой беседой, с веселой истиной» [Бахтин, 1990, с. 310]. Кроме того, перечисленные эпизоды встреч в доме Магнуса, объединяющие для главного героя трапезу и удовольствие общения с прекрасной женщиной, построены на метафоре любви-еды. О.М. Фрейденберг пишет: «“Поесть” значит “соединиться”, тоже общенное значение лежит в метафорах “варки”, блюда, “кушанья”, “повар” приобретает семантику оплодотворителя – мужа, любовника, жениха» [Фрейденберг, 1997, с. 75]. И далее: «Еда играет центральную роль при браке, вся процедура которого метафорически повторяет историю растения, злака, хлеба. Помимо трапезы, составляющей важную часть свадьбы, отдельные эпизоды наполнены обрядами хлеба и вина» [Фрейденберг, 1997, с. 75]; «...Отдельные моменты спаргамоса, раздробления, раздачи еды всем присутствующим, вкушения хлеба и вина протягивают нити от брака к евхаристии и литургии» [Фрейденберг, 1997, с. 75]. Фома Магнус кормит своего гостя, впоследствии становящегося женихом Марии. А в конце романа цинично предлагает Вандергуду услуги своей сожительницы: «Я отдаю ее. Возьми. Если ты скажешь да, она сегодня же будет в твоей спальне и... клянусь вечным спасением, ты проведешь очень недурную ночь» [354].

На наш взгляд, андреевская история вочеловечивания Сатаны может быть соотнесена с девятой притчей Соломона, в которой образ трапезы занимает центральное место. Премудрость и Глупость приглашают прохожих к себе в дом. Первая говорит: «Идите, ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворенное; Оставьте неразумие, и живите, и ходите путем разума» [Притч 9: 5–6]. Вторая предстает в виде зазывающей к себе блудницы, «безрассудной, глупой и ничего не знающей» [Притч 9: 13], обращается к путникам со словами: «воды краденые сладки, и утаенный хлеб приятен» [Притч 9: 17]. «Краденые воды» означают распутство (в противоположность питью из своего источника, верности), «утаенный хлеб» – скрытую преступность. Человек, принявший приглашение Глупости, обречен на смерть: «И он не знает, что мертвецы там, и что в глубине преисподней званые ею» [Притч 9: 18].

В библейской притче алиментарный код объединяет мотивы чистосердечия и криводушия, целомудренности и распущенности, пра-

ведности и нечестивости. То же наблюдаем в романе Л. Андреева. Вандергуд принимает Марию за олицетворение «небесной красоты, милости, всепрощения и вселюбости» [245], им овладевает «великая радость, великий покой» [308] (заметим, что в церковной лексике так обозначают последнюю субботу перед Пасхой, то есть накануне Воскресения Христова). А девушка оказывается, по выражению Фомы, «глупа, как гусыня, глупа непроходимо. Но хитра. Но лжива. Очень жадна к деньгам» [352]. Влюбившийся в нее Джованни – юноша, «чистый душой» [352], – увидев истинное лицо Марии, совершает самоубийство.

«Кто утверждает на жи, тот пасет ветры, тот гоняется за птицами летающими: ибо он оставил пути своего виноградника и блуждает по тропинкам поля своего; проходит чрез безводную пустыню и землю, обреченную на жажду; собирает руками бесплодие» [Притч 9: 7], – говорится в притче. Самонадеянное желание «лгать и играть» [230] приводит Сатану в дом мошенников, побуждает мечтать о браке с «Мадонной из мяса и костей» [252]. В конечном итоге высокомерие, самоуверенность, надменность Вандергуда сменяются жалким бессилием, невыносимым стыдом, безысходностью.

Наличие алиментарных мотивов в романе во многом оправдано чертами персонажа, в чье тело вочеловечился Сатана. Когда-то м-р Генри пас **свиней**, он сколотил свое состояние на производстве мясных консервов. Свинья – воплощение сытости (ее изображение часто сопровождает аллегорическую фигуру Чревоугодия) и богатства (об этом свидетельствует, например, форма первых копилки). Свинья, по народным представлениям, «нечистое» животное, связанное с потусторонними силами [Белова, 2009, с. 573]. Для пришествия на землю Сатана использует тело магната, «делавшего свиней» [240]. Вандергуд сопоставляет себя – вочеловечившегося – с «грязным и скучным животным» [276], которое «хочется отправить в хлев» [276], и констатирует: «мои милые маленькие мыслишки, как поджимали они хвост – свой маленький хвостик» [247], «обрастает щетиной так же быстро, как его золотоносные свиньи» [243]. Сбросивший маску благодущия Магнус называет миллиардера «розовой скотиной» [342].

Кардинал Х. замечает: «Свиньи? Это очень хорошо, это великолепно, м-р Вандергуд, но не забудьте, что в них иногда вселяются бесы!» [265]. Сюжет произведения Л. Андреева может быть интерпретирован с учетом этой аллюзии на евангельскую историю. Согласно Писанию, Иисус исцелил бесноватых (бесноватого), переместив легион злых духов в свиней. Огромное стадо животных бросилось затем в море. Узнав о необычайном происшествии, местные жи-

тели огорчились потере скота сильнее, чем обрадовались чуду излечения [Мф 8: 30–32; Мар 5: 11–14; Лук 8: 32–33]. В романе Л. Андреева Сатана, чтобы развеять скуку, вселяется в тело миллиардера. Его пребывание на земле заканчивается тем, что он отказывается от капитала, постепенно утрачивает свою дьявольскую сущность (то есть духовно исцеляется) и уподобляется Христу. Окружающие презрительно отворачиваются.

Обращенные Вандергуду слова Магнуса «растите и множьте ваших свиней» [274] – реминисценция библейской фразы «плодитесь и размножайтесь» (на церковнославянском – «раститесь и множитеся») [Быт 2: 16–17]. Фома представляет миллиардера богом, а его бесчисленное поголовье уподобляет человеческому обществу. Его следующая фраза содержит почти прямое указание на животную природу *homo sapiens*: «Пока мир будет любить хорошую ветчину, он не оставит вас... своею любовью!» [274].

Со скотом сравнивает людей и сам м-р Генри: «Трудно представить ту дрянь, которой Я кормлю моих голодных интервьюеров. Как опытный свиновод, Я с ужасом смотрю на эту ядовитую бурду, но они едят – и живы...» [253]. Сатана презирует толпу, но оказывается зависим ее суждений; он подыгрывает общественному мнению, на что обращает внимание Магнус: «Фи! Но ведь это простой фарс из “Варьете”. Как вы можете заниматься такими пустяками, м-р Вандергуд?» [258]. Так актуализируется еще одно известное библейское выражение: «...Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» [Мф 7: 6].

Присутствие сравнений с алиментарными ремами, метафор с производным значением «еда», как было указано выше, можно объяснить сюжетными перипетиями и спецификой авторского голоса, протейческой природой субъекта повествования. Прежнего обладателя тела отличает интеллектуальная ограниченность (бывший пастух «не читал как следует ни одной книги, кроме гроссбуха¹» [240]) и озабоченность проблемами пищевого производства. Новый владелец вандергудовского «помещения» [229] с трудом излагает свои мысли на бумаге. Кроме того, он сосредоточен на непривычных ощущениях, связанных с работой человеческого организма в целом и пищеварительного аппарата в частности.

Рассказ «автора» дневника об уборной на пароходе «Атлантик» «кушает весь Вечный город» [254]. Изображая свое лицо в момент

¹ Книга счетов и приходо-расходных операций.

радости, м-р Генри прибегает к следующей «киллинойской» метафоре: «Дюжина негритянских ребят не могла бы слизать с Моего лица той патоки, которую вызвало на нем... обещание Магнуса...» [260]. Про встречу с официальным лицом Вандергуд пишет: «что-то вроде министра, или посла, или другого придворного повара долго посыпало Меня сахаром и корицей, как пудинг» [254]. На крыше дома Март хрустит черепицей, разгрызая ее, как сахар [285]. Верующие «глотают кощунство, как мармелад» [258]. Топпи так «насыщается благословениями» кардинала Х., что кажется «даже пополневшим» [268]. Человечество именуется «обглоданным» [284]. Наружность нищих детей напоминает м-ру Генри о зеленых гнилых сортах сыра [285]. Впечатление, произведенное на Вандергуда приходом Магнуса, соотносится со спокойствием в желудке кита, «проглотившего селедку» [273].

Несколько раз в «Дневнике Сатаны» появляются лексемы, обозначающие кишечных паразитов [242, 257]. Вочеловечившийся в тело миллиардера герой сравнивает себя с гельминтом, уничтожающим ткани своего «хозяина». Примечательно, что и этот образ встречается в Библии: Бог наказывает ужасной мучительной болезнью и смертью от червей гонителей христиан – Антиоха Епифана [2Мак 9: 5] и Ирода Агриппу [Деян 12: 23]. Л. Андреев с помощью натуралистических уподоблений актуализирует тему жестокости мироустройства. В одном из фрагментов нанизывание обозначенных лексем помогает достичь особой выразительности высказывания: «...Это низкая, темная и душная тюрьма, в которой Я занимаю места меньше, нежели соли-тер в желудке Вандергуда. <...> И Я не хочу быть глистом Вандергуда. <...> ...Без Меня тебя тотчас слопают черви, ты лопнешь, ты расползешься по швам...» [242]. Нарисованный Сатаной образ пожираемого человека отсылает к византийским изображениям ада, на которых драконоподобный червь проглатывает грешников [Мифы..., 1987, с. 32]. «Червь не умирающий и огонь не угасающий» [Ис 66: 24; Мк 9: 44–48] – знаки вечной смерти и вечного мучения.

Тема еды все больше вбирает в себя **канибалистические интонации**. Вспоминая о своей встрече с племянником, Вандергуд пишет: «...его плешивое темя так напوماжено, что мой поцелуй мог бы стать целым завтраком, если бы я любил пахучее сало» [254]. Пере-сказывая свою проповедь в «свободной» церкви, м-р Генри замечает: «Маленькое и практическое чудо, вроде превращения воды в графинах в кисленькое кианти или нескольких слушателей в паштеты, было совсем не лишним в эту минуту...» [255]. Магнус сравнивает свою любовницу с орлом, который «ежедневно клюет» [355] его печень, с

красивым зверьком, что выгрыз «своими зубками» [357] всю его «бессмысленную веру» [357], а миллиардера предупреждает об опасности быть съеденным: «Вы ваших свиней превратили в золото, да? А я уже вижу, как это золото снова превращается в свиней: они вас слопают» [241]. Сам главный герой уподобляет действие всепроникающего взгляда Марии процедуре разрезания консервной банки (в какой-то мере предвосхищая события): «Я был вскрыт, разложен на тарелке и предложен вниманию всей публики, наполнявшей улицу» [256]. Позднее Вандергуд именуется «проклятым тестом *для всех*»¹ [260], предрекает: «в одну прекрасную ночь они [просители] просто поделят Меня на порции и съедят» [285].

Прошивающие текст романа алиментарные мотивы и образы помогают воссоздать апокалипсическую картину разлагающегося мира, в котором каждое существо предрасположено к убийству, но при этом само легко превращается в жертву. Эту страшную «пищевую вакханалию» не в состоянии победить ни любовь, ни смерть, ни сверхъестественные силы.

В ранней аскетической литературе был распространен перечень восьми главных грехов. В восточном христианстве Евагрий Понтийский, Иоанн Кассиан, Нил Синайский, Ефрем Сирийский, Иоанн Лествичник и др. первой страстью в перечне неизменно ставили грех чревоугодия (*gastrimargia*). А.А. Уминский следующим образом поясняет данный факт: «Чревоугодие – это страсть пожирания. Собственно говоря, пожирание, так, чтоб ничего не осталось – свойство ада. Вторая страсть... – блуд. Третья – сребролюбие, потом гнев, потом печаль, потом уныние. Все эти страсти вырастают одна из другой, они связаны между собой, как цепочка, потому что пожрать человека, потребить, иметь, как говорят – это настоящий блуд. Сребролюбие – тоже свойства пожирания. Гнев – свойство пожирания людей, потому что человек, который гневается, своим гневом истребляет, испепеляет все вокруг себя. Уныние – это страсть пожирать, поедом есть самого себя. Все это адские свойства. Они идут из этой цепочки чревоугодия, когда человек не насыщает себя» [Уминский, 2013]. В «Дневнике Сатаны» изображены все смертные грехи. Важное место, которое отводится в произведении мотиву еды, можно объяснить реализацией метафоры **всепожирания**.

Анализ совокупности алиментарных знаков, имеющих в тексте, был бы неполным без рассмотрения образа напитков. Соответствующие лексемы несколько раз введены в сравнения и метафоры.

¹ Здесь и далее курсив Л. Андреева.

Пустившись путешествовать по земле, Сатана замечает, что, когда он начинает плакать, в носу колет, «как от лимонада» [238] (эту ассоциацию можно объяснить непривычностью поступающих извне и изнутри героя сигналов, «детскостью» его впечатлений). Проявляющиеся проблески людской природы м-р Генри называет настойкой («Каждое утро, проснувшись, Я чувствую, что вандергудовская настойка человечности стала на десять градусов крепче...» [242]), а произведенный в Риме фурор сравнивает с пивом («...Вероятно, из Моих миллиардов можно было приготовить зелье покрепче, но я сумел сделать только кислое пиво» [288]).

Чаша, кубок символизируют страдания и жертвенность Христа в Гефсиманском саду («Отче мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя» [Мф 26: 42]). На наш взгляд, данный евангельский образ оригинально интерпретируется в «Дневнике Сатаны». Указанием на это служат следующие слова Вандергуда: «Презрение и ненависть, тоска и любовь, гнев и смех, горький, как полынь, – вот чем до краев была налита поднесенная Мне чаша...» [290]; «Вижу полные кубки, но к какому ни протянулись бы мои уста, в каждом нахожу уксус и желчь: или нет других напитков у человека?» [301].

Американский миллиардер имел пристрастие к алкоголю, и во-человечившемся Сатане нравится спиртное. Пускаясь во все тяжкие, он пьет пиво [279], виски, шампанское [256, 333]. Но Магнус потчует Вандергуда исключительно **вином** (вино – эмблема сообщества единомышленников). Мы насчитали 42 случая употребления лексемы «вино», в то время как число названий остальных напитков не превышает десяти.

Хмель помогает Фоме усыпить бдительность м-ра Генри, обмануть его. Сам Магнус пьет мало, лишь в конце произведения, успешно завершив свою аферу, он позволяет себе расслабиться («Мошенник был пьян, но держался крепко и только шумел ветвями, как дуб под южным ветром» [357], «он был явно пьян и глаза его налились кровью» [361]).

Злоупотребление м-ра Генри вином во многом порождено его опьянением любовью. См., например: «Мария, Мария, как испытуешь ты меня! Я еще ни разу не касался твоих уст, вчера я целовал только красное вино... но откуда же на моих губах эти жгучие следы?» [333]. Прочитанный фрагмент позволяет утверждать, что вино в романе ассоциируется еще и со страстью (в Апокалипсисе св. Иоанна Богослова про жену, сидящую на звере багряном, сказано «С нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались

живущие на земле» [Откр 17: 2]).

Когда в произведении говорится о цвете вина (прямо или косвенно), он всегда красный. В первую ночь у Мангуса Сатане снится сон, в котором вино сопоставляется с кровью: «Будто Я бутылка от шампанского с тонким горлышком и засмоленной головкой, но наполнен Я не вином, а кровью! И будто все люди – такие же бутылки с засмоленными головками, и все мы в ряд и друг на друге лежим на низком морском берегу. А оттуда идет Кто-то страшный и хочет нас разбить, и вот Я вижу, что это очень глупо, и хочу крикнуть: “Не надо разбивать, возьмите штопор и откупорьте!” Но у Меня нет голо-са, Я бутылка. И вдруг идет убитый лакей Джорж, в руке у него огромный острый штопор, он *что-то* говорит и хватается меня за горлышко... ах, за горлышко!» [243]. Это сновидение – предвестие опасности, грозящей Вандергуду, а также предзнаменование грядущих изменений, которые произойдут с ним (когда потаенные – «закупоренные» – мысли и желания вырвутся наружу, на всеобщее обозрение глумящейся компании).

По словам И.И. Московкиной, «Мария (как ей и положено) по-гребает Сатану, превратившегося в Христа, “распятого” Магнусом и его “мелкими бесами”» [Московкина, 2005, с. 240]. Вино символизирует кровавое жертвоприношение. На наш взгляд, в этом контексте происходящее с героем андреевского романа обретает характер **евхаристии**. О.М. Фрейденберг пишет: «Вино – позднейшая стадияльная замена крови, и крови разрываемого на части тотема – жертвенного животного; как эта “кровь”, имеющая евхаристическое значение, связана с образом исчезновения-появления, смерти-жизни, так и “вино” сохраняет значение смерти-воскресения и смерти-рождения. Земледельческий эквивалент крови, “вино” означает в фольклоре плодородие, избавление от смерти, производительность» [Фрейденберг, 1997, с. 76].

Мотивы вкушения еды и вина в «Дневнике Сатаны» оказываются связанными со спарагмосом, ритуальным расчленением, брак – с литургией, а убийство – с преодолением смерти.

Итак, нами был исследован только один из многочисленных авторских кодов в романе Л. Андреева. Алиментарные образы несут в произведении значительную эмоциональную и смысловую нагрузку, зачастую выполняют символическую функцию, в ряде случаев перерастают в образы-мифы. Частое варьирование мотивов еды (и питья) помогает воссоздать особый ритм. При этом совмещается несовместимое: отхожее место на пароходе сравнивается с храмом, душевная безмятежность – с ощущениями кита, проглотившего селедку. Писа-

тель меняет ракурс, предлагает то одну, то другую форму видения: человек завтракает, а солитер точит его внутренности; производитель паштета становится консервами, разложенными на тарелке, а в рот ему лезет собственное сердце [234]. Совершающиеся метаморфозы стирают границы между действительным и ирреальным. Прихожане глотают слова Сатаны, как мармелад, черт насыщается благословлениями кардинала. Бесы вселяются в свиней, те превращаются в капитал, капитал – в золото, золото – в прах. Вода становится вином, вино – кровью и т.д. и т.п. И.Ф. Анненский писал: «Андреев не бережет, а напротив, с особой радостью рушит привычности, а взамен заставляет меня искать в мире новых сцеплений и слитий, наподобие тех, которые так прихотливо слагаются вокруг меня вечером из отовсюду нахлынувших теней» [Анненский, 1979, с. 152]. Многочисленные трансформации, смещения смыслов в романе передают идею эфемерности, неустойчивости, пронизывающей мироздание сверху донизу.

Литература

- Андреев Л.Н. Дневник Сатаны: Романы. Повести и рассказы. Письма. Воспоминания современников. М., 1996.
- Анненский И.Ф. Иуда // Анненский И.Ф. Книги отражений. М., 1979.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Белова О.В. Свинья // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 2009. Т. IV.
- Еременко М.В. Мифопоэтика творчества Леонида Андреева, 1908–1919 гг. Саратов, 2001.
- Искржицкая И.Ю. Леонид Андреев и пантрагическое в культуре XX века // Эстетика диссонансов. О творчестве Л.Н. Андреева. Орел, 1996.
- Мифы народов мира: в 2-х тт. М., 1987. Т. I.
- Московкина И.И. Между «pro» и «contra»: координаты художественного мира Леонида Андреева. Х., 2005.
- Уминский А.А., протоиерей. Цикл бесед о Великом посте. [Электронный ресурс]. URL: http://www.trinity-church.ru/prior/articles/stati_i_intervyu_2013_goda/besedy_i_o_poste
- Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб., 2004.
- Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

ФЕЛЬЕТОНЫ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА О ПОЕЗДКАХ ПО ВОЛГЕ И КАМЕ: ПОЭТИКА ИМПРЕССИОНИЗМА

М.А. Телятник

Ключевые слова: Л.Н. Андреев, «Курьер», путевые очерки, Волга, Кама, импрессионизм.

Keywords: L.N. Andreev, «Courier», travel notes, Volga, Kama, Impressionism.

В московской газете «Курьер» за 1900–1903 годы было напечатано свыше двухсот фельетонов Л.Н. Андреева.

Отдельную часть наследия Андреева составляют фельетоны, написанные под впечатлением поездок на берега Волги и Камы, на Рижское взморье, на Черное море, которые с точки зрения их жанровой специфики тяготеют к путевому очерку. Главными здесь являются впечатления и размышления писателя, вызванные пребыванием в этих местах, жизнь которых заметно отличалась от происходящего в Москве и Петербурге. В данной статье остановимся на фельетонах о поездках по Волге и Каме.

При жизни Леонида Андреева рецензенты не удостоивали вниманием его «курьерские» фельетоны. Впервые к ним обратились А. Каун и спустя годы орловский исследователь Л.Н. Афонин, посвятив этой части литературного наследия писателя отдельные главы в своих монографиях.

Новым этапом в анализе деятельности Андреева как фельетониста и хроникера газеты «Курьер» стали работы Л.А. Иезуитовой. Она рассматривала фельетоны с целью выявления «опорных, направляющих линий миропонимания» писателя, которые как «ключ» способствовали истолкованию как его раннего творчества, так и произведений последующих лет [Иезуитова, 2010, с. 26]. Кроме того, Афонин и Л. Иезуитова обратили внимание на социальный аспект фельетона «Волга и Кама», на то, как «интеллигентный обыватель <...> противопоставлен фельетонистом человеку из народа, являющемуся, по его понятиям, носителем и хранителем духа великой нации» [Иезуитова, 2010, с. 37].

Вопросы поэтики в последнее время все чаще привлекают внимание литературоведов, нередко в связи с беллетристическим творчеством писателя. По мнению И.И. Московкиной, стилистические приемы, которые использует Андреев в фельетонах, характерны для эстетики модернистских направлений в искусстве, в первую очередь – для эстетики экспрессионизма.

Анализируя фельетон «Волга и Кама», Московкина пишет, что Андреев стремился «постичь не столько тайны загадочной русской души, сколько <...> суть “настойки человечности”» и что он «одним из первых в русской и мировой литературе запечатлел явление прапамяти» [Московкина, 2005, с. 19].

Между тем, знакомство с путевыми фельетонами о Волге и Каме позволяет увидеть, как вполне определенные элементы импрессионистской эстетики реализовывались Андреевым в тех случаях, когда пропадала необходимость писания «на злобу дня», когда публицист мог позволить себе свободно «изливать душу». Такого рода наблюдения еще не стали предметом внимания со стороны исследователей творчества Андреева. Восполнить этот пробел представляется необходимым автору настоящей статьи.

В одном из фельетонов¹, написанном под влиянием юбилейной речи драматурга А.А. Потехина², писатель размышляет о Волге как колыбели русского свободолюбия и силы.

Андреев считает, что сила и мощь великой реки, ее неисчерпаемое богатство и красота – *«не в роскоши ее пароходов»*, но *«в том могучем духе, который уже сотни лет неистребимо владычествует на ее берегах, прячется в лесах и вольным ветром приносится сюда»*. Главное, чем поражает Волга – это ее люди, подобные сказочным героям или былинным богатырям: *«Широкобородые, рослые, они говорили громко и ходили так прямо и свободно, как будто никогда им не приходится сгибаться. Они пели красивыми, свободными голосами, и сама печальная песня в их мощных грудях перерождалась в широкий и веселый призыв к жизни»*.

Поразившие Андреева на Волге красивые и свободные люди выигрывают и на фоне механических приспособлений: «автор» констатирует, что ему *«машины кажутся <...> такими маленькими и слабыми, а люди большими и сильными, и даже самый крохотный из них глядит так, будто всю свою жизнь он не слезал с колокольни»*. На юге же, напротив, *«сильные машины»* и *«гигантские пароходы»* окончательно подавляют человека; там – по контрасту – *«все, и высокие ростом, и низкие»* кажутся маленькими и беспомощными. Не вполне ясна причина такого противопоставления, ведь, в конце концов, на море та же ширь и простор, вероятно, должны были способствовать формированию духа вольности и независимости.

Площадь (в финале уточняется – Театральная, что возвращает мысль фельетониста к самому событию – празднованию юбилея Потехина) как «идеал простора» снова появляется в тексте, «закольцовывая» композицию фельетона. Теперь «кроткий обыватель» противопоставлен жителю Поволжья, взору которого ежедневно открываются невероятные

¹ Л.-ев [Андреев Л.Н.]. Впечатления // Курьер. 1901. 27 нояб.(№ 328). С. 3. Далее цитаты по публикациям в газете «Курьер» даны в тексте без ссылок.

²Потехин Алексей Антипович (1829–1908) – русский драматург, писатель, беллетрист. В 1901 году отмечался 50-летний юбилей его творческой деятельности.

просторы, «беспредельная луговая и лесная даль», и который вряд ли сможет когда-нибудь смириться с «серенькой действительностью» большого города.

Два других фельетона (от 21 и 28 июля 1902 года)¹ посвящены более поздним впечатлениям Андреева от его новой поездки на Волгу. Позже они были включены писателем в собрание сочинений под общим заголовком «Волга и Кама»².

В первом из них фельетонист, словно вступая в игру с читателем, неоднократно упоминает о своей «обязанности»: «*дать читателю обстоятельнейший рапорт о своих дорожных впечатлениях*». Далее мотив «долга фельетониста» сохраняется на протяжении всего повествования, но он отступает на второй план, служит как бы фоном для развития основной темы: описания красот Волги. Иронические рассуждения о том, как трудно оторваться от созерцания красот Волги, чтобы написать о них для читателей, включены в область «московско-обывательской тематики»: городские происшествия, необходимость регулярных отчетов о них в газете, неизбежная отсюда спешка, набор специфических фельетонных приемов, которыми с тем или иным успехом пользовались все журналисты.

В то же время, трепетное отношение Андреева к живой природе, красоте окружающего мира, заставляет его искать иных художественных способов для передачи того, что открывается его взгляду. В этом фельетоне Андреев использует некоторые приемы эстетики импрессионизма. Для нее характерно так называемое «чистое наблюдение», которое подразумевало отказ от тенденциозности («идеи») в искусстве, от обобщения, от законченности. В то время как традиционное изображение основывалось на абстрагировании от конкретного объекта и производимых им впечатлений, их суммирования и выделения некой средней идеи, требовало «отсечения» случайного, запечатления типичного, наиболее характерного, главного. Импрессионизм же, напротив, утверждал частное, единичное, стремясь запечатлеть мгновения быстротекущей жизни. Импрессионисты отказывались от сюжетности, историчности, социальности, «мысль заменялась восприятием, рассудок – инстинктом» [Голованова, 2009].

Пейзажные зарисовки Андреева во многом соответствуют этим принципам. Они напоминают полотна русских художников, тяготевших к импрессионизму: И.И. Левитана, И.Э. Грабаря, К.А. Коровина,

¹ См.: Джемс Линч [Андреев Л.Н.]. Москва. Мелочи жизни // Курьер. 1902. 21 июля. (№ 199). С. 3 и 28 июля. (№ 206). С. 3.

² См.: Андреев Л.Н. Полн. собр. соч. В 8-ми тт. СПб., 1913. Т. 6. С. 255–262.

Ф.А. Малявина и др. При описании волжского побережья фельетонист создает сочные многокрасочные картины с яркими цветовыми пятнами.

«Я гляжу в потолок – на нем светлой сетью играют блики от волн, озаренных солнцем, и мне хочется говорить об этих бликах».

«Мне хочется рассказать о том, как светит солнце, как блестит и сверкает вода; мне хочется передать об удовольствии пить чай на пароходе, когда перед глазами плавно проходят лесистые берега и утесы и вся красота Божьего мира».

«Наверху ее домишки, сверкающие новым тесом, а возле них люди в красных рубахах – что-то кричат и весело машут руками, и все это под ярким солнцем, так весело, так светло и празднично, как зажиточное село на Пасху. Не хватает только колокольного звона, но и он чудится где-то в этом прозрачном, колеблющемся и ласковом воздухе».

«Мысль бездействует. Ухо с жадностью ловит новые и красивые звуки; глаза с наслаждением отдыхают на широких красочных перспективах; все тело, долго бывшее только рабом мысли, требует своего и живет своею интенсивною и счастливою жизнью. Как передать радость жизни, ту радость, которой насыщены солнечные лучи, и зелень деревьев, и синева неба?»

Близка к принципам импрессионизма и «философская основа» этого фельетона – принципиальный, специально оговоренный отказ от социальных и публицистических обобщений (*«весьма печальный момент: ужасное разногласие между высокими задачами фельетониста на общественные темы и тем, что мне хочется говорить о чайках и пароходах»*). Своеобразным следствием этого является сравнительно малая доля иронических и сатирических элементов. Андреев намеренно сосредотачивается на внешних впечатлениях, звуках, красках, ощущениях.

В свое повествование он включает занимательные эпизоды – кормления чашек, пестрой толпы на пристани, а также дает портретные зарисовки наиболее выразительных лиц пассажиров теплохода.

Звуковые ощущения столь же яркие и мощные, как и зрительные: *«Оглушительный, но музыкальный рев свистка раздирает уши, и пароход всей своей тяжелой массой надвигается на конторку, точно желая ее раздавить, – слышится команда, бросается канат, застопоренный колосс, с удивительной кротостью и нежностью, прижимается к вздрогнувшей пристани».*

Чайки – один из атрибутов речного путешествия, они оживляют речные просторы, их кормление – одно из традиционных развлечений для пассажиров. Кроме того, эти грациозные птицы – принадлежность жизни природной, воплощение ее красоты и гармонии (*«Они плавно реют над пароходом, почти не двигая распростертыми крыльями, кру-*

жатся, скользят с непостижимой ловкостью одна возле другой <...>. Они так красивы и милы со своей снежной грудью и коричневыми головками, они так ловки и грациозны <...>», но они же – и вечные спутники пассажиров, выпрашивающие у них хлеб («Они <...> очень вразумительно поглядывают на хлеб. <...> отказать им в ходатайстве не хватает сердца. Кусок за куском летят в воздух и, не касаясь воды, исчезают в раскрытых клювах. Бросают все, бросаю и я»).

Путешествие на пароходе – это, в значительной степени, отрыв от привычной реальности, интонации повествования здесь приобретают лирическую окраску, все привычное и бытовое видится особенно ярким, выразительным, незабываемым.

Народ на пароходе и на пристани – это все та же пестрая толпа, поражающая буйством красок, звуков, колоритом характеров: «*Пестрым потоком устремляется по сходям народ; крики, шум, движение, толчки в бок и легкие ругательства*»; «*Разношерстная и любопытная в своей разношерстности толпа: рабочие с косами, татары, интеллигентные островки с кокардами и в шляпах и просто какие-то диковинные люди, облаченные в живописную рвань. Какие лица! Какие бороды! Какие груди! Какое богатство выразительности, проникающее каждую черточку лица, каждую складку одежды!*». Однако трагизм существования русского человека не исчезает окончательно из поля зрения писателя, трагедия бытия лишь на время отступает под влиянием ярких и живописных впечатлений. Экзистенциальная составляющая мироощущения Андреева проявляется и здесь, хотя не столь явно, как в других его произведениях: «*Всякое лицо как раскрытая книга, но писали ее не люди, а сама великая жизнь, и оттого так много в ней сокровенной мудрости, граничащей с тайной, и оттого так много в ней страдания*».

Лица окружающих писателя людей несут на себе отпечаток этого избыточного страдания, и здесь уже заметны элементы более свойственного стилю писателя экспрессионизма, с его тенденцией к контрастам и графичному схематизированному изображению действительности. Вот, к примеру, портрет измученной матери на фоне развеселых и «*дико браваурных воплей*» граммофона, которые, обрамляя изображение, создают своеобразную кольцевую композицию этой словесной зарисовки:

«Вот женщина. В руках граммофон, изрыгающий какие-то дико браваурные вопли вроде: “Караул, разбой, батюшки мои, мои”, а вокруг нее дети, куча детей, мал мала меньше. Кто ползает, кто держит ее за платье, а впереди босоногая девочка с доской на груди: “На пропитание бедного семейства”. Но лицо женщины – такого ужасающе-выразительного лица я никогда не видал! Сухое, истомленное, потемневшее, в каждой частице пропитанное слезами, но наружу ни одной

слезы. *Наружу – голая и непоколебимая решимость жить, жить во что бы то ни стало; воля, граничащая с отчаянием, покорность, близкая к богохульству и проклятиям. Она не уступит жизни, она не жертвует ни одним из этих босоногих малышей, – но как много тоски в ее решительности, как много в ее мужестве слез.*

– Караул, разбой, батюшки мои, мои...»

Другая портретная зарисовка – слепого музыканта Федора – дана в более спокойной, сдержанной тональности. Это почти монументальное изображение выдержано в строгой монохромной гамме (*«изваянное лицо слепого, у которого вся жизнь ушла в глубину, и лицо безмолвно, как могила. <...> был весь серый и однотонный и, крупный фигурой и чертами лица, он походил на какой-то движущийся памятник»*), что подчеркивает теплое чувство благодарности и симпатии.

С Федором, как выясняется, фельетонист познакомился давно, уже три года назад, во время поездки по Дону. Этот слепой музыкант сыграл в его жизни роль своеобразного поводыря, звуки его гармони выводят автора из состояния душевной смуты и неприкаянности (*«Я плыл от неизвестного к неизвестному, и непроглядная ночь, окутавшая реку, была и во мне»*).

Музыка, даримая Федором, не растворяет окончательно печаль души, но придает ей всеобщий, общечеловеческий характер, объединяя людей, равно восприимчивых и к земной красоте, и к земному страданию: *«Было тепло и тихо, и маленький пароход мягко стучал колесами по сонной воде, и на юте, среди немногих примолкших пассажиров, сидел этот самый Федор и играл на гармонии. Звучным альтом ему подпевал мальчик-поводырь, и пел он без слов. Как мог слепой вложить столько страждущей души в неподатливый инструмент, я не знаю; но так чисты, красивы и печальны были звуки, и так гибко вторил им нежный альт, что еще темнее стала июльская душная ночь. И вся она с тихим плеском волны, с запахом трав и загадочным безмолвием звездного неба говорила в этих звуках о какой-то великой, из века идущей печали»*.

Вид слепого музыканта рождает у фельетониста мысли о вечности, о несправедливости судьбы, об извечном человеческом страдании, понимание которого становится основой для ощущения единства судеб людей.

Самобытные лица женщины-матери и слепого музыканта Федора противопоставлены сонму одинаковых, стертых «интеллигентских» лиц, которые словно *«сделаны по одному какому-то и притом весьма неважному образу»*. Здесь опять звучат обвинения в адрес «интеллигентных обывателей» – постоянного объекта сатирических сентенций Ан-

древа, предмета его устойчивой антипатии. В этих рассуждениях фельетонист снова обращается к приемам сатиры и гротеска, а также «овеществления», «опредмечивания» того, что, по сути, является растираженной бездуховностью: *«Сильно развитый интеллект, высокая образованность и развитие налагают на лицо печать резкой индивидуальности, это верно, – но та ходячая интеллигентность, представителями которой является подавляющее большинство, точно сглаживает лица. Как будто лицо обстругали сперва арифметикой Малинина и этимологией Говорова, пообрубили историей Иловайского, прогладили лекциями проф. Тарасова и потом каждый день полируют какой-нибудь газетой. Получается не лицо, а как бы отражение сотен лиц, нечто неуловимое, как мерцание или зарница, и вместе положительное... ну, как лопата».* Традиционно едкие замечания достаются и собратьям по перу, к примеру, П.Д. Боборыкину, который различает обезличенных интеллигентно-обывателей то *«по количеству волосков на бороде и родимых пятен»*, а то *«единственно по масти да по телосложению»* – совсем как животных, ибо, по ироническому замечанию Андреева, их псевдодуховная и псевдоинтеллектуальная жизнь не оказывает никакого влияния на их внешний облик: *«на последнее арифметика Малинина и лекции проф. Тарасова видимого действия не оказывают: брюнет, блондин, толстый, тонкий».*

Размышления о ценности индивидуальности, необходимости ее сохранения даны, как это часто бывает в фельетонах Андреева, в сатирически заостренной манере, здесь также используются приемы «от противного», семантические и синтаксические повторы, «овеществление» живого объекта, ирония и гротеск: *«Я хорошо знаю, что по речи нельзя отличить одного интеллигента от другого, как нельзя отличить передовицы в одной газете от передовицы в другой газете, как нельзя отличить одного рассказа от другого рассказа. Все хорошо пишут и все хорошо говорят, и если бы природа вздумала уничтожить басы и тенора, она привела бы людей к великой путанице».* Той же цели – создания картины унифицированного, обезличенного сообщества интеллигентных обывателей – служит и намеренное смешение стилей, сочетание газетно-публицистических штампов с просторечной лексикой и трансформация фразеологизмов: *«Интеллигентное, обкультуренное лицо – это та же книга, но книга закрытая и запечатая на дюжину замков. Как ни велика сила лекций проф. Тарасова и других нивелирующих факторов, она не может дотла истребить индивидуальность – и она живет. Но живет она в таких глубинах, что и голоса оттуда подать не в силах».*

Но центральный мотив путевых фельетонов все же не этот. На первый план в них выходят размышления о природном мире, сфере не быта,

а, скорее, бытия, на которые писателя наталкивала сама обстановка путешествия.

В фельетоне о путешествии по Волге Андреев создает великолепные пейзажные зарисовки, напоминающие картины Н. Рериха:

«Глубоко вниз, почти по крутому отвесу, бежали стволы деревьев, становились все чаще и тоньше и, наконец, терялись, захлестнутые зеленой волной и листьев и ветвей. Налево темнел глубокий овраг, и вершины его деревьев лежали у меня под ногами, как сплошь затканый ковер, а впереди, сквозь ветви проглядывала даль. Какая это была даль! Солнце заходило и полнеба горело, до того правдоподобно напоминая настоящий пожар, что все агентства должны были в тот вечер переполошиться. И в этом огне, словно поджариваясь, неподвижно стояли бесформенные гигантские купы облаков, а под нами, на страшной глубине, широкими серебристыми полосами расстилалась Волга со своими рукавами. Темной земли было так мало, что разрозненные куски ее казались островками, и все впереди, куда ни глянь, была вода, светлая, прекрасная в своем покое и чистоте».

Волга и Кама – величайшие русские реки, которые Андрееву довелось увидеть – в его представлении обретают (как ранее море) черты живых существ, они обладают собственным характером, привычками, настроением.

Второй фельетон Андреева начинается со слов: *«Волга – веселая река»*. Это определение, по мнению писателя, *«самое близкое в действительности»*. Волга *«величественна, многоводна и очень часто грозна»*, *«внушительна»* во время шторма, может сердиться, *«как может сердиться самая большая река, сознающая свою силу и мощь»*, выражать свой *«отеческий гнев»*, но при этом сохраняет свой веселый характер. В дождливую и мрачную погоду Волга бывает и *«хмурой»*, *«совсем как человек, у которого внезапно разболелись зубы или потребовали давно забытый долг»*. Но *«и в гневе»*, *«и в хмурости своей»* Волга остается веселой. Андреев сравнивает ее с веселым человеком, который, даже когда плачет или гневается, *«не скроет тех морщинок, что прорезал на лице его постоянный смех»*.

Сравнение Волги с человеком приобретает развернутый характер: яркие полосы прибрежного песка своим сверканием напоминают фельетонисту *«молодые зубы у смеющегося человека»*, река *«в чем-то неуловимом»*, *«в очертании берегов, в кудреватости русловых извивов»* – в том, что он называет *«физиономией реки»* – сохраняет *«это глубокое, органическое, неистребимое веселье, не поддающееся даже землечерпательным машинам и нобелевской нефти»*.

Прием олицетворения здесь используется достаточно широко. Волга вызывает у автора уважение и *«сознание (как ни странно это сказать) ее нравственно-могущества»*. В этом величии, могуществе, веселом характере видит Андреев причину неизменной любви к Волге русского человека, в характере которого, по его глубокому убеждению, так же нет *«бесцельной и бессмысленной меланхолии»*. Если Волга наделена человеческими чертами и качествами, то о свойствах людских характеров Андреев пишет в лексике «приземлено-бытовой» и «пейзажной»: у русского человека *«много щемящей грусти, порой **черного, как ночная мгла, отчаяния**», но нет (или не должно быть) «этой слюнооточивой хандры, когда хандрящий **кротко распускается, как оттаявший студень**, а в ожидании сего плачевного момента неукоснительно и при малейшей okazji **дрожит, как тот же высокоочувствительный студень**»*.

Андреев олицетворяет не только Волгу, но и другие объекты природного мира. Тот же прием, но уже отражающий иное авторское отношение, мы видим в случае с Азовским морем – «самым маленьким морем». Никакого почтения Азовское море автору не внушает: *«И не уважение, не ужас вызывает его гнев, а самые непочтительные чувства: хочется взять его за шиворот, надавать шлепков и выбросить за дверь»*.

Жигулевские горы – это *«сплоченная и дружная шайка превеселых ребят, курчавых, в красных кумачовых рубахах и с балалайками. Превеселые ребята: блестят их крепкие волчьи зубы, лоснятся и краснощекие рожки, мелким кольцом вьются волосы и бороды, бойкие шуточки змеются на устах, и – береги свою мошину, толстопузый купчина, повыше огораживайся тыном, седовласый воевода, ходи дальше, кроткий обыватель!»* Возможно, именно эта характеристика предопределила выбор Андреевым фамилии своего героя, «благородного разбойника», ставшего атаманом грабителей, – Сашка Жегулев.

В противовес Волге Кама – река *«мрачная и сосредоточенно-хмурая»*. Кама может быть задумчивой и меланхоличной, от блеска солнца она иногда *«неохотно улыбается»*, но потом снова *«уйдет в свою мысль, тяжелую и дремотную»*. Ее основной эпитет – **острый**. Впечатление агрессивности, остроты и колючести усиливается при помощи повторов: *«И все на ней какое-то **острое и прямое: ломаная линия островерхих гор, а по горам острые, как кинжалы, ели. И стоят эти ели в одиночку, и каждая острая вершина отдельно врезается в голубое небо. <...> и волны **острые и злые**. Волга, та дружески обнимает идущие по ней суда, а эта словно кусает их**»*. Даже вода в Каме не такая, как в Волге: здесь ее *«ужасно много»*, так что *«подчас едва видны*

берега», но все это недоброе, хмурое, злое по отношению к человеку, и сама вода *«какая-то желтоватая, тревожная»*, как в сказке про темные силы, – недаром Кама *«ужасно безлюдна»*.

В художественном мире Андреева человеческими чертами наделены и другие персонажи: *«скупное»* небо расстилается *«серым резиновым плащом»*, сизые волны *«в хандре затопчутся на одном месте»*, низовой ветер *«мощным дыханием до самого дна взроет тяжелые массы бурой, красноватой воды, зажжет их белым огнем свирепых “барашков” и бросит на небо груды гигантских облаков, огромных и тяжелых, как развалины циклопических построек»*.

Напоминает живое существо и сам Арзамас: *«тихо умирающий городок»*, *«город застывший и тихо стареющий, как стареются многие русские города»*.

Мотивы звука и безмолвия, тишины постоянно присутствуют в путевых фельетонах Андреева. Звуки также ведут себя *«по-человечески»*: *«с зловецей бесиумностью бежали струйки воды»*, *«пестрый шум»* – звуки робкого человеческого присутствия, они *«бесследно исчезали <...>, словно ребята, проглоченные великаном»*.

Зато тишина, напротив, – *«настоящая»*, *«солидная»*, *«седая»*, *«старая»*, *«крепкая»*, *«извечная»*; она *«пьянит»*, *«просвечивает»* сквозь шум *«ровным, спокойным фоном»*, она *«копится десятками лет, крепчает, как старое вино, и так трудно поддается голосу, точно не в воздух кричишь, а полено рубишь»*. Тишина также олицетворяется: *«такая серьезная, строгая и самоуверенная <...>, что даже совестно становилось за свою попытку нарушить ее»*. Эта тишина способна лишить человека, по замечанию Андреева, ощущения *«собственного тела»*, отчего автору становится *«как-то весело <...>, весело и чудно»*. Ощущение оторванности от цивилизации, тишины и безлюдья не ввергает путешественника в уныние.

Автор чувствует свою причастность этой природной жизни, малой частицей которой он себя осознает: *«Видали вы пень столетнего дуба, спиленного под корень? От самой сердцевины правильными кругами идут слои – по одному слою в год. Так и душа. Один лишь верхний ее слой – ваш, а остальные, многочисленные, даны предшествующими вам жизнями»*. Таким образом, путешествие приобщает человека извечным основам бытия.

Тишина Поволжья в конце отлична от *«вздорной»* тишины цивилизации, возникающей ненадолго *«между двумя городскими гвалтами, когда трупы умерших звуков еще не остыли»*.

Суэта и шум сопровождают и жизнь отдельного человека (влезая на крутой откос, автор *«шумел, как может шуметь человек, у которого*

в трех местах порвалось платье, вот-вот оторвется подметка, в руках ломаются ветви, а из-под ног валяются камни и который **пыхтит, как автомобиль**»), и жизнь небольшого человеческого сообщества («на нашем берегу горели костры, **фыркали лошади**, <...> **слышался отрывистый тихий говор**, и вернувшийся рыбак над чем-то **плескался у своей лодки**»), и жизнь большого города: «в Нижнем **суета, движение, жизнь**. Сотни судов **загромождают реку**; десятки пароходиков и пароходов **перерезают ее во всех направлениях**: по берегу **звонит трамвай**, бесшумно **скользят вверх и вниз** элеваторы; **грохочут извозчики и ломовые**, и **многоголосый говор** стоит над пристанями».

Арзамас отличается от Нижнего тем, что он тих; его основные атрибуты – спокойствие, медлительность, старение и умирание. Не случайно именно здесь Андреев отмечает единственный звук человеческой жизни, который роднит ее с природно-бытийной, потому что неуклонно напоминает о времени и вечности. Это «вечный стон» колоколов: «...В Арзамасе почти все колокольни имеют часы и, помимо четвертей, некоторые часы **отбивают и минуты**. Странное получается впечатление! **Ночь, тихо умирающий городок и над ним – каждую минуту – тихий стон колокола. Еще минута прошла**».

Философские раздумья писателя в путевых фельетонах соединены с живописными картинами природной жизни, пробуждающими в человеке потребность задуматься над первоосновами своего бытия. Свойственная Андрееву тяга к сатире и гротеску, к экспрессивной изобразительной манере в путевых фельетонах значительно ослаблена, а склонность к передаче непосредственных эмоций вместо развернутых рассуждений позволяет говорить, скорее, об импрессионистских чертах его художественной манеры.

Литература

- Андреев Л.Н. Волга и Кама // Андреев Л.Н. Полн. собр. соч. В 8-ми тт. СПб., 1913. Т. 6.
- Афонин Л.Н. Леонид Андреев. Орел, 1959.
- Голованова И.С. Модернизм. [Электронный ресурс]. URL: <http://irgol.ru/lektcii-po-istorii-mirovoj-literatury/modernizm/>
- Джемс Линч [Андреев Л.Н.]. Москва. Мелочи жизни // Курьер. 1902. 21 июля. (№ 199) и 28 июля. (№ 206).
- Иезуитога Л.А. Леонид Андреев и литература Серебряного века: Избранные труды. СПб., 2010.
- Л.-ев [Андреев Л.Н.]. Впечатления // Курьер. 1901. 27 нояб.(№ 328).
- Московкина И.И. Между «pro» и «contra»: Координаты художественного мира Леонида Андреева. Харьков, 2005.
- Kaun A. Leonid Andreev. New York, 1924.

**АРАБСКИЕ СКАЗКИ «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»
И НОВЕЛЛА С.Д. КРЖИЖАНОВСКОГО «НЕКТО»:
ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ.**

А.А. Мансков

Ключевые слова: аллюзия, книга, время, смерть, игра.
Keywords: allusion, book, time, death, game.

В финале новеллы С.Д. Кржижановского «Некто», обнаруживается аллюзия к книге арабских сказок «Тысяча и одна ночь». *«Где “Некто”? Наверное, под переплетом задачника; в подпольи; ночует то в № 1001, то в № 666...»* [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 217]. Называние числительных 1001 и 666 в новелле непосредственно отсылает читателя к интертекстуальным претекстам: «Тысяча и одна ночь», «Библия».

Использование данных аллюзий определяется авторской установкой на их узнавание читателем. Так, «Тысяча и одна ночь» является памятником средневековой арабской и персидской литературы, с детства знакомой каждому человеку, умеющему читать. Она воспринимается посредством детских читательских кодов, и воспоминание о ней сохраняется на протяжении всей жизни. Библия – «книга книг», ставшая первой переведенной, первой печатной, и наконец, имеющей огромное значение в христианском мире книгой. Кржижановский использует данные аллюзии в качестве двух начал или полюсов человеческой мысли. Они символизируют собой мудрость Востока и Запада. Автор осмысляет их в тексте как две точки единого целого, подобно альфе и омеге стремящихся друг к другу.

Обращение Кржижановского к сказкам «Тысяча и одной ночи» связано не только с популярностью книги в Европе и России в первой трети XX века¹, но и с интересом писателя к культуре мусульманского Востока. Его всегда привлекал арабский мир, как нечто таинственное и загадочное. Эта тенденция проявляется на протяжении всего его творчества. В произведениях автора «Сказок для вундеркиндов» фигурируют темы, и образы, связанные с восточной мифологией и литературой. Подтверждением этому служат новеллы «Две

¹ Первые переводы сказок «Тысячи и одной ночи» появились в России XVIII веке. Они были переведены с французского языка на русский. В 30-е годы XX века возник новый интерес к литературному наследию Средневекового Востока. Первый русский перевод непосредственно с арабского был выполнен М. Салье в 1929 году.

шелковинки», «Левое ухо», «Украденный колокол» и другие тексты. Непосредственные аллюзии на книгу «Тысяча и одна ночь» эксплицируются в сборнике узбекистанских импрессио «Салыр-гюль». Так, один из очерков четвертой части импрессио имеет прямую отсылку к книге арабских сказок. Эта особенность обнаруживается при наблюдении за названиями путевых записок. Очерк, посвященный литературному наследию Узбекистана, называется «Дуньязада». В качестве интенции, необходимой для вхождения в нарративную структуру текста, Кржижановский использует имя героини, сестры Шахразады. Уже само название дает читателю установку на восприятие текста, ситуация узнавания ономастических коннотаций «Тысяча и одной ночи»¹. *«В первую же ночную встречу с Шахрияром Шахразада сказала: “О царь, у меня есть маленькая сестра, и я хочу с ней проститься”, царь послал за Дуньязой, и она пришла к сестре»* [Кржижановский, 2003, т. 3, с. 434]. Посредством интертекстуальной отсылки к книге арабских сказок (разговор Дуньязиды со старшей сестрой) автор передает особенности поэтики «Тысячи и одной ночи». *«И младшая сестра сказала Шахразиде: заклинаю тебя Аллахом, сестрица, расскажи нам о чем-нибудь, чтобы сократить бессонные часы ночи. – С любовью и охотой, если разрешишь мне безупречный царь, – отвечала Шахразиде, и, услышав эти слова, царь, мучившийся бессонницей, обрадовался, что послушает рассказ, и позволил. Отсюда и начинается длинная нить, с постепенно нанизываемыми на нее сказками»* [Кржижановский, 2003, т. 3, с. 434]. Все это указывает на то, что Кржижановский хорошо знал данный памятник средневековой арабской и персидской литературы, сюжеты и образы которого нередко являлись предметом его художественной рефлексии.

При упоминании числительного 1001 в новелле «Некто» автор дает читателю установку на «чужое слово». Некто ночует «под переплетом задачника». С точки зрения формы задачник представляет собой сборник, совокупность различных текстов (задач), крайними точками которых являются номера № 1001, № 666. Называние этих номеров предполагает наличие и других, предшествующих им и следующих за ними. В свою очередь, задачник, в котором скрывается «Некто», находится среди других книг. Подтверждением этому служит встреча персонажа с таинственным незнакомцем спустя десять лет после первого знакомства. *«Ну, идите, юноша, идите, куда шли: мне*

¹ Будучи теоретиком литературы, Кржижановский большое внимание уделял заглавиям литературных произведений. Он был первым советским литературоведом, написавшим исследование по данной тематике: «Поэтика заглавий» (1925).

сюда, – оборвал “Некто”, поворачивая голову к витрине. Я глянул по направлению его движения: только теперь я разобрал – это было узкое окно какого-то мелкого книжного магазинчика: среди брошюр, печатного старья, дешевых книг и журналов блеснуло золотом в глаза из красного: “Задачник по арифметике”» [Кржижановский, 2003, т. 3, с. 215].

Как в книге арабских сказок «Тысяча и одна ночь», так и в новелле «Некто» происходит взаимодействие фантастического и реального начал. Они переплетаются между собой, образуя сложную текстуальную реальность, в которой одновременно могут существовать вымышленные (сказочные) персонажи и реальные люди. В «Сказках тысячи и одной ночи» представлен целый bestiарий мифологических существ: от вероломных джиннов, сотворенных из огня, до таинственных духов, знающих ответы на все вопросы в мире. Они имеют необычный внешний вид, обладают способностями, отличающими их от людей.

В новелле «Некто» отсутствует многообразие мифологических существ, представленных в сказках «Тысячи и одной ночи». Несмотря на это, в образе таинственного незнакомца в тексте обнаруживаются черты, эксплицирующие семантику необычного и фантастического. Так, «Некто» является существом, обладающим внешностью обычного человека, но характеризующимся при этом наличием нетипичных качеств: умение неожиданно появляться и исчезать, способность к физическим трансформациям. Чтобы поместиться в книге, персонажу удается уменьшить размеры своего собственного тела.

Наряду с этим незнакомец из парка существует одновременно в двух логиках: человеческой, для которой характерны причинно-следственные связи (встречи с гимназистом, реалии исторического времени), и в фантастической логике (продолжительность жизни «Некто», его поступки).

В связи с этим можно провести параллель между мифологемой джинна¹ в книге «Тысяча и одна ночь» и образом таинственного незнакомца в новелле «Некто». Общим моментом, сближающим исследуемые тексты, является семантика места пребывания персонажа. Согласно мусульманской мифологической традиции, местом обитания джинна служит какой-либо предмет материальной культуры, как правило, полый формы. Чаще всего это различные сосуды (кувшин,

¹Образ джина также фигурирует в книге узбекистанских импрессионистов «Салыр-Гюль»: «<...> некий купец выплюнутой финиковой косточкой убивает невидимого маленького сына могущественного джинна; джинн, представ перед убийцей, требует жизнь за жизнь» [Кржижановский, 2003, т. 3, с. 434].

амфора), масляная лампа и т.д. Джинны оказываются в них в силу определенных обстоятельств: заточение, изгнание и т.д. Чтобы поместиться в каком-либо сосуде, они должны уменьшиться в размерах. В арабских сказках рассматриваемые мифологические существа являются рабами владельцев предметов, в которых они заключены, должны быть послушными им и исполнять их желания.

Схожие особенности обнаруживаются в художественном мире Кржижановского. Так, в новелле «Украденный колокол» непосредственно фигурирует образ джина. *«Ночью глухого Джаа-джи-джуа разбудило странное ощущение. В раковине правого его уха ворочалось какое-то воздухообразное существо, разговаривающее с ухом тихими, но внятными словами. Звонарь приподнялся на локте и слушал: - Это я, джинн, живший под медной кровлей твоего колокола. Сейчас я, дух звонов, лишен своего обиталища и решил поселиться в твоём ухе. Тут тесно, но ведь ты не прогонишь меня, Джаа? Место платы за помещение я буду платить тебе полуслышанием, в правое твое ухо возвратятся звуки»* [Кржижановский, 2003, т. 3, с. 200]. Здесь очевидно сходство особенностей функционирования мифологических персонажей из книги «Тысяча и одна ночь» и персонажей Кржижановского (семантика полого предмета, в котором поселяется джинн, мотив служения господину и т.д.).

В новелле «Некто» обозначенные черты имеют несколько иное выражение. В отличие от своих мифологических предшественников таинственный незнакомец выбирает в качестве места временного пребывания другой предмет материальной культуры. «Некто» скрывается в книге. Предполагаемому случайному прохожему в тексте, увидевшему стоящий в витрине учебник, не придет в голову искать спрятавшегося в нем человека. Пребывание персонажа в данном пространстве эксплицирует собой семантику затворничества. Если джинны в мусульманской мифологии по чьей-то воле вынуждены находиться замкнутыми в каком-либо предмете, то данный процесс в новелле вызван событиями реальности, в которой находится «Некто». Он оказывается вынужденным прятаться в книге и из-за страха не может покинуть ее.

Общим моментом, сближающим исследуемые тексты, являются особенности функционирования категории времени, его трансформации. В «Тысяче и одной ночи» само понятие времени относительно. В книге нет точного обозначения темпоральных характеристик происходящего (месяц, год, несколько лет), а есть только обозначение предполагаемых временных рамок, маркируемых количеством ночей. Лейтмотивом всей книги арабских сказок является

мотив растягивания и сжимания времени. Эта тенденция проявляется через особенности функционирования персонажей. В этом случае Шахразада, выступающая в качестве нарратора, вынуждена следовать двум логикам. С одной стороны, девушка должна сжимать повествование, чтобы оно было динамичным и захватывающим и не наскучило царю. С другой стороны, она не может оборвать нить повествования, так как от этого зависит ее собственная жизнь. Сказительница растягивает действие истории, балансируя между динамикой нарратива и интриги, создаваемой посредством недосказанности неожиданного финала (утренние сумерки, начало нового дня). Поэтому Шахразада должна выдумывать продолжения историй, связанных с полубившимися царю героями, до тех пор, пока Шахрияр не утратит интереса к ним, то есть здесь очевидна ситуация одновременного сжимания и растягивания повествования. Как следствие этого, общие коллизии все время переходят из одной сказки в другую, дополняясь параллельными сюжетными линиями. Различные сюжеты рождаются друг из друга, кончаются, будто лишь для того, чтобы в несколько измененном виде встретиться в следующей истории, рассказываемой Шахрияру. Вероломный царь оказывается пленником замысла Шахразады, не способным преодолеть очарование рассказов девушки. Он не может ничего сделать со временем, чтобы скорее узнать финал той или иной истории, а вынужден ждать следующей ночи. Здесь действует логика парадокса: динамизм нарративного дискурса соотносится с трансформациями времени. Такая последовательность повествования определяет специфику всей книги, заявленной в ее названии.

Метаморфозы, связанные с функционированием категории времени, обнаруживаются также в новелле «Некто». Семантика растягивания и сжимания времени проявляется на нескольких уровнях текста. Подтверждением этому служит факт взаимодействия персонажей: встречи молодого человека и «Некто». Эти встречи характеризуются темпоральной протяженностью: с детства (*«приготовишкины дни моей жизни»*) [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 210] до юности, (*«Отошло лет десять»*) [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 213] и состояния взрослости (*«И еще миллионы секунд»*) [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 216]. На это указывает упоминание «Некто» влюбленности гимназиста: (*«Ну а вы, конечно, молодой человек, любите, там... первую “единственную”, вторую “единственную”, третью “единственную”... Которая сейчас?»*) [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 214]. Растягивание, как форма замедления времени, эксплицируется непосредственно в тексте через описания занятий математикой гимназистом, а также его фантазий,

связанных с образом «Некто». *«Тянутся долгие зимние вечера. Лампа прикручена. И в вихрастой голове, сонно качающейся над синими клеточками тетради, под слипающимися веками в рамке – из черных цифр возникает будто давно-давно знакомый облик: пожилой господин – глаза спрятаны за синими стеклами очков – щетинится седеющая острая борода»* [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 210].

Мотив ретардации времени проявляется также через описание успеваемости персонажа в гимназии, его незнание арифметики. Из-за провала экзамена он вынужден остаться в прежнем классе, чтобы повторить изученный курс, то есть время учебы увеличивается, удлиняется на год: *«Из первого во второй предстояла «передержка»* [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 210]. Данный мотив повторяется далее в тексте в ироническом монологе «Некто» по отношению к гимназисту. *«Боюсь, срежете на переэкзаменовке, – строго добавил “Некто”. – Вам сколько? Двенадцать? Порядком. По два года на восемь классов – $2 \times 8 = 16$, а $12 + 16$ равно 28»* [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 213]. Здесь очевидна ситуация замедления времени в новелле, на которую накладывается мотив счета лет. Время, воспринимаемое детским сознанием как лишнее движения, увеличивается посредством математических операций «Некто». Персонаж оказывается пойманным в ловушку времени, которую ему с трудом удастся преодолеть.

Семантика сжимаемости времени реализуется в новелле через характер встреч гимназиста и «Некто». Они отличаются неожиданностью и запоминаемостью. Каждая из встреч вызывает в сознании персонажа широкий спектр чувств и переживаний (от недоумения до антипатии).

«Сунув руки в карманы студенческой тужурки, я шел пустынными улицами, вслушиваясь в свои шаги и в свои мысли. Вдруг у самого уха: – А-а, сколько лет, сколько зим... Голос знакомо тихий и знакомо четкий. Я обернулся: в блике фонаря – очки, острая борода, насмешливый профиль. – Виноват.

– Забыли? – Нет, - отвечал я, стараясь быть развязнее, - правда, года четыре как не заглядывал к вам, под красный коленкор, но... помню. Вам что угодно?» [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 214].

Каждая новая встреча персонажа с «Некто» является своего рода точкой отсчета, предвещающей наступление последующих событий в тексте (новые встречи). Этот отчет ведется обоими персонажами. Так, «Некто» во время второй встречи говорит повзрослевшему гимназисту: *«Десять лет, два месяца и четырнадцать дней тому назад я имел удовольствие уже беседовать с вами»* [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 213]. Семантика отсчета времени переносится также и на молодого человека. Подобно своему таинственному собеседнику, он начинает отчет

времени после последнего общения с «Некто»: *«Отошли 31 536 000 и еще 31 536 000 секунд. Запылали зарева войн. Я не встречал в их свете “Некто”, но часто чуялась близость и возможность встречи — ведь сказал же он: “До свидания”»* [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 216].

Мотив растягивания времени в новелле эксплицируется не только через образ гимназиста, но и через образ «Некто»: особенности его экзистенции. «Некто», как и большинство других таинственных незнакомцев Кржижановского, вынужден существовать из века в век. В беседе с повзрослевшим гимназистом он сообщает следующее:

«... вы думаете, мне легко: тысячелетие к тысячелетию, век к веку, год к году, — и в каждом, вы только подумайте, 525 600 минут, нет — 31 536 000 секунд, и все они одинаковы, понимаете, одинаковы и пусты. Один — меж миллиардов пустот» [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 215]. Наряду с годом и веком, единицей отсчета времени для «Некто» становится тысяча лет. Числительное тысяча с его производными становится лейтмотивом текста. Оно возникает в одном контексте с исследуемым персонажем задолго до его бегства под коленкор учебника между задачами № 1001 и № 666. Во время второй встречи с молодым человеком «Некто» в речи также использует данное числительное.

«— Тысяча извинений, — проговорил спутник, все не отставая. Голоса наши гулко бились о каменные стены ночной улицы. — Тысяча извинений» [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 214].

Несмотря на то, что числительное тысяча служит лишь элементом идиоматического выражения, оно фокусирует читательское внимание на мотиве времени в тексте. Здесь возникает очевидная игра смыслов. Ситуация повторения дублируется последующим высказыванием персонажа о таинственном незнакомце: незаконченная фраза гимназиста, которую обрывает его спутник. *«Хочу — люблю, хочу — нет. Ударам сердца счета не веду. И вообще, я не понимаю, зачем вы вторично...»* [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 214] («вторично» — семантика повторяемости действия). Посредством этого приема автор переводит внимание читателя на монолог «Некто», а также подводит его к восприятию раскрытия тайны экзистенции персонажа. *«Числа — числа — числа: и каждое притворилось дюймо́м, метром, вехой, верстой, пространством, беспредельностью; работником; сыном, братом, человеком; глуби́ю, высью и ширью. Один, всегда один среди мириады пустот!»* [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 215]. В столкновении взглядов бывшего гимназиста и «Некто» очевиден конфликт прагматично-математического и гуманитарного мировоззрений, а также, в более широком аспекте, разрушительного противоречия культуры и цивили-

зации¹. Этот вопрос мучил писателя на протяжении всей жизни. Также сложно определить, к какому из обозначенных полюсов данной оппозиции он тяготел больше.

Растягиванию времени в тексте противопоставляется его сжимание. По мере наступления взрослой жизни персонажа усиливается ощущение интенсивности и событийности его жизни. Наряду с этим нарастает трагическое звучание в тексте (войны, смерти и т.д.). С описания судьбы отдельного персонажа автор переносит акцент на общекультурный и общечеловеческий контекст. Семантика сжимания времени в новелле непосредственно передается через схематичное описание судеб солдат на фронте: кратковременность (мимолетность) их жизней. Они превращаются в лишенные антропоморфности цифры, которые исчисляются тысячами, количественными эквивалентами которых являются штыки. Приходили в окопы люди, и кто-то говорил им четко, но тихо: «*По порядку номеров расч...айсь*» – «*На пер-вый-второй расч...айсь*». Кто-то тихо писал четким почерком: «1000 – 2000 – 100 000 штыков»; было удобно считать эти торчмя торчащие в воздухе ряды стальных заостренных единиц» [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 216]. Соотношение человеческой жизни и цифры имеет ярко выраженный характер серийности. Согласно логике автора рационализм «Некто» отрицает как таковую уникальность человека, замещая ее одинаковостью элементов и их множеством (люди — цифры).

Связующим элементом, соединяющим рассматриваемые смысловые отношения, является культурный код смерти. «Некто», как существо, которое не может умереть, противопоставляется солдатам, отправленным на фронт, которым заведомо не дано вернуться домой (мотив взятия высоты, подсчет погибших). Здесь очевидна исходная оппозиция, представленная через текстуальный эквивалент (тысячи солдат – «Некто» в сером, символизирующий собой судьбу). «*Встряхивал счеты: залп. И снова принимался за подсчет: выстрел – выстрел – выстрел. И колонки цифр, одетых в серое, карандашного цвета сукно, сощелкивались прочь с земли; и убитая цифра покорно ложилась под ворсящееся травинками зеленое сукно полей*» [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 216].

В основе функционирования культурного кода смерти в исследуемых произведениях находится феномен игры. Игра в качестве смыслообразующего понятия определяет специфику сюжета. Так, в

¹ Об этом пишет В. Перельмутер в комментарии к новелле «Некто» [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 624].

сказках «Тысячи и одной ночи» игра уже изначально представлена в тексте. Отправляясь на первую встречу с Шахрияром, Шахразада вынашивает план спасения собственной жизни. Все попытки увлечь своим рассказом царя представляют собой пример игры девушки со смертью, оттягиванием и отсрочиванием грозящей ей казни. Этот процесс вызывает аналогии с шахматной игрой, в которой противники постоянно обмениваются ходами, но в результате должен победить только один. В данном случае Шахрияр и Шахразада символизируют собой смерть и жизнь, борьбу этих начал.

Схожие смысловые отношения обнаруживаются также в новелле Кржижановского. Они реализуются через взаимодействие персонажей друг с другом. Здесь возможны несколько оппозиций, повторяющихся на протяжении всего текста: гимназист – «Некто», солдаты на фронте – «Некто», люди, вычеркнутые из списка, – «Некто». Во всех перечисленных примерах вторым элементом рассматриваемых оппозиций является образ таинственного незнакомца, характеризующийся принадлежностью к культурному коду смерти. Он служит ее непосредственным воплощением. Автор постепенно вводит эту интенцию в нарратив новеллы, в надежде на ее узнавание читателем. После встречи с нищенкой «Некто» говорит персонажу о себе. *«Да, может быть, мне и не такая яма нужна, – “Некто” как-то болезненно улыбнулся, – а я вот рою - рою - рою»* [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 212]. В художественном мире Кржижановского яма выступает в качестве инварианта могилы. Глагол «рыть» на ассоциативном уровне соотносится именно с семантикой захоронения (рыть могилы). Кржижановский отбрасывает другие значения данного глагола. Будучи заявленными в тексте, они изменяют свой смысл: *«Отыскав в одном из городских парков пустую скамью против журчащего фонтана, я стал отгадывать – и так и этак – искомую цифру работников, нанятых “Некто” для рытья колодца глубиною в две сажени. “Если один раб. вырывает в 1 час 1 ар. земли и если они работали 3 часа, то...” работников было 2 2/3 человека»* [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 210]. Постепенно от упоминания работников, роющих колодец, Кржижановский подводит читателя к восприятию кода смерти, необходимого для понимания авторского замысла. Это осуществляется посредством загадки, задаваемой «Некто» ребенку. *«– Вот вы мне решите-ка лучше задачку, – заговорил он, меняя тон и мотнув острием бородки в сторону безмятежно урчащего фонтана. – Если, скажем, стенки этого вот водоема да поднять до уровня струи. Если внутрь поместить человека, а трубу, выводящую воду, заколотить, понимаете ли, наглухо заколотить, то,*

спрашивается, через сколько времени человек умрет? А?» [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 216]. Из этого фрагмента становится очевидным, что речь идет о гипотетическом убийстве, подробностями которого делится с гимназистом «Некто». Введение данных аллюзий в структуру текста подготавливает читателя к восприятию последующих смертей. *«И еще миллионы секунд. Революция»* [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 217].

В связи с функционированием культурного кода смерти в новелле актуализируется значение мифологема знака зверя (число 666). *«Где “Некто”? Наверное, под переплетом задачника; в подпольи; ночует то в № 1001, то в № 666...»* [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 217]. В данном фрагменте интерес вызывает парный союз «то ... то». Он указывает на присутствие персонажа в данных пространственных топосах, а также на их равнозначность. Это свидетельствует о значимости номера 666 для понимания закономерностей исследуемого текста.

Сама мифологема знака зверя отсылает сознание читателя к образу революции как апокалипсиса, получившему свое выражения благодаря работе русского философа В. Розанова «Апокалипсис наших дней», сумевшего передать в ней общее ощущение эпохи. Данный образ был широко распространен в литературе 1920-х годов. Подтверждением этому являются романы А. Ремизова «Взвихренная Русь» (1926), И. Шмелева «Солнце мертвых» (1923), малая проза М. Булгакова, рассказ «Красная корона» (1922) и другие произведения, написанные современниками автора «Сказок для вундеркиндов». Очевидно наличие общекультурного контекста, вне которого Кржижановский не мог находиться и писать.

Сама новелла «Некто» представляет собой удивительный пример художественного текста, содержащего в себе элементы фантастического рассказа, поражающего реалистичностью описания исторических событий.

На первый взгляд незначительная аллюзия, отсылающая сознание читателя к книге арабских сказок «Тысяча и одна ночь», выявляет многообразие имплицитных смыслов и кодов, адресованных современникам писателя. Кржижановский создает в новелле неомифологический текст, который сочетает в себе элементы различных литературных традиций. Их взаимодействие определяет специфику его индивидуально-авторского дискурса. В художественном мире писателя рассматриваемая аллюзия служит не только выражением собственно арабского текста, но и выступает в качестве условия, позволяющего выявить элементы первоначального

авторского замысла: когда за многообразием многочисленных смыслов, отложившихся за неполное столетие с момента написания новеллы, открывается исконный смысл, его априорная основа.

Литература

- Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. Барнаул, 1999.
Кржижановский С. Собрание сочинений: в 6-ти тт. СПб., 2001.
Кржижановский С. Собрание сочинений: в 6-ти тт. СПб., 2003. Т. 3.
«Тысяча и одна ночь» (Избранные сказки). М., 1979.

МЕТАФОРЫ В ФИЛОСОФСКОМ ТЕКСТЕ: ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОД

А.М. Галиева, Э.Ф. Нагуманова

Ключевые слова: язык философии, метафора, перевод, М. Фуко, «Слова и вещи», идиостиль.

Keywords: language of philosophy, metaphor, translation, Michel Foucault, «Order of Things», style.

Язык философии

В современных исследованиях интерес к вопросам стиля стал заметно угасать, а стилистический анализ стал замещаться анализом прагматическим, дискурсивным или нарративным [Тарланов, 2002]. Между тем остаются типы текстов, которые, обладая ярким своеобразием, тем не менее редко привлекают внимание ученых. Философия как территория автономной теоретической мысли требует особого, специально созданного языка. Специфический характер размышлений рождает специфический тип текста, его организации, особую систему содержательных и формальных характеристик, присущих произведениям определенного автора или течения. Язык философии – абстрактный язык, отличающийся как от языка позитивной науки, так и от языка поэзии, религиозных текстов или бытового общения.

Философия, – как мы знаем, это «искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [Делез, 1998, с. 10]. Без понятий, или концептов, не может осуществляться мышление. В словах языка в понятия перерабатываются существенные свойства предметов. Без новых понятий невозможно выйти за пределы эмпирического, новое

понятие — возможность нового видения, нового опыта рефлексии. Новый концепт образует новый объект в мыслительном мире, позволяя очертить границы неназванного *нечто*, еще смутно угадываемого в сумерках сознания; не будучи схвачено концептом, это нечто не только неуловимо для рефлексии, но и не обладает бытием.

Не существует философского языка в чистом виде – абсолютно формализованного, рационального и универсального. Базовые концепты философских текстов и целых направлений всегда укоренены в систему языковых значений и обусловлены типом культуры. Техники философского анализа включают не только ключевые понятия и их иерархию, процедуры аргументации и подбора доказательства, но и использование риторических приемов, поэтому, как говорит Деррида, всякий раз, противостоя некоей философии, оспариваешь и аутентичный философский характер дискурса другого [Деррида, 1993].

Немаловажно и то, что философия всегда имеет личностный характер: она всегда индивидуализирована, всегда «чья-то»: Сократа, Декарта, Витгенштейна, Фуко. Философия, как и другие типы мировоззрения и знания, привязана к историко-культурному контексту, порождена этим контекстом, поэтому она легко атрибутируется. Индивидуальность языка философа проявляется не только в концептуальном аппарате, но и в образно-тропеической, звуковой и ритмико-синтаксической организации текста. Поэтому выявление стилистических примет философского текста, изучение его «плана выражения» способствует обогащению постижения «плана содержания».

Развитие философии всегда сопровождается обновлением философского языка, проработкой языковых ресурсов для формирования и развития категориального аппарата. Потенции философского мышления в значительной мере предопределяются семантическими, словообразовательными и грамматическими возможностями языка, его гибкостью. Современная российская философия принимает, адаптирует, иногда с трудом, огромный поток тех понятий, которые сформировались на протяжении очень длительного времени в феноменологии, экзистенциализме, аналитической философии, структурализме и постструктурализме. Как следствие, мы имеем совершенно «рваный» и «клочковатый», со множеством наслоений и лакун отечественный философский язык, где одновременно существуют фрагменты-клише советской разновидности марксизма, многочисленные заимствования, разнообразные эквиваленты (или слова, претендующие быть эквивалентами) понятий, выработанных в различных нерусскоязычных философских системах

[Галиева, Ибрагимова, 2010, с. 50–51].

Метафоричность в философии

Терминологическая четкость философии не всегда означает однозначность; философ, искусный в языке, умело обыгрывает разные значения слова, поворачивает слово разными гранями, углубляя и детализируя свой анализ. С точки зрения требований научной терминологии многозначность – это зло, с которым нужно бороться. Но в философском тексте многозначность может проявляться не только как ущербность, недостаточная разработанность формально-логической структуры понятия, но и может стать опорой для рефлексии – для осмысления философского концепта в разных аспектах и модификациях, а следовательно, разных его проблематизациях. Сознательная работа философа с многозначностью и метафоризацией – один из способов достижения ясности и дисциплины мышления.

«Ум философа должен, как никакой другой, безостановочно и гибко переходить от прямого смысла к переносному, вместо того чтобы костенеть на каком-то одном», – писал испанский философ Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет, 1991]. М. Хайдеггер отмечал, что многозначность – это «стихия, в которой должно вращаться мышление, чтобы быть строгим» [Хайдеггер, 2007, с. 126]. Труды Дж. Лакоффа заставляют нас признать: что метафора является не привнесенным украшением речи, неким эстетическим довеском, создающим поверхностный риторический эффект, а представляет собой фундаментальный когнитивный механизм, который организует человеческую мысль, оформляет суждения и структурирует язык [Lakoff, Johnson, 1999].

О значимости метафоры для философии свидетельствует наличие статей, посвященных метафоре, в современных философских энциклопедиях, где метафора рассматривается обычно с логико-методологических и гносеологических позиций.

Внимание к метафоре современных исследователей в значительной мере определяется осознанием невозможности окончательной формализации знания. «Метафора – это действие ума, с чьей помощью мы постигаем то, что не под силу понятиям», – говорит Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет, 1991]. Сейчас уже ясно, что философия не может использовать только точные понятия, семантическая емкость строгих дефиниций оказывается недостаточной для выражения философских смыслов, так как содержание этих смыслов может даваться субъекту в интуитивной форме, имея в себе некий нерационализируе-

мый остаток, содержать концептуально значимую аналогию с другими понятийными классами и т.п.

Различные проявления семантической неопределенности слова неоднократно попадали в фокус исследовательских интересов при анализе постструктуралистской и постмодернистской парадигм, для которых «акцентирование феноменов неисчерпаемой множественности смыслов текста, произвольности знака, условной или даже фиктивной связи вербального знака с предметом оказалось одной из программных теоретических установок» [Бендетович, 2007, с. 307].

Многие ключевые концепты современной философии имеют метафорическую природу. Так, через произведения Фуко разных лет проходят такие сквозные метафоры, как *археология*, *архив*, *появление человека*, *смерть субъекта* и многие другие. Современные исследователи признают за метафорой главенствующую когнитивную роль при создании новых концептуальных структур.

Метафоры и их перевод в «Словах и вещах» М. Фуко

При переводе философских текстов часто утрачиваются не только изящество языка и стилистические тонкости оригинала, но в значительной мере трансформируются основополагающие смыслы – то, по поводу чего ведется философствование; особенно это характерно для текстов, отделенных от нас по времени и пространству – текстов далеких от нас культур. Однако даже при переводе современных текстов неизбежны семантические и культурно-семиотические сдвиги.

Книга Мишеля Фуко «Слова и вещи» увидела свет в 1966 году и сразу же стала научно-философским бестселлером. Как отмечает биограф Мишеля Фуко Д. Эрибон, «эта блистательная книга, переливающаяся всеми гранями писательского стиля, имела стремительный и шумный успех. Отзывы, статьи, рецензии сыпались как из рога изобилия. Полемике не было конца» [Эрибон, 2008, с. 194].

В «Словах и вещах» анализируются основополагающие принципы организации европейской культуры XVI–XX веков; Французский мыслитель на примере трех «археологических срезов» – Ренессанса, классического рационализма XVII–XVIII веков и современной эпохи – стремится вычленив базисные структурные механизмы во всех образованиях сознания и культуры, выявить общие принципы организации знания.

Перевод «Слов и вещей» на русский язык был выполнен В.П. Визгиным и Н.С. Автономовой и издан в 1977 году. Наталия Автономова так характеризует деятельность французского мыслителя: «Фуко всю жизнь фактически осуществлял некий самоперевод:

переводил свои концептуальные интуиции в разные языки, и при этом, ретроспективным движением, как бы стирал прошлое, переходя от одного слоя терминологии и предметности в другие», «подчас стирал предыдущий способ концептуализации, переходя к следующему» [Автономова, 2008, с. 79].

Стиль Фуко в «Словах и вещах» может быть охарактеризован как синтез рационального и эстетического начал. Нарочитая «барочность», стремление к созданию визуальных образов и цепочек развернутых метафор, динамичная игра света и тени, некоторая избыточность и орнаментальность языка произведения приводит к предельно уплотненной информационно-образной структуре текста. И хотя Н. Автономова и говорит, что у Фуко эффект стиля «вторичен по отношению к эффекту системной продуманности, а не первичен», что «никакие красоты стиля не отменяют архитектурной выстроенности его книг» [Автономова, 2008, с. 84], все же язык «Слов и вещей» значительно отличается от языка академической философии и языка других произведений Фуко. Фуко не просто излагает свои мысли и строит рассуждение, тяжба с дискурсом как способом говорить о вещах ведется у Фуко при помощи самого дискурса: в языке выковывается другой язык, который может взять на себя процедуру анализа языка. Внутри дискурса создается возможность его (дискурса) пере-прочтения, критической интерпретации дискурсивной практики эпохи.

Полное название книги звучит как «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук». У Фуко *археология* противопоставляется истории идей. Археология, как мы хорошо знаем, это историческая дисциплина, изучающая по вещественным источникам историческое прошлое человечества. *Археология знания* у Фуко – философский концепт, наименование нетрадиционной научной дисциплины, давший название одноименной работе Фуко (1969). «Археология, обращаясь к общему пространству знания, определяет синхронные системы, а также ряд мутаций, необходимых и достаточных для того, чтобы очертить порог новой позитивности» [Фуко, 1994, с. 35].

Фуко отрицает приписывание языку автономности по отношению ко всем историческим и социальным системам; текст, по мнению исследователя, всегда вторичен по отношению к тем силам, которые его породили. Эпистема (или «исторические априори») у Фуко – своего рода сеть, внутри которой определяются типы тождеств, сходств и различий, выделяются форма и содержание, выявляются закономерности и законосообразности, цепочки причин и следствий. Поэтому сквозь все произведение проходят такие метафоры, как *réseau* (сеть) или *grille* (решетка).

Изучение соотношения «слов и вещей» приводит к выявлению того, что делает возможным формирование того или иного типа знаний, позволяет в каждую историческую эпоху заново проводить демаркационную линию между тем, что считается рациональным и иррациональным. «Порядок – это то, что задается в вещах как их внутренний закон, как скрытая сеть, согласно которой они соотносятся друг с другом, и одновременно то, что существует, лишь проходя сквозь призму взгляда, внимания, языка; в своей глубине порядок обнаруживается лишь в пустых клетках этой решетки, ожидая в тишине момента, когда он будет сформулирован» [Фуко, 1994, с. 32–33].

В данной статье нас интересует вопрос: насколько концептуальные характеристики эпистем находят или не находят соответствие в системе языковых средств, используемых при описании каждой эпистемы, причем мы сознательно концентрируем внимание на метафорах, которые не являются центральными для произведения.

Анализ текста показывает, что и ключевые, и периферийные метафоры и сравнения, используемые при характеристике каждой эпистемы, имеют разную образность.

В ренессансной эпистеме слова и вещи тождественны друг другу, они непосредственно соотносимы и даже взаимозаменяемы. Культура Ренессанса, по мнению Фуко, основана на сопричастности языка миру и мира языку, на разнообразных сходствах между словами языка и вещами мира. Мир покрыт знаками, которые можно расшифровать; слова и вещи, удваивая друг друга, образуют некий единый *текст*, в котором среди множества отражений нельзя найти исходное.

При характеристике ренессансной эпистемы важнейшей для Фуко является категория сходства, поэтому одним из ключевых образов является зеркало (*miroir*). С образом зеркала связана игра отражений:

Il y a dans l'émulation quelque chose du reflet et du miroir: par elle les choses dispersées à travers le monde se donnent réponse [Foucault, 1966, с. 35]. *В соперничестве есть что-то от отражения в зеркале: посредством соперничества вещи, рассеянные в мире, вступают между собой в переключку* [Фуко, 1994, с. 56].

В данном случае под соперничеством понимается один из основополагающих принципов, задающих построение знания в культурном коде эпохи.

Одно из самых частотных, но не привлекающих особое внимание читателя слов в «Словах и вещах» – *jeu* (игра). Применительно к каждой эпистеме игра описывается различным набором языковых средств. В ренессансной эпистеме мы обнаруживаем следующие вполне типичные случаи использования слова *jeu*, которое переводится по-разному:

jeu des symboles – игра символов, *jeu des sympathies* – действие симпатий, *jeu de l'antipathie* – действие антипатий, *jeu des ressemblances* – действие сходств, *jeu des ressemblances redoublées* – игра повторяющихся сходств и др.

Нужно сказать, что французское слово *jeu* имеет более широкий спектр значений, нежели соответствующее русское слово *игра* (*jeu* – не только игра, но и движение, действие, функционирование чего-либо, влияние, взаимовлияние) что и определяет то, что примерно в половине случаев оно переводится не метафорически:

Par le jeu de la convenance, de l'émulation, et de la sympathie surtout, la similitude au XVIe siècle triomphait de l'espace et du temps: car il appartenait au signe de ramener et de réunir. [Foucault, 1966, с. 74].
Посредством действия признанности, соперничества и в особенности симпатии подобие в XVI веке побеждало пространство и время, так как роль знака состояла в соединении и связывании вещей [Фуко, 1994, с. 94–95].

La nature, comme jeu des signes et des ressemblances, se referme sur elle-même selon la figure redoublée du cosmos [Foucault, 1966, с. 46].
Природа как система знаков и сходств замыкается на себе согласно удвоенной фигуре космоса [Фуко, 1994, с. 68].

В последнем примере переводчик вместо *игры знаков и сходств* использовал вариант перевода *система знаков и сходств*, что приводит к тому, описание экзотической для нас ренессансной эпистемы приближается к описанию эпистемы современной.

В эпистеме классического рационализма (XVII–XVIII века) слова и вещи утрачивают непосредственное сходство и соотносятся лишь опосредованно – через мышление, «в пространстве представления» (как читаем в русском переводе), репрезентации, а слово понимается как знак для выражения понятия. Начиная с XVII века язык осмысливается с точки зрения связи означающего с означаемым, слова рассматриваются как знаки для выражения восприятия или идеи. Классическая эпистема характеризуется поиском порядка, познанием тождеств и различий, язык оказывается анализом мысли, основополагающим утверждением порядка в пространстве.

Наиболее часто при характеристике этой эпистемы встречается сочетание *игра представлений* (*jeu des représentations*), которое вызывает ассоциации с классицистическим театром:

Des mots dont le statut sans doute est difficile à justifier, car il s'agit d'introduire au dernier instant et comme par un coup de théâtre artificiel, un personnage qui n'avait point encore figuré dans le grand jeu classique des représentations [Foucault, 1966, с. 318]. *Оправдать эти слова*

трудно, поскольку здесь приходится вводить в последний момент с театральным эффектом некий персонаж, который пока еще не участвовал в великой классической игре представлений [Фуко, 1994, с. 329].

Классическая эпоха – эпоха рационализма, эпоха формирования научного метода, нацеленного на анализ, вычленение, различение. Это смещение акцентов фиксирует текст Фуко: в классическую эпоху осуществляется игра не столько самих знаков, сколько их различий (*le jeu de leurs distinctions bien découpées*), игра соположений (*le jeu d'une juxtaposition réelle et désordonnée*), игра языка (*le grand jeu du langage*).

Il faut noter que dans l'épistémè classique les fonctions de la «nature» et de la «nature humaine» s'opposent terme à terme: la nature, par le jeu d'une juxtaposition réelle et désordonnée, fait surgir la différence dans le continu ordonné des êtres; la nature humaine fait apparaître l'identique dans la chaîne désordonnée des représentations et ceci par le jeu d'un étalement des images [Foucault, 1966, с. 320]. Следует, однако, заметить, что в классической эпистеме функции «природы» и «человеческой природы» прямо противоположны: природа посредством беспорядочной соположенности действительности порождает различия в упорядоченной непрерывности живых существ; напротив, человеческая природа посредством расстановки образов выявляет тождество и неупорядоченной цепи представлений [Фуко, 1994, с. 330–331].

Русский перевод не сохраняет то, что в классическую эпоху осуществляется игра реального и беспорядочного соположения (*le jeu d'une juxtaposition réelle et désordonnée*), игра последовательности образов (*jeu d'un étalement des images*).

Если в эпоху Ренессанса игру осуществляют, базируясь на натуральной магии, стихийные силы природы – симпатии, антипатии, соперничества, сходства, а также стихии и знаки, имеющие онтологическую природу и полностью независимые от человека-интерпретатора, то в эпоху классического рационализма в игру вступают факторы, обусловленные мышлением: различия между знаками, их взаимное положение, выстраиваемые цепочки образов.

Современная эпистема, по мнению Фуко, начинается в конце XVIII века. В это время осуществляется изучение смысла и значения, исследуются уже не столько сами элементы, сколько отношения между элементами, а анализ нацелен на выявление «внутреннего механизма языков», пристальное внимание уделяется флексиям, выяснение внутренней структуры языка приводит к обнаружению глубинных структурно-грамматических законов, действующих в языке. Таким образом, в анализ языка вводится элемент, несводимый к поверхностным эф-

фектам языка (подобно тому, как в анализ обмена был введен «труд», а в анализ признаков живых организмов – «органическая структура»). И речь идет уже об игре законов экономики, биологии и филологии – *le jeu de ces lois elles-mêmes*, игре диалектики – *un jeu dialectique*:

De là, le jeu interminable d'une référence redoublée: si le savoir de l'homme est fini, c'est parce qu'il est pris, sans libération possible, dans les contenus positifs du langage, du travail et de la vie; et inversement, si la vie, le travail et le langage se donnent dans leur positivité, c'est parce que la connaissance a des formes finies. [Foucault, 1966, с. 327]. Отсюда бесконечная **игра вторящих друг другу соответствий**: человеческое знание конечно потому, что оно неизбежно замкнуто в позитивных содержаниях языка, труда и жизни, и наоборот, жизнь, труд, язык даются нам во всей их позитивности потому, что формы познания конечны [Фуко, 1994, с. 337–338].

Un jeu dialectique et une ontologie sans métaphysique s'appellent et se répondent l'un l'autre à travers la pensée moderne et tout au long de son histoire: car elle est une pensée qui ne va plus vers la formation jamais achevée de la Différence, mais vers le dévoilement toujours à accomplir du Même [Foucault, 1966, с. 351]. **Игра диалектики** и лишенная метафизики онтология перекликаются на всем протяжении истории современной мысли, поскольку эта мысль устремлена уже не к недостижимому построению Различия, но к вечно взыскуемому раскрытию Тождественного [Фуко, 1994, с. 360].

Концепт игры является удобным инструментом, позволяющим описать базисные структуры, определяющие человеческое сознание и тип знания, характерные для каждой эпистемы, и показать независимость этих структур от познающего субъекта.

Рассмотрим способы перевода еще одного слова, которое часто повторяется у Фуко при характеристике современной эпистемы – *épaisseur* – 'толщина, мощность пласта; густота, плотность'.

Au début du XIXe siècle, ils (les mots. – А.Г., Э.Н.) ont retrouvé leur vieille, leur énigmatique épaisseur [Foucault, 1966, с. 315]. В начале XIX века слова вновь обнаружили свою **древнюю, загадочную плотность** [Фуко, 1994, с. 326].

L'entreprise de Mallarmé pour enfermer tout discours possible dans la fragile épaisseur du mot, dans cette mince et matérielle ligne noire tracée par l'encre sur le papier, répond au fond à la question que Nietzsche prescrivait à la philosophie [Foucault, 1966, с. 316]. Попытка Малларме замкнуть всякую возможную речь **в хрупкую плоть слова**, в эту вполне материальную тонкую чернильную линию, проведенную на бумаге, отвечает, по сути, на вопрос, который Ницше предписывал

философии [Фуко, 1994, с. 327].

Avant la fin du XVIIIe siècle, l'homme n'existait pas. Non plus que la puissance de la vie, la fécondité du travail, ou l'épaisseur historique du langage [Foucault, 1966, с. 319]. *Вплоть до конца XVIII века человек не существовал. Не существовал, как не существовали ни сила жизни, ни плодотворность труда, ни историческая толщина языка* [Фуко, 1994, с. 330].

Как показывают приведенные примеры, *l'épaisseur* у Фуко во всех случаях отнесен к языку, но способы перевода выбраны разные – *плотность, плоть, толщина*. Переводчик демонстрирует мастерское владение языком, хороший словарный запас, но авторские лексические повторы свидетельствуют о значимости данной метафоры при характеристике современной эпистемы. Именно повторяющееся слово *l'épaisseur*, относящееся к языку, для читателя является одним из значимых сигналов, которые говорят о том, что язык в эпистеме XIX века приобретает внутреннюю плотность и превращается из прозрачного посредника мышления и представления в сложный объект познания, обладающий собственным бытием, внутренними законами и историей.

Работа с текстом «Слов и вещей» показывает, что метафоры у Фуко не являются чисто декоративным элементом, их использование строго регламентировано и предопределено идейно-концептуальной канвой произведения. Метафора как сложное взаимодействие концептуально-понятийного и образно-наглядного в философском тексте Фуко играет исключительно важную роль, обеспечивая новое видение реальности, то есть метафора выступает инструментом конструирования новых смыслов, позволяя создавать опорные рамки, в которых формируются и осваиваются новые концепты.

Описание идиостиля должно быть направлено на выявление глубинной семантической и категориальной связности различных его элементов, воплощающих в языке тернистый путь мыслителя, на раскрытие его явной и неявной рефлексии над языком.

При переводе часть метафор переводятся единицами с такой же образностью, часть метафор – метафорами с другой образностью или происходит неметафорический перевод. Для нас важно не просто то, что происходит потеря метафоры, а то, что в определенной степени теряется концептуальное единство произведения (что для художественного текста может быть и не очень важно, для философского же текста – важно чрезвычайно). Личность автора, его теоретических установок, схождение тем, идей и образов – все это отражается в метафорической концептуализации мира в философском

тексте, рождая неповторимость индивидуального стиля. Фуко идет путем разворачивания и разветвления метафор, на которые накладывается фоника прозы – текст приобретает некоторую избыточность и читается как художественное произведение. Сложная система интеллектуальных аналогий рождает зрительно-наглядный, подчас ускользающий внутренний образ структуры, а развернутые метафорические образы дополняются неоднозначной звуковой инструментровкой и экспрессивным синтаксисом.

Сама структура фукольдианского текста требует точности, убедительности, кодирования неоднозначности и одновременно экспрессии художественного образа. Переводчик акцентирует свое внимание на доминантных смыслах (или смыслах, которые переводчик считает доминантными), однако при переводе происходит рассеивание смысла, дробление текста на слабо связанные друг с другом фрагменты.

Перевод препятствует видению глубинной семантической и категориальной связности элементов текста, воплощающих в языке путь мышления философа, в переводе неизбежно расшатывание иерархической системы инвариантов, организующих текст как целое, вымывание опорных, стержневых концептов как конкретного произведения, так и авторского мышления в целом. В идеале перевод философского текста должен сохранять строгость понятий и концептуальную ясность оригинала, по мере возможности воспроизводя связи между понятиями на уровне сохранения образности, словообразовательных гнезд, передавать стилистические нюансы, красоту и полифонию оригинала – задача столь же невозможная, как и перевод поэзии.

Литература

- Автономова Н.С. Познавание и перевод. Опыты философии языка. М., 2008.
- Аминова А.А., Галиева А.М. Триада слова – идеи – вещи в концепции М. Фуко // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань, 2006. Т. 148. Кн. 2.
- Бендетович Г. Семантическая неопределенность слова как прагматическое явление. // Стил. 2007. № 6.
- Галиева А.М., Ибрагимова З.З. Перевод и проблема отечественного философского языка // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань, 2010. Т. 152. Кн. 1.
- Галиева А.М., Нагуманова Э.Ф. Комплексный анализ переводов татарской прозы на русский язык: методология и принципы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 4 (34): В 3-х ч. Ч. 1.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., СПб., 1998.
- Деррида Ж. Есть ли у философии свой язык? [Электронный ресурс]. URL: <http://antropolog.ru/doc/library/derrida/derrida>

Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры. [Электронный ресурс]. URL: http://metaphor.narod.ru/gasset_two.htm

Тарланов З. Стиль – структура – функциональный диапазон языка // Стиль. 2002.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

Хайдеггер М. Что зовется мышлением. М., 2007.

Эрибон Д. Мишель Фуко. М., 2008.

Foucault M. Les mots et les chose. Une archeologie des sciences humaines. Paris, 1966.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. New York, 1999.

ФЕТ – ПЕРЕВОДЧИК ГЕЙНЕ: СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ИРОНИИ

О.Н. Жердева, Е.А. Савочкина

Ключевые слова: А.А. Фет, художественный перевод, средства передачи иронии, буквальный перевод.

Keywords: A.A. Fet, imagery in translation, devices of irony, word-for-word translation.

Как неоднократно отмечалось (в частности Н.Я. Берковским [Берковский, 1973], Б.Я. Гордоном [Гордон, 1973]), для многих лирических произведений Г. Гейне характерна романтическая двуплановость, ярким проявлением которой является, в частности, ирония. Авторская ирония ставила перед русским поэтом-переводчиком непростые задачи: требовалось найти способы передачи иронии с помощью стилистических средств русского языка. В этом плане переводы А. Фета отличаются несомненной искусностью, хотя, как мы покажем ниже, русский поэт, следуя во многом своим творческим принципам, сглаживает некоторые особенности оригинала.

Б.Я. Гордон отмечал, что переводчики Гейне в XIX веке, как правило, избегали стихов с ярко выраженным ироническим содержанием, предпочитая «чистую» лирику [Гордон, 1973, с. 67]. Однако и так называемая «чистая» лирика Гейне, по свидетельству того же Гордона, представляет собой эклектику романтического и философско-иронического. Выбирая лирические стихотворения, такие поэты, как Л.А. Мей, А. Майков, Ф.И. Тютчев, А.А. Григорьев, все же нейтрализуют, а может быть, просто не замечают иронический подтекст гейневской лирики.

Фет, выбирая преимущественно лирические произведения немецкого поэта, в то же время сумел уловить в них тонкую, на первый взгляд незаметную «лирико-романтическую» иронию и донести ее до читателя.

Анализ фетовских переводов из Гейне показывает, что с годами увеличивается количество переводных стихотворений, содержащих в себе иронический аспект, в поздний период появляются и эпиграммы с выраженным ироническим содержанием («Не глумись над чертом, смертный...», «Когда я про горе свое говорил...»). Если распределить «иронические» переводы Фета в хронологическом порядке, то получается следующая картина:

- «Красавица рыбачка...» (1841).
- «Посейдон» (1842).
- «Дитя, мои песни далеко...» (1842).
- «Как луна, светя во мраке...» (1847).
- «Твои пылают щечки...» (1847).
- «Горная идиллия» (1847).
- «Ах, опять все те же глазки...» (1847).
- «По бульварам Саламанки...» (1847).
- «Хотел я с тобою остаться» (1847).
- «Дитя, мы детьми еще были...» (1857?).
- «Нисходят во гроб поколенья...» (1857).
- «Мой друг, мы с тобою сидели...» (1857).
- «Когда на дороге, случайно...» (1857).
- «С порога рыбачьей избушки...» (1857).
- «Ты вся в жемчугах и алмазах...» (1874).
- «Не глумись над чертом, смертный...» (1888).
- «Уж вечер надвинуться хочет» (1890).
- «Трубят голубые гусары...» (1890).

Как видим, наибольшее количество гейневских произведений иронического содержания было переведено русским поэтом в период с 1847 по 1857 год, наблюдается также в процессе эволюции Фета количественный рост «иронических» переводных стихотворений. Данные факты, на наш взгляд, не могут не быть связаны с историческими особенностями развития русской литературы. Как известно, в середине века усиливается начатый в 1840-х годах процесс объективизации русской литературы, «обогащение ее мыслью», а поэзия Гейне с характерной для нее рефлексией, основной формой которой является ирония, как нельзя лучше соответствовала этому историческому требованию. Таким образом, выбор Фетом для переводов произведений Гейне, а также стремление передать авторскую иронию обусловлены не только субъективными, но и объективными причинами.

Обратимся к анализу приемов передачи Фетом иронического подтекста стихотворений Гейне. Достаточно часто Гейне, а вслед за ним и Фет в своих переводах называют женщину «дитя» («Из слез моих много родится...», «Дитя, мои песни далеко...», «Дитя, мы детьми еще бы-

ли...»). С данным обращением связана характерная для поэзии Гейне оп-позиция: женщина-дитя, неспособная пережить сильное чувство и понять страдания мужчины, с одной стороны, и страдающий лирический герой, с другой стороны («Твои пылают щеки...»). Эта антитеза определяет во многом характер иронии и способы ее выражения. Объектом иронического отстранения оказывается в таких случаях герой и его любовное чувство («Из слез моих много родится...»). Чувство страдания, которое остается незамеченным со стороны, тем самым как бы профанируется.

Рассмотрим в качестве примера стихотворение «Когда на дороге, случайно...». В данном стихотворении (и в оригинале, и в переводе) прослеживается строгая композиция. Первая строфа посвящена встрече с родственниками любимой лирического героя. Следующие строфы обозначают каждая какую-либо тему разговора: вторая строфа – здоровье, третья – общие знакомые. После этого следует кульминация (четвертая строфа): лирический герой узнает о своей любимой. В пятой строфе он просит передать поздравления любимой; в шестой строфе говорится о собачке; в седьмой – о ребенке. И у Гейне, и у Фета используется выразительная концовка – «у нее такие же глаза, которые сделали меня жалким» (у Гейне); «те же глаза, что меня сгубили» (у Фета).

На наш взгляд, Фет прекрасно уловил и воспроизвел общую особенность оригинального стихотворения: любовная драма представлена в ироническом свете, и передал эту иронию, используя те же средства, что и автор. Для перевода характерны двуплановость, контраст романтического и прозаического, в нем ощущается подчеркнуто акцентированное на деталях внимание и упоминается о трагедии «между прочим». Ключевыми словами в данном стихотворении являются слова «случайно», «между прочим». По своему словарному составу фетовский перевод достаточно точен, однако есть и лексические несоответствия, которые, на наш взгляд, несколько изменяют смысл стихотворения и воссоздают в переводе характерное для Фета понимание темы. Например, в первой строфе переводчик заменяет гейневскую лексему «найти» на «встретить» и использует ее в страдательном залоге. Таким образом, переводчик и лексическими, и грамматическими средствами подчеркивает случайность данной встречи, акцентируя тему «случайно».

У Гейне:

*Когда я во время путешествия, случайно...
Любимой семью нашел.*

У Фета:

*Когда на дороге, случайно,
Мне встретилась милой родня... [Фет, 1986, с. 570].*

В оригинальном тексте важно обратить внимание на слово «нашел»: оно стоит в конце сложного предложения, которое представляет собой двуступище, и основное ударение приходится именно на него. Сама лексема «найти» предполагает некий намеренный, целеустремленный поиск и ассоциируется со словами «dringen» (пробиваться), «Mut» (мужество) и т.д. На наш взгляд, лексема «найти» в оригинальном тексте нейтрализует сему «случайно» и создает равновесие между этими семами, они и в строфе располагаются симметрично.

*Als ich auf einer Reise zufällig
Der Liebsten Familie fand...* [Heine, 1972, s. 58].

Таким образом, у лирического героя стихотворения Гейне воспоминания о любимой не вызваны случайной встречей с ее семьей, он как будто бы **искал** встречи с прошлым; это свидетельствует о том, что его боль, трагедия разрыва с любимой женщиной все еще не пережита.

По-инному, как видим, у Фета: для его героя любовная драма в прошлом, время вылечило его, и встреча с родственниками любимой является действительно неожиданной, о чем свидетельствует повтор лексемы «случайно». Далее Фет вместо гейневской лексемы «семья» употребляет «родня»:

Гейне: *Любимой **семью** нашел* [Heine, 1972, s. 58]

Фет: *Мне встретилась милой **родня*** [Фет, 1986, с. 570].

Родня в «русском» понимании, как известно, не близкие, о которых идет речь в подлиннике (мать, отец, сестренка), а родственники семьи (двоюродные, троюродные...). Таким образом, в гейневском тексте любимая и ее семья предстают как близкие друг другу люди, как единое целое. Своеобразным синтаксисом, не свойственным немецкому словосочетанию (любимой семью), поэт лишь акцентирует слово «любимая», не разрушая данного синтеза. Фет же посредством замены слова «семья» на «родня» создает дистанцию, а может быть, и противопоставляет любимую и ее семью.

Переводчик точно передает синтаксис гейневского словосочетания: («милой семью»). Однако в фетовском тексте подобное синтаксическое акцентирование не воспринимается как оппозиция. Таким образом, в оригинальном стихотворении возникает противопоставление: общество (семья), к которому принадлежит и любимая, с одной стороны, и лирический герой, с другой. Любимая, являющаяся частью данного общества, становится причиной его трагедии, его неутрахающей боли. Таким образом, конфликт между героем и обществом перерастает в конфликт между героем и любимой женщиной.

По-иному у Фета: любимая у него на стороне лирического героя, разрыв с ней хотя и приносит ему боль, но боль эта приглушена временем, воспоминание о ней не приносит ему такие страдания, как лирическому герою подлинника, скорее это светлые воспоминания. Здесь появляется, на наш взгляд, характерное для фетовской оригинальной поэзии отношение к минувшей любовной драме с позиции времени.

Упомянутая выше оппозиция «лирический герой и семья любимой» у Гейне явно вырисовывается уже в первой строфе, посредством противопоставления личных местоимений 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.: **я** и **они**.

Als ich auf einer Reise

Sie haben mich freundlich erkannt [Heine, 1972, s. 58].

По всей видимости, автор в этом случае намеренно вводит местоимение sie (они), поскольку с точки зрения как содержания, так и грамматики в данном предложении оно лишнее: в предыдущей строке уже указаны субъекты действия (Schwesterchen, Vater, Mutter), исполняющие грамматическую роль подлежащего:

Schwesterchen, Vater und Mutter,

Sie haben mich freundlich erkannt [Heine, 1972, s. 58].

В целом в гейневском стихотворении местоимение ich (я) встречается пять раз, sie (они) – четыре раза. В некоторых случаях поэт использует вместо sie неопределенно-личное местоимение man («Und freundlich gab man zig Antwort»), которое переводится также 3 л. ед. числа, но создает эффект обобщенности и неопределенности субъекта. Вероятно, подобным образом Гейне расширяет рамки семьи, олицетворяющей для лирического героя общество в целом, и еще раз подчеркивает их одноличность.

В переводе, однако, нет явной оппозиции «я – они», Фет сглаживает ее и, на наш взгляд, делает это намеренно: его действительно не интересуют социальные отношения, что доказывает отсутствие социального аспекта и в собственной поэзии. В фетовском переводе «я» встречается всего два раза, в основном переводчик либо заменяет его на формы косвенных падежей (меня, мне и т.д.), либо опускает вообще. Например:

Гейне:

Als ich auf einer Reise, zufällig...

Когда я во время путешествия случайно...

[Heine, 1972, s. 58]

Фет:

Мне встретилась милой родня...

[Фет, 1986, с. 570].

Гейне:

Ich habe mich gar nicht verändert
Я совсем не изменился
[Heine, 1972, s. 59].

Фет:

*Что мало во **мне** перемены*
[Фет, 1986, с. 570].

Гейне:

Auch nach vermahlten Geliebten
*Frage **ich** nebenbei.*
Также о замужней возлюбленной
*Спросил **я** между прочим*
[Heine, 1972, s. 59].

Фет:

Спросил между прочим о милой
Как с мужем она прожила
[Фет, 1986, с. 570].

Местоимение «они» в переводном тексте вообще отсутствует. Фет, пользуясь тем, что грамматика русского языка это позволяет, использует лишь глаголы 3 лица мн. числа: «**Спросили** меня о здоровье, / Прибавивши сами потом / И мне **отвечали** любезно ...» [Фет, 1986, с. 570]. В следующих двух строфах на первый план выходит житейская проза: ничего не происходит, герой мирно беседует с родственниками любимой о пустяках. О прозаичности, незначительности содержания данных строф свидетельствует их повествовательная интонация, ритмико-метрическое однообразие, многочисленные перечисления, разговорная лексика как в оригинале, так и в переводе. Например:

*Ich fragte nach **Muhmen und Basen,***
*Nach manchen langweiligen **Geselln***
*Und nach dem kleinen **Hündchen***
*Mit seinen sanften **Belln*** [Heine, 1972, s. 59].

*О **тетках, золовках и разных***
***Докучных** спрашивал я*
О маленькой также собачке
*С приветливым лаем **ея*** [Фет, 1986, с. 570].

Из стилистики данного фрагмента выбивается строка: «*Nur mein Gesicht sei **bleich.** (Только мое лицо стало бледным)*» [Heine, 1972, s. 59].

Фет: *Одно, что я **бледен** лицом* [Фет, 1986, с. 570].

Данная строка вносит в прозаический мир тревожные нотки и является первым признаком присутствия в стихотворении второго плана – романтического мира, мира лирического героя, переживающего любовную трагедию. Автор, а вслед за ним и переводчик представляют драму своего героя в комическом варианте: приоритетное место в тексте занимают детали, расспросы ни о чем, излишняя любезность (слово «freundig») (любезный) повторяется и в оригинале, и в переводе три раза). По всему видно, что **они** всерьез не воспринимают трагедию лирического героя.

У Фета ирония по отношению к разговору усиливается за счет введения такой приметы традиционного поэтического языка, явно не соответствующей разговорному характеру фрагмента, как устаревшая форма личного местоимения женского рода «ея». Даже фраза о том, что он ничуть не изменился, только лицо стало бледным, воспринимается скорее как комплимент: лексема «nicht verändert» (не изменился) в гейневском тексте противопоставляется лексеме «bleich» (бледный) и усилена за счет частицы «gar» (**совершенно** не изменился), значимость же слова «бледный», наоборот, снижается с помощью частицы «nur» (**только** мое лицо стало бледным).

В фетовском переводе, несмотря на то, что поэт точно воспроизводит текст оригинала, все же не наблюдается такой явной оппозиции: опущены частицы, по-иному распределены лексемы в строках: «*Что мало во мне перемены / Одно, что я бледен лицом*» [Фет, 1986, с. 570]. По всему видно, что **они** всерьез не воспринимают боль лирического героя. Любовная трагедия глазами людей не страдавших, а потому не способных понять, говорящих о пустяках (например, о бледности лица), ничего не значащих для человека, который страдает и безнадежно любит, – вот что создает иронию.

Второй план – боль героя – наличествует в стихотворении имплицитно, но тем самым еще более подчеркивается, потому что не вербализуется, остается в душе героя. Сам лирический герой явно не желает показывать свои страдания, не случайно о своей возлюбленной он спрашивает «между прочим»:

Auch nach der vermählten Geliebten

Также о замужней возлюбленной

*Fragte ich **nebenbei***

*Спросил я **между прочим*** [Heine, 1972, s. 59].

Любопытно, что поэт нарушает рамочную конструкцию данного предложения: грамматически правильным было бы поставить глагол на второе место: «Auch fragte ich nebenbei / Nach der vermählten

Geliebten» [Heine, 1972, s. 59]. Используя инверсию, Гейне стремится, вероятно, выделить строку «Fragte ich nebenbei». Такое выраженное равнодушие еще более эксплицирует любовь и интерес лирического героя к судьбе своей любимой. Несмотря на показное равнодушие, обозначенное в тексте выражением «между прочим» и композиционным расположением данной строки в общем ряду других реплик-расспросов (о кузинах, тетушках, «разных докучных», собачке), становится понятным, что эта женщина до сих пор волнует лирического героя, любовная драма, случившаяся в прошлом, возвращается вновь и ощущается им еще острее.

В этом плане интересен контраст временных форм в гейневском тексте. Общий фон стихотворения претеритарный: преобладающее большинство глаголов употреблено в прошедшем времени (Präteritum), однако в строках, где речь идет о лирическом герое или о его возлюбленной, автор использует Präsens Aktiv (настоящее время, активный залог), либо Präsens Konjunktiv (настоящее время) и Plusquamperfekt.

<i>Ich hätte mich gar nicht verändert</i>	Plusquamperfekt Konjunktiv
<i>Nur mein Gesicht sei bleich</i>	Präsens Konjunktiv
<i>Das seien den Wochen sei</i>	Präsens Konjunktiv
<i>Die Kleine gleicht der Geliebten</i>	Präsens Aktiv

Präsens Konjunktiv используется, как правило, в сентенционных, лозунговых предложениях, которые обращают на себя внимание. Претеритальные формы конъюнктива употребляются, когда говорящему необходимо представить то, о чем он говорит, как нереальное или гипотетически возможное. Таким образом, то, что происходит сейчас с героем и героиней (а как раз об этом говорится в этой строке), не является важным в тексте, важным, существенным представляется то, что было в прошлом. Настоящее время поэт употребляет в последней строфе, где речь идет о сестре, напоминающей лирическому герою его любимую: образ любимой женщины как будто вновь оживает, она уже не прошлое, а настоящее («Малышка похожа на возлюбленную / Особенно когда смеется / У нее те же глаза») [Heine, 1972, s. 59].

Фет смог уловить временной контраст подлинника: глаголы в переводном стихотворении употреблены в основном также в прошедшем времени, однако в тех же строках, что и у Гейне, у Фета появляются изменения временного фона:

Гейне:

Я совсем не изменился,

Фет:

Что мало во мне перемены,

<i>Только мое лицо бледное.</i>	<i>Одно, что я бледен лицом.</i>
<i>Малышка похожа на возлюб-</i>	<i>В малютке есть с милою сход-</i>
<i>ленную</i>	<i>ство,</i>
<i>Особенно когда смеется,</i>	<i>Улыбку ее узнаю</i>
<i>У нее те же глаза...</i>	<i>И те же глаза...</i>
[Heine, 1972, s. 59].	[Фет, 1986, с. 570].

В силу того, что в русском языке нет прямого временного соответствия формам конъюнктива (обычно конъюнктив передают условным наклоном, но в данном случае использование условного наклонения привело бы к смысловому несоответствию), понятно, что переводчик употребляет только настоящее время, создавая контраст: прошлое / настоящее.

Фет-переводчик, видимо, понимая первостепенную смысловую значимость выражения «между прочим», не опускает его в переводе, однако меняет интонацию и, соответственно, синтаксис гейневского двуступенчатого предложения, делая его вопросительным: «Спросил между прочим о милой: / Как с мужем она прожила?» [Фет, 1986, с. 570]. Таким образом, создается впечатление, что фетовский герой ничего не слышал о милой, с тех пор как они расстались, а гейневский, если и ничего не знает о ней, то предполагает, что ему могут ответить, поэтому и интонация повествовательная.

Образ возлюбленной в гейневском стихотворении и переводе, на первый взгляд, не является основным и присутствует имплицитно, однако о ней упоминается уже во второй строчке стихотворения:

Гейне:

*Als ich auf einer Reise zufällig
Der **Liebsten** Familie fand...* [Heine, 1972, s. 58].

Фет:

*Когда на дороге случайно
Мне встретилась **милой** родня...* [Фет, 1986, с. 570].

Слово «любимой» в оригинале и «милой» в переводе, как видим, акцентируется за счет инверсии (любимой семья, милой семья). Таким образом, главное здесь не то, кого встречает лирический герой, а что это семья любимой.

Четвертая строфа полностью посвящена любимой, в пятой и седьмой строфе, хотя и опосредованно, речь идет также о ней (в пятой герой передает поздравления, в седьмой автор сравнивает ее с сестренкой). Однако мы узнаем о возлюбленной героя совсем немного: только то, что она «на днях родила» и что они внешне похожи с сестренкой. Здесь проявляется характерная и для Гейне, и для Фета

линия: их героиня для читателя незнакомка, нет портретного описания, образ ее не имеет ни психологической, ни социально-бытовой характеристики.

Как уже отмечалось, четвертая строфа является кульминационной в стихотворении, сразу же после нее следует строфа, где упоминаются сестра, собачка, с которой случилась беда. Подобное «соседство» кульминационно-важного и незначительного также создает иронический фон. В контексте иронии интересна, на наш взгляд, параллель «герой-собачка», которая передана также и в переводе. Собачка напоминает герою его прежнюю счастливую жизнь, когда любимая была рядом, не случайно он говорит о ней с симпатией, выраженной прежде всего лексическими средствами (уменьшительно-ласкательными суффиксами, словами «маленький», «приветливый», «приятный»).

Гейне:

*Und nach dem kleinen Hündchen
Mit seinem sanften Bellen*
[Heine, 1972, s. 59].

Фет:

*О маленькой также собачке
С приветливым лаем ея*
[Фет, 1986, с. 570].

Как с собачкой случается беда, так и с героем: собачка утоплена в Рейне, лирического героя «сгубили глаза любимой». Слова «elend» («жалкий», «глаза, которые сделали меня жалкими») в гейневском тексте и «сгубили» («те, что меня сгубили») в переводе являются одними из ключевых и, пожалуй, единственными, эксплицитно выражающими трагедию героя, они подчеркивает мелкость, незначительность происходящего и заставляют иронически отнестись ко всему, прочитанному ранее.

Оригинал написан трехиктовым дольником (Дк3). Фет переводит стихотворение трехстопным амфибрахийем в соответствии с русской традицией: амфибрахий воспринимался как русский эквивалент немецкого дольника. Подобно Гейне, Фет рифмует четные и нечетные строки, последовательно чередует женские и мужские клаузулы. Переводчик передает и такую ритмико-интонационную особенность оригинала, как членение строф пополам на симметричные двустишия, например:

Гейне:

*Sie fragten nach meinem Befinden
Und sagten selber sogleich:
Ich hatte gar nicht verändert,
Nur mein Gesicht sei bleich* [Heine, 1972, s. 59].

Фет:

*Спросили меня о здоровье,
Прибавивши сами потом,
Что мало во мне перемены, –
Одно, что я бледен лицом* [Фет, 1986, с. 570].

В плане параллелизма метра и синтаксиса следует отметить интонационно-синтаксическую законченность строф: каждая строфа представляет собой законченное предложение. Ритм задается и композицией стиха: почти каждая строфа – новая тема, кроме того, ритм стихотворения «маятниковый», по принципу обмена репликами-любезностями:

*Спросили меня о здоровье...
Расспрашивал я...
И мне отвечали любезно
И я их любезно поздравил...* [Фет, 1986, с. 570].

Повтор союза «и», причем, иногда на стыке реплик, в фетовском переводе («И мне отвечали любезно, И я их любезно поздравил») связан с механическим нанизыванием реплик. Это создает контраст между внешней благопристойностью и личной трагедией, которую не могут скрыть условности. Аналогичных повторов у Гейне очень мало, у Фета же они явно подчеркиваются. Таким образом, переводчик, заметив отмеченный выше контраст в оригинале, старается передать его, используя иные средства.

Интересно сходство данного лирического стихотворения с балладой в плане композиции, элементов «сюжетности», тем более что в балладе часто используется прямая речь (в данном случае беседа героя и родственников любимой). Интересно и то, что дольник первоначально утвердился в немецкой поэзии в качестве размера, имитирующего жанры народной поэзии, а в русской поэзии трехсложные размеры, в частности амфибрахий, использовались в качестве эквивалента балладного ритма.

Стихотворение Г. Гейне «Посейдон» представляет для нас интерес прежде всего потому, что оно не относится к чистой лирике поэта, переводами которой в основном занимался Фет. Это стихотворение, в отличие от большинства фетовских переводов из «Книги песен», входит в тематический цикл «Северное море» (1825–1826). «В стихах данного цикла, – пишет А. Дейч, – появляется тот живительный, объективный воздух, которого не было в микроклимате «Лирического интермеццо» [Дейч, 1963, с. 56]. В «Северном море» Гейне обращается к новой художественной форме – философским размышлениям; тема любви здесь не занимает центрального места, на первый план выходит

объективный мир – окружающие поэта природа и общество. В этом цикле, по мнению А. Дейча, Гейне пробует и новую для себя форму свободного стиха, выходя за рамки субъективной замкнутости. Стихотворение «Посейдон» является одним из репрезентативных стихотворений цикла как в плане иронической рефлексии, так и в плане «свободных ритмов».

Прежде всего в данном стихотворении бросается в глаза несоответствие внешней композиции и внутреннего содержания. Имя бога в названии, обилие античных имен в самом стихотворном тексте, длинные строки, характерные для антологического стиха, – все это обманчиво, в действительности смысловое содержание стихотворения вовсе не является антологическим. Сама композиция построена обманчиво: наблюдается смешение больших и малых строф. Начинается стихотворение двумя многострочными строфами (первая – 14 строк, вторая – 10 строк), затем следуют две маленькие строфы (4–5 строк), предпоследняя строфа снова многострочна (12), а последняя является короткой (6). Данное нарушение гармонии на композиционном уровне, не свойственное антологическим образцам, позволяет говорить об использовании автором иронического приема и усомниться в антологическом содержании стихотворения.

Данное стихотворение пестрит античными именами (Одиссей, Лаэрт, Посейдон, Эллада, Приам, Паллада Афина, Амфитрита, дочери Нерее), но они не являются основными образами в стихотворении: в качестве главного героя и в оригинале, и в фетовском переводе выступает лирический герой. Признаком субъектной организации стиха является наличие в нем большого количества местоимений 1 л. ед. ч. (меня, мне) и т.д. В гейневском тексте местоимение «я» встречается 8 раз (5 – в форме именительного падежа, 3 – в формах других падежей), в переводе 6 раз (4/2). Лирический герой приоритетно присутствует на протяжении всего стихотворения. И даже в середине стихотворения, где поэт уходит на второй план, уступая место сыну Лаэрта, ничего не происходит без его, пусть имплицитного, участия.

Гейне:

*Mein edles Herz begleitete treulich
Мое благородное сердце сопровождало верно
Den Sohn des Laertes in Irrfahrt und Drangsal
Сына Лаэрта в тяжелой дороге и нужде
[Heine, 1972, s. 89].*

Фет:

Благородное сердце мое с участием следило

За сыном Лаэрта в путях многотрудных его
[Фет, 1986, с. 579].

В конце стихотворения образ лирического героя снова эксплицируется и, несмотря на то, что появляется сам Посейдон, не становится второстепенным: речь Посейдона построена таким образом, что ТЫ (так в основном Посейдон обращается к поэту) является более самоценным, нежели Я (Посейдон), о чем свидетельствует и частотность употребления местоимения ТЫ. В различных падежных формах данное местоимение встречается как у Гейне, так и в фетовском переводе. В строфе, включающей в себя речь Посейдона, ТЫ используется 7 раз; кроме того, 2 раза Посейдон обращается к поэту «поэтик», а Я встречается всего лишь один раз. Как видим, субъектная организация стиха, которую мы выявили в начале стихотворения, переходит в объектную, при этом сам субъект объективируется. Таким образом, в этом стихотворении обнаруживается характерное для всего гейневского цикла «Северное море» стремление поэта к объективизации поэтического материала, что с особой точностью передает и Фет-переводчик, соблюдая количественное соотношение местоимений «я» и «ты».

На наш взгляд, авторская, а вслед за ней и переводческая постановка человека в оппозиции «бог – человек» состоит в том, что человек выше бога. Об этом свидетельствует благосклонное и даже пиететное отношение к нему со стороны Посейдона (в оригинале), развенчивание репутации Посейдона как гневного бога (у Гейне – *«не бойся, поэтик!»* [Heine, 1972, s. 89]; у Фета – *«что ты боишься, поэтик»* [Фет, 1986, с. 579]) и признание того, что человек не уступает в уме богам (Гейне – *«И тебе никогда не советовала // Богиня ума, Паллада Афина»* [Heine, 1972, s. 90]; Фет *«И тебе не давала советов ни в чем // Богиня ума – Паллада Афина»* [Фет, 1986, с. 580]). Автор, а вслед за ним и переводчик иронизируют над Посейдоном – богом, который позволяет себе признать величие человека, умаляя тем самым собственное. Однако, с другой стороны (и это, в отличие от скрытой иронии над богом, очевидно), иронии подвергается и сам лирический герой, и исходит она от того же возвысившего его Посейдона. Посейдон обращается к поэту не иначе как «поэтик», (показательно, что данное слово встречается дважды). Иронический подтекст звучит также в строчке «И не хочу заставлять тебя страшиться за свою *дорогую* жизнь» [Heine, 1972, s. 89]; в переводе Фета наличествует еще большая ирония за счет замены лексемы «дорогая» на «любезная» жизнь (*«Не стану в раздумьи о жизни любезной тебя // Вводит излишнего качкой»* [Фет, 1986, с. 580]).

На наш взгляд, в своем переводе Фет усиливает иронию, чаще, чем Гейне, прибегая к инверсии и другим приметам высокого стиля. Так, в переводе встречаются инверсированные словосочетания существительное плюс определение («гнев твой», «небом цветущим», «о жизни любезной»). Часто переводчик ставит глагол на последнее место в строке («Лгать и удачно ему убежать помогало», «Главу осокою венчанную поднял», «И в кораблекрушеньи неслось» [Фет, 1986, с. 579]).

Характеризуя произведения Ломоносова, написанные высоким стилем, В.Г. Белинский писал: «Зачем Ломоносов паялил и корчил русский язык на образец латинского и немецкого? Почему каждый период его речей набит таким множеством вставочных предложений и завострен на конце глаголом?» [Белинский, 1976, с. 70]. Таким образом, постановку глагола в конце предложения Белинский рассматривал как синтаксическую особенность, пришедшую из латинского и немецкого языков, являющуюся в русском языке приметой высокого стиля. В фетовском переводном тексте мы находим лексику высокого стиля – архаизмы, которых нет в оригинале («несказанная», «венчанная», «воззвал», «дщери»), намеренную переделку слов и перенос ударения («Посидаон», «осокою»), употребление в уменьшительном значении слов, для которых уменьшительно-ласкательный суффикс не характерен; его использование создает иронический подтекст («поэтик»).

Ирония у Фета создается также за счет столкновения высокого стиля с ритмическими приемами, обычно передающими интонации живой разговорной речи. Стремясь передать интонации разговорной речи, Фет использует анжамбеман. У Гейне переносы отсутствуют. В качестве другого характерного для Гейне и воспроизведенного Фетом в его переводах иронического приема следует привести использование слов и фраз из французского языка. Очевидно, французский язык сам по себе является у Гейне признаком высокопарности («Нисходят во гроб поколенья...», «В молодые тоже годы...»).

Так, например, в стихотворении «Die Jahre kommen und gehen...» (у Фета – «Нисходят во гроб поколенья...») лирический герой, умирая, произносит последнюю фразу по-французски: «*Madame, je vous adore!*» («Мадам, я вас обожаю!») [Heine, 1972, s. 47]. Последние слова являются, как известно, особенно значимыми [Лотман, 1994, с. 417–418]. Лирический герой в момент смерти произносит романтическую фразу о любви, но произносит он ее по-французски, что создает яркий эффект самоиронии. В соответствии с романтической концепцией любви, данное чувство в стихотворении представ-

лено как некая константа – единственное, что не меняется со временем. Но использование в качестве «последних слов» эффектной и красивой французской фразы бросает иронический отсвет на данное представление о любви.

В стихотворении «Nabe auch, in jungen Jahren...» иронический эффект, создаваемый французским выражением «*ma foi*», непосредственно связан с темой произведения: скептическим отношением к любовному огню (характерно, например, ироническое развертывание традиционной метафоры «пожар любви»: «но все же дрова очень дорогие»).

«*Ma foi*» (право), будучи использовано два раза, в конце каждой строфы, становится своеобразным рефреном, что подчеркивает призыв лирического героя более свободно, легко отнестись к любовному чувству. В оригинале ирония по отношению к любви подчеркивается также использованием в близком соседстве стилистически контрастных лексических единиц. Так, в третьей строке второй строфы рядом расположены лексемы «*dumm*» (глупый) и «*Liebesharm*» (любовное страдание). Фет, используя нейтральную лексику, сглаживает лексико-семантическую контрастность оригинала.

Данное средство передачи иронии, на наш взгляд, следует рассматривать в контексте более общей особенности поэтики Гейне, также связанной с ироническим отстранением. Для многих стихотворений немецкого поэта характерно использование, на первый взгляд, несовместимых выразительных средств либо несовпадение приемов выразительности (как правило, весьма традиционных и условных) и темы. Так, например, в стихотворении «*Mein Liebchen, wir saßen beisamen...*» в описании ночного свидания использована система традиционных поэтических средств: «*im Mondenglanz*», «*liebe Töne*», «*auf weiter Wasserbahn*», по отношению к которым резким контрастом, разрушающим идиллию, является лексема «*trostlos*» в конце стихотворения.

В переводе «Мой друг мы с тобою сидели...» Фет искусно передает гейневскую иронию, создаваемую контрастом покоя, безмятежности и страдания. В фетовском тексте этот контраст становится даже более явным: если у Гейне «любимые звуки», то у Фета «напев сладкогласный». В подлиннике – «*Мы плыли, безутешные, // По широкому морю*» [Heine, 1972, s. 43], в переводе – «*А мы, преисполнены муки, // Неслись на безбрежный простор*» [Фет, 1986, с. 569]. Как в оригинальном, так и в переводном стихотворении обилие «сладкой» лексики (прекрасный, сладкогласный, нежный, любимый) создает атмосферу безмятежной идиллии, которая перечеркивается в конце

стихотворения словом «безутешные» у Гейне и словосочетанием «преисполнены муки» в переводе Фета.

Иногда, как, например, в стихотворении «Auf Flügeln des Gesanges...» (в переводе Фета «Дитя, мои песни далеко...») нагнетание черт условного идиллического топоса подчеркивает неверие лирического субъекта в возможность земного рая, представляет в ироническом свете саму мечту о счастье. Характерен также предельно условный и литературный мотив бегства в прекрасный край. Фет в своем переводе воспроизводит сказочный колорит гейневских долин Ганга, но при этом создается впечатление, что автор сам не верит в эту сказку-мечту, таким образом, самообман приводит к ироническому восприятию стиха.

В стихотворении «С порога рыбацкой избушки...» переводчик передает иронический замысел автора, противопоставляя романтическое путешествие житейской прозе. Рыбачье поселение – прозаический мир, где ничего не происходит (это подчеркнуто у Гейне вниманием и серьезностью, с которыми девушки слушают рассказ о путешествиях).

Фет несколько сглаживает стилистические особенности оригинала за счет замены разговорной лексики на нейтральную. Например, у Гейне: «*В Лапландии грязные люди, // Лысые, широкоротые и маленькие*», «*квакают и орут*» [Heine, 1972, s. 59], в фетовском тексте: «*В Лапландии грязные люди // Курносый, невзрачный народ*», «*пищит и орет*» [Фет, 1986, с. 571]. Подобные семантические несоответствия объясняются, на наш взгляд, тем, что для поэзии Фета вообще не характерны элементы разговорного стиля, избегает их поэт и в переводной лирике.

Фет точно передает и встречающуюся в гейневских стихотворениях оппозицию подлинного / мнимого: вслед за Гейне он постоянно подчеркивает, что страдающий лирический герой есть настоящее, подлинное, но обратить внимание на него он может лишь через контраст с незначительным, повседневным. Акцентирование деталей, незначительных событий, изображение мира повседневности, где ничего не происходит, и разворачивающаяся на этом фоне драма может, на наш взгляд, служить средством создания иронии («Когда на дороге случайно...», «Горная идиллия»).

Передавая иронию Гейне в своих переводах, Фет пользуется как авторскими средствами, так и использует приемы, характерные для его собственной поэтики. Например, иронию, обозначенную у Гейне контрастом лексики разных стилей, Фет сглаживает, воплощая, однако, иронический подтекст на синтаксическом уровне (с помощью ин-

версий, анжамбеманов), столкновением высокого стиля с ритмическими приемами.

В 1840-е годы, когда Фет впервые обратился к переводам лирических стихотворений Гейне, это был, пожалуй, самый популярный в России немецкий поэт. Однако точность фетовских переводов, чуткость к ироническому подтексту оригинальных стихотворений, умение найти в русском языке способы передачи иронии свидетельствуют о том, что интерес Фета к поэзии Гейне не был лишь данью моде. В то же время, подобно многим переводчикам, являющимся профессиональными поэтами, Фет предпочитает произведения, близкие ему самому и, стремясь к максимально точной, почти буквальной передаче смысла и особенностей оригинальных текстов, часто сближает переведенное произведение со своим оригинальным творчеством.

Литература

- Белинский В.Г. Собрание соч.: В 9-ти тт. М., 1976. Т. 1.
 Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973.
 Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989.
 Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М., 2000.
 Гордон Б.Я. Гейне в России. (1830–1860) Душанбе, 1973.
 Дейч А.И. Поэтический мир Гейне. М., 1963.
 Фет А.А. Стихотворения и поэмы. Л., 1986.
 Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
 Heines Werke. In fünf Bänden. Berlin und Weimar, 1972. B. I.

THE PROBLEM OF TRANSLATING BUSINESS COMPANY NAMES FROM RUSSIAN INTO ENGLISH

T.G. Pshenkina, N.N. Bezrukova

Keywords: onomastics, onyms, ergonyms, translation directionality, Russian-English translation, the construal of the mental context.

Ключевые слова: ономастика, онимы, эргонимы, направление перевода, конструирование ментального контекста.

1. Introduction

The article focuses on the translation of ergonyms, a group of onyms that denotes names of commercial and non-commercial establishments. The launching of such enterprises all over Russia was brought to life by the

economic changes of the late 80s, by the rise of the market economy, as well as by decentralization and, as a result of it, by the attempts of individuals and separate companies to join the world economic community. Alongside with the inevitable political and economic innovations this process could not but affect and be affected by the language situation in the local and global business communication of that period.

In those years English had already emerged as the world's language for the major international domains: international banking, economic affairs and trade among them [Graddol, 1997, p. 8]. The significance of English was profound: if an enterprise wished to strike a deal, gain access or contribute to the world collaboration, English was a gateway to it. However, it became simultaneously clear that the status of English in Russia, on the one hand, and the linguistic properties of ergonyms, as a separate group of onyms, on the other, put some additional obstacles for their translation which centered round the following issues:

Translation directionality. The previously predominant direction in the translation process from English into Russian in a new economic environment gave way to its close coexistence with the opposite direction, translation from Russian into English.

Complex interrelation between economy- and law-bound information within Russian ergonyms and the language conventions of English. The late 20th century witnessed the uprise of a number of enterprises in Russia with a new and diverse forms of organization, with multiple production cycles and management schemes. It was necessary for an enterprise to incorporate the essential information on its legal, organization and production status in its name. That task immediately revealed that ergonym transfer into a new language cannot so much be a mere shift from one language into the other, but rather a construal of the correlated mental structures with their further verbalization in a target language taking into consideration situational, socio-cultural as well as linguistic conventions of the latter.

The two above-mentioned speculations resulted in the third one, of purely applied character. Given the prominence of ergonyms in business discourse, their translation is to be precise, transparent, elaborate and “structurally-friendly”. However, a variety of semantic and syntactic models employed in their naming defy universal and stringent rules of ergonyms translation, and it is the translator who in every particular case has to act as a subtle interpreter and a resolute decision-maker in choosing the translation strategies, tactics, and operations. All this leads us to believe that it is reasonable to try to provide him / her with an algorithm that might be of use while taking some practical steps.

In attempt to develop such an algorithm we will turn to each of the three enumerated points and consider them in turn.

2. Translation directionality

Translation directionality is the factor that has a great impact on the quality of translation in general and translation of company names in particular. Quite obvious for translation experts, this fact is usually ignored by the public at large who have hardly ever thought of it and have never doubted a bilingual's symmetrical ability to translate. Most people believe that a 'true' translator can equally well translate both ways. Neither the results of psychological studies of speech development and language learning, nor the concepts supporting them offered by modern psycholinguists (e.g. [Herdina, Jessner, 2002]) can break through this delusion. As experts put it, the ground to support this erroneous opinion lies in the fact that «people can easily notice a mistake in translation into their mother tongue, whereas to assess the quality of a foreign text one must have a full command of the foreign language» [Shakhova, 2013, p. 48]. Indeed, an English-speaker is sure to have problems in the attempt to understand the **Hours Repair* sign, when it refers to **watch** repair, or **To yourself* and **From yourself* door signs, while a Russian-speaker with his/her thoughts shaped according to the cultural and linguistic patterns of their native language can easily do a back translation of such phrases into Russian, having confidence in both their meaning and, consequently, the quality of translation.

Most European (especially UK-based) translation scientists never doubted the asymmetries of the translation directionality. Starting with the 17th century, translation masters insisted that translation from one's mother tongue can only be used to improve the foreign language proficiency; otherwise it is an absurd and useless enterprise. P Newmark stated: «The only way for a translation to be natural, precise and ensuring best results is to translate into the language of habitual use» [Newmark, 1998, p. 3]. Less categorical but similar in nature were the recommendations on the legal protection of translators provided by UNESCO. The document stated that a translator should, as far as possible, translate into his own mother tongue. Step by step, most translation schools came to realize that this vector in directionality is most preferable.

Yet, the experts recognize that there *may* appear the circumstances that will require translation in the opposite direction, from one's mother tongue into a foreign language. This is exactly the case with ergonyms, the names of the Russian business companies, who look for a niche in the foreign market and, first and foremost, should properly introduce themselves.

Before proceeding to translation issues we would like to outline some general theoretical aspects of the problem relevant for further research, namely, referential status of ergonym, their hyponymy/hyperonymy relationship with other onyms.

3. Ergonyms: literature survey and general consideration

The term ergonym is viewed differently in various research papers. In a narrow sense it is defined as a proper name of a commercial company, in a broader usage it stands for a proper name of any institution referring to a group of people organized according to some business interest. Such terminological fuzziness is present in other theoretical issues of ergonymy as well, for example, the place of ergonyms among other onyms and their relations to close onyms (Russian onomastic tradition presupposes specific terms for such onyms, for example, urbonyms, toponyms, emporonyms, pragmatonyms, oikodomonyms, etc). The study of the taxonomy of onomastic terms reveals different approaches. Some scholars consider ergonyms as equal co-hyponyms to other basic naming groups such as toponyms, anthroponyms, phytonyms, etc. Others consider ergonyms as a subclass of urbonyms (names of city institutions), and urbonyms in their turn are regarded as a subclass of toponyms. Still others think of ergonyms as a subclass between toponyms and commercial names.

For all the above mentioned terminological disputes in onomastics it is worth mentioning the cognitive approach according to which an ergonym is viewed as a concept with a dominant characteristic in its contents which unites in its ergonymic conceptual field a whole group of different proper names [Larina, 2006; Langendonck, 2007]. In the present research we understand an ergonym (from the Greek Έργον – deed) as a term which stands for a proper name of an establishment referring to a group of people organized according to some business interest such as a union, a society, an enterprise, or a sector [Podolskaya, 1988, p. 151]. The analysis of scientific data published in Russian science journals and research papers devoted to ergonyms enabled us to summarize the peculiarities of the group of onyms under study. The most important among them are:

- Ergonyms constitute a class of their own in onomastic space; because ergonyms are less stable lexical units than other onyms, subject to change, more dependent on economic, social, political and other types of extralinguistic situations, they occupy a peripheral position in the onomastic field in relation to other more salient onyms (toponyms, anthroponyms). Another distinctive feature of ergonyms is a great variety of semantic and syntactic models according to which their structure can be organized (a

company can choose for its name any language unit: from a graphical sign to a complete sentence).

- Apart from other proper names, the semantics of ergonyms includes pragmatic and connotative meanings, and alongside with typical onymic functions of informing, identifying and differentiating, ergonyms may perform advertising and aesthetic functions.

- An ergonym is a result of secondary nomination and it can be built on the basis of common names or other proper names.

- Ergonyms are a separate class of onyms but there might be cases when the boundary line between ergonyms and adjacent onyms is very obscure and it enables linguists to refer ergonyms to some other classes of onyms. For example, ergonyms are sometimes regarded as a subclass of toponyms because they are attached to their geographic location. But there are cases when companies may have only virtual presence or they may be connected to several buildings in different locations. Thus the topographic criteria cannot be used to add ergonyms to the class of toponyms. Another case – ergonyms are not necessarily urbonyms, they may also refer to rural establishments (vikonyms). Ergonyms should also be separated from anthroponyms. A company, which has a registered (legal) name and acts as a legal entity, has got its own name in Russian onomastics – temonym, and are similar in their individualizing function to anthroponyms.

- Ergonyms can be names of both commercial and non-commercial establishments in different fields of human activity (administrative establishments, manufacturing and trade companies, medical and educational institutions, cultural and entertaining establishments, etc).

Company names receive different classifications based on various criteria. They can be grouped according to the word-building means, according to their pragmatics, as well as to chief function, sematic and cultural peculiarities, lexical and syntactic structures, degree of motivation of their meaning, etc. In the translation research of ergonyms three classifications are important. The first one reflects how a company name is connected with what the company is actually doing or where it is located. According to the degree of motivation of their meaning company names can be real (direct), symbolic (or expressive) and mixed [Superanskaya, 1973, p. 195]. Direct names are usually indicative of the company's actual business and may include a toponym, which is connected with the location of the company, e.g. «*Барнаульский вагоноремонтный завод*» - *Barnaul Rail-Car Repair Plant*.

Ergonyms lexico-syntactic classification is vast and includes a lot of types. Within the framework of the present paper we will mention only those types, which pose a challenge for the translator. To these types we

refer abbreviated ergonyms («*СибЦКТИ-БКЗ*», «*ЖБИ Сибири*», «*ХИМ-ТЕХПРОМ*»), ergonyms created by means of wordplay, including visual graphic wordplay («*ПурГород*», «*КрепостьС*», «*МАГиЯ*», «*ХмелеФФ*», «*ПолзуновЪ*», «*АлТайна*»), ergonyms involving numbers («*40 градусов*», «*21 ТОННА*», «*7-я верста*»), loaned ergonyms that have been transliterated into Russian and phonetically, (not semantically) more or less assimilated in it («*Парадиз*», «*Грейс*», «*Хаус Сити*»), and, finally, loaned names with mixed language graphics («*Поляна House*», «*Икра*», «*МИЛЛИТАРИ club*», «*ASBA-Консалтинг*»). In the present paper we will deal only with the abbreviated ergonyms, further research could be conducted to study other types of ergonyms in the light of translation.

According to the third classification names of establishments can be grouped according to the type of organization they serve to name. The ergonymic space of Altai Krai can be represented by the following six groups of ergonyms which refer to different spheres of human activity: to economic sphere (business companies, manufacturing companies, banks, etc); trade (shops, boutiques, malls, etc); service industry (hotels, restaurants, repair shops, etc); entertainment, sports, arts and culture, (museums, theaters, clubs, stadiums, etc); education and science (universities, colleges, schools, etc); and public administration.

One more theoretical problem to mention before proceeding to the translation issues is the structure of ergonym. The ideas developed today in onomastics can be generally confined to two contrasting approaches [Kozerenko, 2007, Poseiko, 2014]. According to the first approach a company name is a simple nomination consisting of one or more proper names. The nomenclature term (known also as appellative, classifier, or ergonymic term) in this approach is not considered as a part of the ergonym. According to the second approach which we hold to in the present paper an ergonym is a two-component structure consisting of equally important parts: the proper name and the appellative. From the translational point of view it is relevant to consider the company name with all its components, including the appellative (*plant, bank, restaurant, hotel, university*, etc.) and other possible nominations like abbreviation for a form of a business entity or other names of organizational formation of a company.

4. Dealing with ergonyms in translation

Contemporary translation studies hold the idea that a translator is assigned with various roles (functions), a mediating role being an essential one. Our approach rests and develops on the assumptions of cognitive paradigm and we believe that translation is a mediating thought- and- speech activity and it is based on the creation of the integrated mental models and

structures that are coordinated in the minds of the participants in the process of intercultural communication [Bell, 1997]. In its turn, it is the language signs, words and word combinations, which act as coordinators, kind of anchors that provide an access to cognitive structures of an individual. Given the exceptional role of language form (a body of the sign) in inducing the meaning and generating the essence of the utterance, and being aware that translation is a selective activity we propose a three-staged recommendations aimed at developing an algorithm for a thorough ergonyms translation that will take into consideration the property of all its structural components as well as semantic and pragmatic links between them.

4.1. Stage one: choosing global strategy

Traditional textbooks on translation studies usually outline some general trends in the translation of proper names, with no attention given to the specific problems that arise directly in the translation process. Today, *Russian-English Translation* textbook by D.I. Yermolovich [Yermolovich, 2014] is considered to be the most authoritative and comprehensive source of the rules for translating ergonyms, which reflects the peculiarities of their translation. The basic principles stated in this textbook as well as our translation experience enable us to classify the major challenges in translating ergonyms (for this task we have decided on the names of business establishments only) from Russian into English into 3 groups which roughly correspond to the stages of the translation strategy. Translation strategy is «a general program of the translator's activity worked out on the basis of the general approach to translation in a specific communicative situation, determined by the particular parameters of this situation and the translation goal, determining in its turn, the character of the character of the translator's professional behavior» [Sdobnikov, 2012, p. 861].

The first stage or a group of problems includes the choice of a global strategy and translation tactics and operations. «Tactics are a systematized set of translation operations performed to implement a chosen translation strategy and to achieve the translation goal. A translation operation in its turn is any action of a translator within the process of creating a text in the target language» [Sdobnikov, 2012, p. 862].

First, when a translator encounters ergonym, he should find out whether the company has a registered name in English that is stated in the Certificate of State Registration of a Legal Entity. Since a registered name is a legal one, a translator has to use this variant even if the translation is not correct. When a company does not have a registered name in English, the

next step is to choose a translation technique most suitable for each specific case: calque or practical transcription. This choice depends on the degree of motivation of a company name. If a name does not have a figurative meaning and is a direct one, a translator will create a calque in English. Thus, "Барнаулский патронный завод" is translated as *Barnaul Cartridge Plant*, since this company is a (i) plant which manufactures (ii) cartridges and is located in (iii) Barnaul. In case a company has a symbolic name, a translator is recommended to transcribe it: ЗАО «Эвалар» – *ZAO Evalar*, группа компаний «Русский сокол» – *Russky Sokol Group of Companies*. Abbreviated or shortened ergonyms – A.V. Superanskaya views them as a group of proper names between direct and symbolic ergonyms and notes that expanded forms of these abbreviations are generally direct ergonyms – are transcribed or transliterated. For example, ООО «Барнаул РТИ» will be *OOO Barnaul RTI Plant* in English. There might be an explanation of the abbreviation in the text though – «Барнаулский завод резинотехнических изделий» – and in this case the name is literally translated as *Barnaul Mechanical Rubber Goods Plant*. It is common practice for us to use a system of practical transcription proposed by D.I. Yermolovich [Yermolovich, 2014, p. 575–576]. It should be noted, however, that a new Russian National Standard GOST P 7.0.34-2014 was adopted in the late 2014 where a new system of transliteration and encoding of Cyrillic characters into Latin characters was given. Universal implementation of this standard is still questionable, since some of its paragraphs have generated a discussion among the scholars.

4.2. Stage two: pitfalls in translating different parts of ergonym

The second group of controversial issues focuses on the translation of components inserted in the structure of ergonym: toponyms, anthroponyms, abbreviations, nomenclature terms (appellatives) among them.

Nomenclature terms (i.e. *plant, factory, corporation, group, company*, etc.) should always be translated (using calquing) rather than transliterated. This rule makes all the translation examples from commercial texts and news reports listed below inappropriate: ЗАО «Барнаулский котельный завод» – **ZAO Barnaulsky Kotelny Zavod*, ООО «Зеркальная фабрика» – **OOO Zerkalnaya Fabrika*.

Another challenge in translating a nomenclature element is connected with realia which can function as an appellative or its part. For example, Russian noun *комбинат* is defined as 'a large industrial enterprise that combines several different enterprises that are related to each other by a technological process or through an administration'. English dictionaries offer a wide range of variants for its translation: *centre, combine, integrated*

works, industrial complex, plant, mill, multi-unit enterprise. None of the suggested examples reveals the semantic structure of the Russian term completely, nevertheless, the emerging data indicate that the most appropriate variants for this type of enterprise in different contexts may be: *enterprise, complex, mill, and plant.*

Ergonym may include a toponym derived from the name of a locality in which the enterprise is situated: «*Волчихинский пивоваренный завод*», «*Алейский сахарный завод*». To translate such toponyms one should restore the original name of the locality, i.e. a noun from which the corresponding adjective was derived, and transcribe it into English: *Volchikha Brewery Plant, Aleisk Sugar Plant.*

If ergonym includes a memorial anthroponym (the person's name in whose honor the organization was called), it should be transcribed and put in the pre-position to the noun it modifies: «*Алейскзернопродукт им. С.Н. Старовойтова*» – *S.N. Starovoitov Aleiskzernoprodukt Company.* If ergonym includes both anthroponym and toponym, its structural pattern can vary, cf. «*Алтайский ювелирный завод им. А.Н. Демидова*» – *A.N. Demidov Jewelry Factory of Altai* or *Altai A.N. Demidov Jewelry Factory (named after cannot be used in this case).*

The translation of ergonyms with abbreviated appellatives in their structure is of special interest. Presently, the appellative part of such ergonyms often indicating the form of business organization is mostly transliterated (*ООО, ОАО, ЗАО, ТОО – ООО, ОАО, ЗАО, ТОО*). But this way of translation is a comparatively new practice. In the 1980s, at the outset of these forms of business in Russia, their abbreviations appeared as a result of the English versions: *Общество с ограниченной ответственностью – ООО* was rendered as *LLC* from English *Limited Liability Company*. *Открытое акционерное общество – ОАО* corresponded to *OJSC* that came from English *Open Joint Stock Company*.

A company name may include other abbreviations, and their translation tactics should be chosen on an individual basis. A translator is first of all required to decipher the abbreviation, interpret its semantics, avoid any unnecessary redundancy in it, and at the same time transfer the basic information precisely and completely choosing the most appropriate translation technique depending on the type of the text: transliteration, deciphering through calquing, omission, deciphering the abbreviation and using it as the ergonym postmodifier. For example, БМК in «*БМК Меланжист Алтай*» stands for «*Барнаульский меланжевый комбинат*» (*Barnaul Melange Factory*). Being redundant, the abbreviation should not be deciphered in this case, or it will violate the readability of the phrase. Instead, the abbreviation should be transliterated, with a possible appellative

added: *BMK Melanzhist Altaya Enterprise*. The abbreviation СКБ (*Special Design Bureau*) as a part of the ergonym *Барнаульское СКБ «Восток»* is a nomenclature term. When translated, it needs to be deciphered and put after the proper name – *Vostok Special Design Bureau*. Further as the text progresses, the nomenclature term can be omitted. There is neither inherent practice specifying the position of the toponym in such constructions, nor strict rules, whatsoever. Thus, the first abbreviation in *ФГУП ПО «Алмаз»* stands for the form of business entity (*federal state unitary enterprise*), the second one is a nomenclature term that stands for the type of enterprise (*production association*). When translated, the first abbreviation should be deciphered using an extended postmodifier. Further as the text unfolds it can be omitted. The second abbreviation should be deciphered and can accompany the symbolic name of Almaz (or omitted if it is reiterated in the text): *Almaz Production Association, a federal state unitary enterprise*.

4.3. Stage three: complying with language norms and conventions of the target language

The third stage of translating ergonyms reflects target language norms and usage. Russian names should be verified to comply with the accepted usage and spelling in English.

- Except minor words, all words used in a company name written in English should be capitalized: *«Алтайский завод прецизионных изделий»* – *Altai Precision Components Plant*.

- Quotation marks around ergonyms are used in Russian but not in English: *ОАО «Бийский котельный завод»* – *OAO Biysk Boiler Plant*. An article should not be used with a name of the company in a text, except the name is accompanied by a classifier: *Avangard* but *the Avangard Cleaning Company*.

- Word order may be subject to changing in translation: a nomenclature term follows a name in an English phrase, so it is highly recommended to apply domestication strategy and use an idiomatic English syntactic model. For example, *«Завод алюминиевого литья»* – *Aluminium Castings Plant*; *Кондитерская фабрика «Алтай»* – *Altai Confectionary Manufacturing Plant*. An abbreviation for a form of legal entity is generally put in the initial position as it is in the Russian language, even though in English it usually follows a company name: *ООО Молочная компания «Алтайская буренка»* – *ООО Altaiskaya Burenka Dairy Company*. The syntactic rearrangement in the first example is caused by the necessity to comply with English syntactic rules, while the absence of such a rearrangement in the second example shows that there is no need to restructure a Russian ergonym to conform to an English model and

foreignization strategy, which is also used in translating a Russian legal term, is more acceptable in this case. It should also be mentioned that abbreviations for a form of legal entity are less common in English than in Russian; they usually have a certain pragmatic function, so in translation they may be omitted in some contexts.

- A transliterated name that sounds exotic to an English-speaker may be italicized: Барнаульский завод «Кристалл» – Barnaul *Kristall* Plant. When ergonym has a symbolic component and a direct toponymic one, it is difficult to say how to generate the contextually appropriate word order. This is probably due to the fact that the ergonym structure of this kind is not common in English, and if there is a need to indicate the location of an ergonym in the English language, a toponym appears within parentheses after an ergonym: *Kristall* Plant (Barnaul).

5. Conclusion

The evidence presented above manifests that ergonyms translation is a sophisticated and complex problem which a translator faces while dealing with Russian-English translation of ergonyms. Proceeding from the analysis made we may say that the study of ergonyms in the sphere of translation embraces a wide range of issues related not only to linguistics and its conventional rules in the target language, but also to socio-economic, legal, and cultural scope of knowledge, manifesting a close bond between the verbalization processes and the human cognition.

Given the exceptional role of language form in inducing the meaning and generating the essence of the utterance, we believe that in the texts on Economy ergonyms act as a kind of anchors that provide an unambiguous status of the particular business enterprise and, consequently, ensure a successful communication. That is why an adequate translation of ergonyms is an essential thing.

The emerging data enabled us to outline an algorithm in translating ergonyms which includes three steps:

- 1) choosing the mainstream strategy: to define whether a company has a registered name in English or not, if not to choose a translation technique most suitable for each specific case: calque or practical transcription;

- 2) considering the structure of the ergonym with all the components inserted in it: toponyms, anthroponyms, abbreviations, and nomenclature terms (appellatives);

- 3) complying with accepted usage and spelling of ergonymic structure in English.

We hope that the suggested recommendations will enable a translator to develop his / her professional competence, to enhance professional performance and to improve translation efficiency and quality.

References

- Ермолович Д.И. Русско-английский перевод. М., 2014.
- Козеренко П.С. Структура названий объектов внутригородской топонимики (на примере названий предприятий общественного питания в Польше и России) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. 2007. № 6.
- Ларина Т.В. О концептуализации в области эргонимии. [Электронный ресурс]. URL: <http://zenjamisina.eu/univer/69.pdf>
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Шахова Н.Г. «I really doubt if I apply my abilities». Российская практика письменного перевода на иностранные языки // Мосты. 2013. № 4(40).
- Bell R.T. Translation and Translating: Theory and Practice. London and New York, 1997.
- Graddol D. The Future of English. London, 1997.
- Herdina Ph., Jessner U.A. Dynamic Model of Multilingualism Perspectives of Change in Psycholinguistics. Clevedon, 2002.
- Langendonck W. Theory and Typology of Proper Names. Berlin, N.-Y., 2007.
- Newmark P. More Paragraphs on Translation. Clevedon, 2008.
- Poseiko S. Ergonyms of Educational and Cultural spheres in two of Baltic States cities // Journal of Education, Culture and Society. 2008. Vol. 1.
- Sdobnikov V.V. Strategy and Tactics of Translating Special Texts // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2012. Vol. 6.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ПОЛИТИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ

В.Н. Аристова

Ключевые слова: сатирическая пресса, французский язык, языковая ирония, политика.

Keywords: satirical press, the French language, verbal irony, politics.

Несмотря на возросший в последние десятилетия интерес ученых к изучению языка СМИ, а также к проблеме языковой иронии в российской и, прежде всего, зарубежной науке, проблема создания комического образа политиков в современной французской сатирической прессе остается

мало изученной [Солганик, 2000, с. 31–39; Солганик, 2005; Hershberg, 2013]. В контексте обозначенного исследования представляется наиболее продуктивным учесть достижения ученых, рассматривающих проблему иронии с точки зрения прагматики и с литературоведческих позиций. В работах, рассматривающих иронию с позиций прагматики, исследователи приходят к выводу, что ирония – это троп, но троп семантико-прагматический, в котором присутствует компонент семантический (так называемая семантическая инверсия) и, соответственно, прагматический (акт насмешки) [Hong, 2011, p. 175–182; Reyes, 2005, p. 1–11; Gurillo, García, 2009]. При этом семантический компонент иронии отнюдь не всегда является обозначением противоположного, но всегда подразумевает отрицание того, что выражено иронично [Kerbat-Orecchioni, 1976, p. 9–46; Kerbat-Orecchioni, 1980, p. 108–127; Perrin, 1996].

Литературоведы, анализируя иронию, прежде всего обращаются к понятию транстекстуальности, то есть взаимодействию текстов как таковых, в том числе отношению текста с его ближайшим околотекстовым окружением (паратекстуальность), с его жанром, вообще типом творчества, к которому он принадлежит (архитекстуальность), с суждениями и интерпретациями критиков и читателей (метатекстуальность), с целым предшествующим текстом (гипертекстуальность)¹ или с его отдельными фрагментами (интертекстуальность – в особом, узком смысле слова)² [Genette, 1982, p. 7; Ducrot, 1984, p. 210–213; Namon, 1996].

Что касается самого феномена сатирической прессы, то во Франции он имеет продолжительную историю и устоявшиеся традиции. В процессе ее существования имелись спады и подъемы, на смену популярности одних газет и журналов приходили новые лидеры рынка. Неизменной оставалась лишь потребность французов в подобном феномене как составляющей культуры «смешного», глубоко укорененной во французском обществе. На сегодняшний день во Франции, по сути, осталось только два сатирических издания – это «Le Canard enchaîné» и «Charlie Hebdo», на материале которых мы и ставим задачу определить языковые средства создания комического образа политиков.

Источниковую базу исследования составляет подборка публикаций «Charlie Hebdo» и «Le Canard Enchaîné» за 2013–2014 годы, а также специальные выпуски газет и наиболее значимые материалы прошлых лет общим количеством свыше 150 экземпляров и объемом более 4 000 текстов. Для понимания современной концепции изданий и, прежде всего, знакомства с техникой создания сатирических текстов, неповторимого стиля из-

¹ Пародия, пастиш.

² Цитата, аллюзия.

даний и комических образов были использованы материалы двух интервью, проведенных автором в 2013 году в Париже с журналистом «Le Canard Enchaîné» Давидом Фонтэном и (на тот момент) заместителем главного редактора «Charlie Hebdo» Жераром Бийаром¹.

Используемые в исследовании методы являются классическими. Однако объединение лингвистических методов (в частности, метод стилистического анализа) с социокультурным представляет собой новый взгляд на проблему создания языкового образа политиков и политики в сатирической прессе, позволяет глубже понять языковой инструментарий сатиры как средство, влияющее на общественное мнение и общественную жизнь французов.

Сатирические еженедельники «Charlie Hebdo» и «Le Canard Enchaîné» освещают все сферы жизни французского общества, международные события, но основной объект насмешек, карикатур, комиксов и шаржей – это политика и действующие политики. Не случайно заместитель главного редактора «Charlie Hebdo» Жерар Бийар подчеркивал: «*Notre premier sujet c'est la politique*». Аналогичную идею высказал в интервью и журналист «Le Canard Enchaîné», отвечая на вопрос о том, является ли политика основной темой газеты: «*C'est surtout la politique, c'est facette, mais oui, on fait plus attention aux grands groupes, aux affaires de rachats d'actions*»(личный архив автора).

Оба издания позиционируют себя как СМИ, относящиеся к «левому» полю политического спектра, что в некотором плане сближает их – подобное идеологическое основание, безусловно, облегчает критику властных и общественных структур с позиции сатиры. Однако в остальном имеется больше различий, причем кардинальных, чем сходств. Если «Le Canard Enchaîné» – старейшая сатирическая газета, основанная в 1915 году, придерживающаяся скорее социал-демократической направленности, выдержанная в едином стиле и стремящаяся высмеивать общественные проблемы способами, не выходящими за грани этических и лингвистических норм, то «Charlie Hebdo» является ее противоположностью. Эта еженедельная сатирическая газета, ставшая своеобразным продолжением эпатажного проекта – журнала «Nara-kiri», выходит лишь с 1970 года, но имеет несравненно более скандальный характер, объединяя в своих рядах журналистов самых крайних «левых групп», главной составляющей стиля которых является использование бранной лексики [Mazurier, 2009; Fabrice, 2007; Martin, 2005; Cavanna, 1981; Fontenelle, 2010].

¹ Interview avec Gérard Biard.18.07.2013. Interview avec David Fontaine. 19.07.2013. Личный архив автора.

Представители обоих еженедельных изданий во время интервью утверждали, что на страницах газет отстаивают свою систему ценностей, которую monsieur Biard охарактеризовал следующим образом: «On est un journal de gauche, qui peut aller de l'anarchisme à la gauche très rose, à la social-démocratie <...> On défend l'athéisme, la laïcité, l'écologie...l'égalité, on défend des valeurs antiracistes, on prône l'égalitarisme, on est plutôt féministe» [Aristova, 2014, p. 85-88]. Подобная политическая позиция логично ведет к тому, что главным оппонентом, объектом жестокой сатиры, образ которого должен быть максимально девальвирован в глазах читателя, объявляются крайне правые, придерживающиеся радикально противоположных мировоззренческих ориентиров. Так, Marine Le Pen является объектом регулярных сатирических выпадов со стороны как «Charlie Hebdo», так и «Le Canard Enchaîné». Например, несколько номеров, вышедших в июле 2013 года, освящали скандал, разгоревшийся вокруг Марин Ле Пен после того, как она в 2010 году выступила с речью об уличных молитвах, сравнив их с периодом оккупации во Франции, а молящихся – с армией оккупантов: «*Et puis il y a eu des prières sur la voie publique... Maintenant il y a dix ou quinze endroits où de manière régulière un certain nombre de personnes viennent pour accaparer le territoire... Très clairement comme en 1940, certains croient se comporter dans la France de 2010 comme une armée d'occupation dans un pays conquis*». Одна из таких статей вышла под заголовком «Aidons Marine Le Pen», автор размышлял о виновности или невинности Марин Ле Пен, саркастически представлял ее как жертву в этом скандале: «*Marine Le Pen est une victime. C'est son meilleur rôle. Les ennemis de la liberté de pensée veulent sa peau*» [Charlie Hebdo, 10.07.2013, p. 14]. Подобное сравнение с жертвой, а также использование превосходной степени сравнения создают стилистический диссонанс, посредством которого и реализуется комический эффект.

Nicolas Sarkozy – бывший президент, представитель правоцентристской либерально-консервативной партии UMP¹, также являлся излюбленным объектом критики еженедельника. На страницах газеты Саркози часто был персонажем различных комиксов. В одной из таких литературных зарисовок – его диалог с министром труда о необходимости принятия мер против бесконечных забастовок. Политики шутят, что эту проблему решит безработица: «*Ca ne te plaît plus, Ministre? Tu veux être nommé Roi des cons?*» (Саркози) – «*Oh, non Maître! Je ne prendrais jamais votre place!*» [Charlie Hebdo, 04.02.2009, p. 2]. Саркози называют королем, но королем дураков, создавая саркастичную аллюзию не только на стремление к власти и почитанию бывшего французского президента, но и к обманутой

¹ UMP – Union pour un Mouvement Populaire

публике. Во время правления Н. Саркози в еженедельнике регулярно печатался комикс «*Robokozy*», в названии которого читается намек на фамилию Саркози, а в главном герое угадывается пародия на действующего на тот момент Президента. Так, например, главный герой размышляет о том, как замечательно иметь робота Робокози: «*Je peux être partout en faisant chier nulle part*» [Charlie Hebdo», 11.03.2009, p. 5]. Регулярно публикуются карикатуры на Н. Саркози, сопровождаемые саркастичными подписями, которые усиливают комический образ героя, представленного на картинке. Так, на одной из них высмеивается намерение Саркози «поставить на ноги капитализм». Последний представлен в виде огромного неуклюжего серого животного, а Саркози – дрессировщик с несчастным видом и маленьким хлыстом в руках. Саркози: «*Allez, joue le jeu, me fais pas passer pour le con!*» – снова сравнение с «глупцом». Другая карикатура изображает собрание лидеров «большой двадцатки» и визит Обамы. Делают общую фотографию глав государств. Саркози пытается выглядеть выше (и просто войти в кадр), поучает фотографа, как надо снимать: «*Plus haut, bordel! Je ne suis toujours pas arrivé à l'épaule de ce batard Obama!*» – комический образ создается за счет аллюзии на происхождение политика.

Впрочем, и сама партия *UMP* регулярно становится объектом насмешек. Так, в номере от 10.07.2013 целая страница посвящена карикатурам, описывающим пути «спасения» партии («*Les petits boulots pour sauver l'UMP*»): «*Raffarin relance son groupe rock*»¹; «*Rachida Dati vend sur internet de faux diplômés*»²; Саркози моет стекла автомобилей на дороге, и автомобилист ему говорит: «*T'arrête pas, on va encore se faire racketter par un rom*», Копэ точит ножи, поскольку «*Aiguiser les couteaux, c'est ce qu'on fait de mieux à l'UMP!*»³[Charlie Hebdo», 11.03.2009, p. 5].

Обращает на себя внимание тот факт, что часто в карикатурах и комиксах фамилия бывшего президента не пишется правильно, вместо этого употребляется фамильярное – *Sarko*. Более того, еженедельник создает большое количество неологизмов, вдохновляясь фамилией *Sarkozy* и реализуя тем самым собственный пейоративный ряд. Как правило, это сложные неологизмы – *Sarkoroms*, *Sarkoruine* [Charlie Hebdo», 10.07.13, p. 16], неологизмы, созданные путем прибавления суффикса *Sarkozix* или путем аналогии – *Robokozy* [Charlie Hebdo, 20.09.2010, p. 1].

Лингвистические преобразования фамилии Саркози регулярно наблюдаются и на страницах «*Le Canard Enchaîné*», например, *les*

¹ Жан-Пьер Раффарен – бывший Премьер-министр Франции, в 2013 году возглавлял Национальный Совет партии «Союз за народное движение» (*UMP*).

² Рашида Дати – бывший Министр юстиции Франции

³ Жан-Франсуа Копе – французский политик, с 2012 года – Президент партии «Союз за народное движение».

*Sarkoboy*s. Фамилия Саркози часто представлена в сокращенном виде - *Sarko*. Однако лингвистический анализ показал, что в 15% случаев употребление фамилии Саркози сопровождается эпитетами: *Magic Sarko*, *l'immence Sarkozy*, *un grand naïf Sarkozy* и др. Создание ироничного образа политика реализуется и посредством метафоры, Саркози в «*Le Canard Enchaîné*» называют: *prestidigitateur*, *illusionniste*, *magicien*, *la vedette*, *le super-prestidigitateur* и т.д. Идею запутавшегося в собственной лжи политика призваны выразить многочисленные каламбуры: «*Il a autant fait dans ses numéros, qu'il a fini par s'illusionner lui-meme*». «*Autrement dit, c'est le président Sarkozy qui a comploté contre le candidat Sarkozy*». «*L'UMP victime d'un complot de la droite*». Или пример одного из заголовков карикатуры, напоминающего каламбур: «*Compte de campagne. Après avoir fraudé, Sarko se pose en victime*». В целом же стилистический прием каламбура как путаницы или смыслового противоречия регулярно присутствует в статьях политической тематики «*Charlie Hebdo*» и «*Le Canard Enchaîné*», создавая образ нелогичности политиков, их стремления угодить всем, не высказывая категоричности и доходя до абсурда. Например, рассуждая о роли государственных учреждений и в принципе бюрократии, Саркози утверждает: «*Respecter les institutions, ce n'est pas en accepter toutes les décisions*» и в тоже время добавляет «*Les institutions c'est notre règle commune qui nous permet de vivre ensemble*» [Le Canard Enchaîné, 2013].

Однако неправильно было бы представлять «*Charlie Hebdo*» и «*Le Canard Enchaîné*» как газеты, критикующие только лишь представителей «правых». Издания становятся в оппозицию в отношении любой правящей власти, вне зависимости от ее идеологических установок. Так, сменивший Саркози на посту президента социалист Франсуа Олланд, несмотря на свою определенную идеологическую близость к взглядам «*Charlie Hebdo*» и тем более «*Le Canard Enchaîné*», не избежал саркастических выпадов в свой адрес. Например, в одном из номеров «*Charlie Hebdo*» опубликован ряд карикатур, где справа постулируется то или иное суждение о Франсуа Олланде, а слева – «его» комментарий. Автор высмеивает его бедность, «незнание» иностранных языков, и, главное – отсутствие доверия, как со стороны французов, так и со стороны электората: «*François Hollande est un bon Français. Hollande: C'est normal pour un président. François Hollande ne sait parler que le français. Hollande: Je ne parle ni le boche, ni le rital, ni l'engliche, ni le polak, ni le russkof, ni le bougnoul. Les Français n'ont pas confiance dans François Hollande. Hollande: Et moi, vous croyez que j'ai confiance dans les Français? François Hollande n'a plus confiance dans François Hollande. Hollande: «Il me trahit, ce con!» Les Français n'ont plus confiance dans François Hollande*» [Charlie Hebdo, 07.05.2013, p. 10].

В целом же, идея «НЕзнания» Ф. Олланда красной нитью проходит через еженедельники, что выражается в повторяющейся реплике «*Je savais pas*». Например, на одной из карикатур Ф. Олланд читает новости и узнает, что французский народ несчастен: «*Le peuple est pô content, je savais pas...*» [Charlie Hebdo, 10.04.2013, p. 2].

Идею беспечности и отсутствия ответственности у Ф. Олланда передает описание его рабочего графика. Выбор лексических средств погружает читателя в атмосферу праздности и саркастично подчеркивает, что работа и идеи солидарности «портят праздники»: «*Pour achever de se gâcher les fêtes, le Président et le Premier ministre ont décidé de réveillonner utile en visitant un commissariat, une caserne de pompiers, une association de solidarité...Dur métier! Là aussi, le spectacle a un goût de réchauffé, comme si l'Elysée et Matignon dansaient sur une chorégraphie écrite par les Sarkoboy*s» [Le Canard Enchaîné, 02.01.2013, p. 1].

Жестокий насмешкам, выраженным посредством парадокса, подвергается Ф. Олланд за растушую в стране безработицу: «*Accusé d'être mou et flou, au terme d'un incessant procès en incompétence, il cumule record d'impopularité et record du chômage. La crise, c'est lui!*» [Le Canard Enchaîné, 15.05.2013, p. 1]. Аллюзия на песню Шарля Трене, переданная на страницах комикса, где Олланд изображен напевающим «*Y a d'la joie partout au rôle emploi*», также призвана вызвать в читателе негодование беспечностью президента перед проблемой безработицы [Charlie Hebdo, 07.05.2013, p. 16].

Другим способом девальвировать образ Ф. Олланда является использование неологизмов, выражающих идею падающей популярности президента в глазах французского электората: «*Annus horribilis ou annus hollandebilis: le chef de l'Etat ressord lessivé de sa première année de mandat, attaqué sur sa droite comme sur son extrême gauche, à la fois pour sa politique et son absence de charisme*». [Le Canard Enchaîné, 15.05.2013, p. 1].

На страницах «Le Canard Enchaîné» Ф. Олланд также становится объектом сарказмов. В частности, в статье, посвященной разбору конфликта Олланда с Дельфин Бато¹ «qui s'écartait de «la ligne»», Олланд описан как сильный среди слабых «*De là à imaginer que Hollande n'est fort qu'avec les faibles*». Встречаются в текстах «Le Canard Enchaîné» и ироничные аллюзии на любовь к власти французского президента, при этом используется саркастичное слово «царствование»: «*Sous le regne de Hollande*» [Le Canard Enchaîné, 2014].

¹ Delphine Batho – на момент публикации газеты являлась министром экологии, устойчивого развития, транспорта и жилищного строительства Франции.

Таким образом, вне зависимости от политических взглядов и партийной принадлежности президента, именно занимаемое им положение является главной причиной для критических высказываний издания. Критикуя президента, министров, рядовых чиновников, газеты «Le Canard Enchaîné» и «Charlie Hebdo» создают сатирические образы политиков и претендуют на оппозиционность в отношении любой власти.

В заключение можно отметить, что в ходе изучения лексических средств и стилистических приемов в создании сатирических образов политиков возникнет картина с общими и особенными чертами, присущими обоим еженедельникам.

Основными лексическими средствами создания сатирических образов политиков в «Charlie Hebdo» и «Le Canard Enchaîné» выступает экспрессивно-эмоциональная лексика и неологизмы. При этом «Charlie Hebdo» отличает активное использование бранной лексики, например: «*Trimballer le gros cul de Tapie [Bernard Tapie] sur les flots coûte plus cher que d'«informer» des dizaines de milliers de lecteurs*» [Charlie Hebdo, 03.07.2013].

Другим языковым способом создания сатирических образов политиков в еженедельниках является активное употребление всевозможных стилистических фигур: метафор, метонимий, парадоксов. Практически в каждом проанализированном в ходе исследования номере при упоминании политиков имеют место каламбуры, которые в прагматическом аспекте направлены, прежде всего, на создание эффекта «нелогичности, непоследовательности или лживости» политика. Специфическими для «Charlie Hebdo» являются гиперболы, а для «Le Canard Enchaîné» – перифразы: «*Bernard Tapie a raison de traîner les journalistes dans la merde*» [Charlie Hebdo, 10.07.2013, p. 3]. «*Et ce n'est pas «un retour politique», c'est un retour de prestidigitateur, un grand numéro d'illusionniste!*» [Le Canard Enchaîné, 10.07.2013, p. 1].

В целом же, несмотря на то, что стиль каждой статьи «Le Canard Enchaîné» тщательно прорабатывается, а стиль «Charlie Hebdo» создается отдельными журналистами без общей стилистической вычитки, образы политиков, представленные в двух еженедельниках, во многом совпадают. В плане высмеивания пороков общества, в отношении критики институтов государства и церкви, они, и прежде всего «Charlie Hebdo», безусловно, являются преемником многовекового сатирического дискурса, восходящего к городской литературе (фаблию), басням, великому роману Рабле [Бахтин, 1990]. Однако одного лишь изобличения политической власти, ее десакарализации к концу XX века оказывается для сатиры недостаточно.

Литература

- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Солганик Г.Я. О новых аспектах изучения языка СМИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. 2000. № 3.
- Язык современной публицистики. М., 2005.
- Aristova V. «Notre premier sujet c'est la politique»: Charlie Hebdo and Contemporary French Politics // French Studies Bulletin. 2014. № 35 (133).
- Cavanna F. Bête et méchant. Paris, 1981.
- Charlie Hebdo. 2013-2014.
- Ducrot O. Le Dire et le dit. Paris, 1984.
- Fabrice E. L'arme du rire: la presse satirique en France 1789-1848: thèse de doctorat en histoire. Paris, 2007.
- Fontenelle S. Même pas drôle: Philippe Val, de «Charlie Hebdo» à Sarkozy. Paris, 2010.
- Genette G. Palimpsestes. Paris, 1982.
- Gurillo R. García P. Dime cómo ironizas y te diré quién eres Una aproximación pragmática a la ironía. Frankfurt, 2009.
- Hamon P. L'ironie littéraire. Essai sur les formes de l'écriture oblique. Paris, 1996.
- Hershberg P. Stylistique de la prose. Paris, 2013.
- Hong Z. A relevance-theoretic approach to verbal irony: A case study of ironic utterances in Pride and Prejudice // Journal of Pragmatics. 2011. Vol. 43. Issue 1.
- Kerbat-Orecchioni C. L'ironie comme trope // Poétique. 1980. № 41.
- Kerbat-Orecchioni C. Problème de l'ironie. Linguistique et sémiologie. L'ironie. Lyon, 1976.
- Laurent P. L'ironie mise en trope. Du sens des énoncés hyperboliques et ironique. Paris, 1996.
- Le Canard Enchaîné. 2013-2014.
- Le Gern M. Elements pour une histoire de la notion de l'ironie // Linguistique et sémiologie. 1976. № 2.
- Martin L. Le Canard Enchaîné: histoire d'un journal satirique. Paris, 2005.
- Mazurier S. Bête et méchant hebdomadaire: une histoire de Charlie Hebdo. Paris, 2009.
- Perrin L. L'ironie mise en trope. Paris, 1996.
- Reyes G. La ironía verbal y su enfoque pragmático. Fundamentos teóricos // VII Jornadas de Estudios de Lingüística. Universidad de Alicante, 2005.

РИТОРИКА – ЭТО НАУКА БУДУЩЕГО¹

О.В. Никитин

Ключевые слова: риторика, словесная культура, аргументация, риторическая ситуация, правила ораторской речи, аудитория.

Keywords: rhetoric, verbal culture, argumentation, rhetorical situation, rules of public speaking, audience.

¹ К 70-летию профессора А.А. Волкова.

В последнее время мы часто из уст разных людей слышим слово *риторика*, в которое вкладывается совсем разный смысл: от «бытового» значения ‘красивое говорение, выступление’ до собственно научного, в котором содержание данного понятия включает такие категории, как *способы убеждения, теория речи*. Многие забывают, что у риторики есть вполне четкие и организованные по филологическим принципам правила, есть своя глубокая традиция, в том числе и отечественная. Имена Н.Ф. Кошанского, А.Ф. Мерзлякова и других зачинателей «гражданской» риторики сейчас начинают только возвращаться.

Но все же, несмотря на годы гонений на эту науку и фактически ее отталкивания на периферию филологии, в конце XX века произошел определенный переворот в сознании как самих педагогов, так и ученых-словесников, по-новому оценивших возможности и современный потенциал этой древней науки. Именно она сейчас учит тому, как следует изображать и располагать свои мысли, как можно воспитывать человека через словесное искусство. По сути дела, и в этом отношении можно согласиться с одним из известных исследователей риторики В.И. Аннушкиным, риторика сегодня – это теория речи развитого информационного общества [Аннушкин, 2008]. И в этом смысле риторика – часть общей науки о Слове.

В современном освещении данной проблематики важны идеи и опыт мастеров словесного искусства, которые формируют грамотное представление об этой науке, дают оценки прошлым достижениям, показывают пути развития риторической мысли в наше время, изучают актуальные для практического освоения предмета вопросы духовного красноречия и публичной речи и в итоге создают во многом новую теорию этой исключительной науки.

В числе таких ученых одно из первых мест принадлежит профессору МГУ им. М.В. Ломоносова А.А. Волкову, посвятившему исследованию риторики немало трудов, теперь уже составляющих, как бы мы сказали, библиотеку для каждого образованного филолога. Но особое значение в его научном поиске занимают две книги: «Теория речевой аргументации» [Волков, 2009a] и «Курс русской риторики: пособие для духовных учебных заведений» [Волков, 2009б].

В нашей работе мы сделали небольшой обзор или анализ указанных трудов А.А. Волкова, постарались включить его идеи в контекст размышлений современных ученых, а в качестве лейтмотива взяли такой девиз: «Риторика – это наука будущего». Почему? Потому что эти книги возрождают профессиональный интерес к ритори-

рике как предмету, пронизывающему, без сомнения, все сферы человеческой деятельности, в центре которой стоит проблема организации речевых отношений в обществе. Едва ли можно найти более актуальную проблему в практической плоскости филологии.

Первая книга посвящает нас в существо риторической литературы, целью которой является убеждение слушателя или читателя в приемлемости выдвигаемых автором идей, значит, она содержит и риторическую *аргументацию*, построение которой есть своего рода словесное искусство со своей наукой и методологией.

Прежде всего А.А. Волков дает исторический обзор риторических идей, начиная с Аристотеля и завершая первую главу риторикой XX века. Это необходимо для того, чтобы показать, как складывалась данная наука, и выявить главные свойства риторической аргументации. Так, например, анализируя идеи Аристотеля, А.А. Волков выводит такое заключение: «По мысли Аристотеля, речевая аргументация может быть двух типов – *техническая*, основанная на умозаключениях, и *нетехническая*, основанная на фактах» [Волков, 2009a, с. 29]. В эпоху античности эта наука была неотделима от философии, в рамках которой значительное время обсуждались и решались все словесные искусства. Именно то время дало толчок к формированию базы интуитивных знаний, впоследствии упорядоченных и выстроенных системно. Риторика античности — полемическая наука, и такой «настрой» сближает ее пафос с противоречиями сегодняшнего дня: «Возможно ли рациональными методами установить и доказать истину там, где она связана с несоместимыми целями и интересами людей (например, в религии, праве, истории)?» [Волков, 2009a, с. 42].

Риторика Средних веков несет иной акцент: она ориентирована в основном на проповедь – гомилетику, то есть связана с богослужением. «Гомилетика, – пишет А.А. Волков, – представляет собой принципиально новое явление в истории культуры. Гомилетика отличается от оратории строением речи и образом ратора» [Волков, 2009a]. Для этого периода характерны такие жанры риторической словесности: письменные сочинения, послания, ораторские речи.

Византийская риторика привнесла в эту науку светский элемент, а сама риторика изучалась в триумвирате вместе с грамматикой и логикой. В этот период обсуждаются вопросы стилистики, этики и выразительности речи (в сочинениях Михаила Пселла). А.А. Волков подмечает такие особенности в трудах этого автора: «Для построения речи необходим отбор слов, но в речи соединяются слова разного эстетического достоинства, различной формы и

различного происхождения – высокие, низкие, обычные, красивые, некрасивые» [Волков, 2009а, с. 48].

А.А. Волков кратко касается и отечественной традиции XVIII–XIX веков: обсуждает труды М.В. Ломоносова, руководства Н.Ф. Кошанского. Автор говорит и об отрицательных тенденциях: «Во второй половине XIX века риторика была исключена из системы образования, а ее место заняло обязательное изучение художественных сочинений и мнений литературных критиков по различным вопросам общественной жизни» [Волков, 2009а, с. 68].

Новый этап развития риторики – XX век – связан с эволюцией функциональных стилей и изменением всей системы речевых и литературных жанров и, конечно же, с сильным влиянием идеологии. В этой части А.А. Волков говорит об идеях В.В. Виноградова и Ю.В. Рождественского. Завершается глава определением ключевых категорий и понятий риторики: *аудитория*, *диалог*, *монолог*, *дискурс*, *убеждение*, *аргументация*, *научная и риторическая проза* и др.

Вторая глава книги показывает коммуникативные возможности риторики и оценивает проблемную ситуацию. Автор разграничивает понятия *содержание проблемы* и *модальность проблемы*, говорит о *статусе* проблемы – анализируются философская, юридическая, социальная и филологическая составляющие риторического процесса. Его неотъемлемым участником является *аудитория*, с которой связан принцип построения словесного общения: *ритор – высказывание – аудитория* [Волков, 2009а, с. 162]. По мнению А.А. Волкова, «...соотношение ритора и аудитории остается одной из самых трудных этических и интеллектуальных антиномий риторики: аудитория выносит решение о высказывании и задает ритору правила содержания, уместности, построения его высказываний и даже определяет право ритора на публичную речь, а ритор не только управляет решениями аудитории, но и создает ее, организуя и формируя ее своим словом» [Волков, 2009а, с. 163].

Важными для современного понимания принципов речевой аргументации представляются оценка культурного состояния аудитории (так у А.А. Волкова), ее численности, уровня разнородности и конвенциональности. К последнему типу автор относит «аудитории, объединенные техническими правилами речи, которые рассматриваются как общепринятые» [Волков, 2009а, с. 171]. Таковой, по А.А. Волкову, является судебная коллегия.

Наконец, риторическая ситуация не может состояться без ритора. А.А. Волков показывает образ ритора и черты, формирующие

его стиль. Ясно, что освещение такого тонкого вопроса невозможно без комбинаций трех категорий, содержащих правила использования публичных выступлений: «**этнос** — совокупность норм, на основе которых аудитория оценивает ратора по речи...»; «**пафос** проявляется в авторском замысле и индивидуальном стиле речи...»; «**логос** — система целесообразных средств выражения замысла речи и его обоснования в форме, приемлемой и убедительной для аудитории» [Волков, 2009а, с. 174].

Интересным и полезным считаем освещение «ораторских нравов» с этико-философской и филологической сторон. По А.А. Волкову, это – *честность, скромность, доброжелательность, предусмотрительность*. Ученый характеризует и понятие *стиль* «как проявление риторического этоса» [Волков, 2009а, с. 198–211], а также говорит о том, каков должен быть «риторический идеал» [Волков, 2009а, с. 211–216]. Показательны выделенные автором общие черты, свойственные наиболее влиятельным риторам с XII по XX век (всего 12). Из них отметим такие:

«...2. Осознанная цельность личности: русский ритор последовательно придерживается того, во что он верит, и от веры своей не отступает даже в том, что можно бы счесть и несущественным. <...>

4. Бескорыстие и праведность личной жизни. <...>

5. Соответствие задач и содержания речи общественному положению ратора: всякое самозванство оценивается крайне негативно как проявление корысти, невежества и лицемерия. <...>

7. Понимание уместности речи... <...>

8. ... готовность к личной ответственности за слово как поступок. <...>

11. Народность речи, ее простота и доступность.

12. Полемичность речи, смысл и назначение которой понимается как необходимая борьба за правду. Поэтому полемика – исполнение нравственного долга, а не самоутверждение» [Волков, 2009а, с. 216–217].

Третья глава исследует «риторический аргумент», его строение и свойства. Особое внимание автор уделяет топике: он рассматривает *топ* как «посылку аргумента», говорит об иерархии топов и их типах – выделяет *описательные (обстоятельные)* топы, топы *определения* и *сравнительные* топы. Здесь же он знакомит читателя с ключевыми понятиями и прежде всего поясняет суть термина *аргумент*: «Аргументом... мы будем называть фрагмент высказывания, содержащий обоснование мысли, приемлемость которой представляется сомнительной.

Обосновать – значит свести сомнительную или спорную для аудитории мысль к приемлемой» [Волков, 2009a, с. 227].

Из других понятий в этой части раскрываются следующие: *положение аргумента; обоснование; общее место, или топ; словесный ряд* и др. Данная глава интересна тем, что А.А. Волков оперирует не столько общефилологическими понятиями, сколько общекультурными, приближая тем самым предмет изучения (риторику) к мировым гуманистическим ценностям – религии, науке, искусству, нравственности, праву, государству, личности и т.д. Эта часть книги, на наш взгляд, наиболее «математична» в том смысле, что автор дает и конкретные схемы аргументов (см. с. 266 и далее), что исключительно ценно для практического освоения того, как и с какой целью создаются реальные аргументы речи. Вместе с тем эта часть, по нашему мнению, и наиболее философична, так как оценивает ключевое понятие в «риторическом дискурсе», где происходит «постоянное обращение слов и значений»: «Слова объединяются в группы различного рода по общности тех или иных компонентов значения, которые представляются существенными для поставленных целей, или, наоборот, обособляются, или противопоставляются там, где стоит задача – противопоставить соответствующие предметы мысли» [Волков, 2009a, с. 298].

Четвертая глава книги «Классы риторических аргументов» выясняет отношение аргумента к реальности, авторитету и аудитории. «Аргументы к личному авторитету, – по мнению А.А. Волкова, – самый распространенный вид риторических аргументов. Они встречаются практически в любом риторическом произведении, в особенности в судебной ораторике и в журналистике» [Волков, 2009a, с. 336]. Мы бы добавили, что количество подобных примеров велико в деловой письменности, особенно в той традиционной «приказной» культуре, которая существовала на местах почти до конца XVIII столетия (см. подробнее: [Никитин, 1999; 2004]). Яркие примеры этому можно почерпнуть из региональных источников, во многом сохранивших колорит средневекового риторического аргумента и использовавших эту схему почти безукоризненно. Вот, например, в изданном нами сборнике «Сийских грамот XVIII века» есть такой замечательный фрагмент, начинающийся словами: «*Высокопреподобнѣишій Гднь оцъ архимандрит Парфеній Милосердый нашъ Гдрь вашему высокопреподобию объявляемъ что по прикасанію вашему...*» [Никитин, 2001, с. 118].

Между прочим, стоит заметить, что слово в риторике – не только «аргумент», но и определенный заданный образ, который

может реализоваться по-разному. Все чаще у нас говорят сейчас о слове как отражении духовной и материальной культуры народа (см., например: [Лингвистическое отечествование, 2001]) и т.д. В риторике – своя *система образов*.

Как раз заключительная глава книги и посвящена системе образов. Автор рассматривает такие составляющие словесного ряда, как образы ратора, аудитории, оппонента, предмета речи, а также говорит об образном пространстве и об оппозиции образов. Все это вопросы, решаемые в рамках «универсальности аргументации», но каждому словесному ряду соответствует определенный «образ». Так, заслуживает внимания следующее наблюдение А.А. Волкова: «Образ аудитории не является изображением данной, реальной совокупности людей, к которым обращается оратор или писатель, а предстает как некое идеальное *мы* или *я* в зависимости от вида речи, которое в силу своих нравственных и интеллектуальных качеств готово принять то правильное решение, которое ритор предлагает как достойное этого *я* или *мы*. Стилистическая же задача ратора и состоит в том, чтобы реальный слушатель или читатель согласились отождествить себя с этим идеальным образом» [Волков, 2009а, с. 355].

Вторая книга А.А. Волкова «Курс русской риторики» создана на основе лекций, читаемых автором на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова и в Московской духовной семинарии (академии), и рекомендуется для студентов как светских, так и духовных учебных заведений. Поэтому книга имеет несколько больший, по сравнению с предыдущим трудом, методический акцент. «Главная педагогическая цель риторики, – пишет А.А. Волков, – речевая компетентность: выработка индивидуального стиля на основе умения строить завершенные устные и письменные высказывания на определенную тему в определенной форме, что и составляет основу искусства целесобразного слова» [Волков, 2009б, с. 9]. Эта книга прежде всего *учит* тому, как строить письменную и устную речь. И автор дает четкий ответ на данный вопрос: надо «(1) знать теорию риторики; (2) изучать классические произведения риторической прозы; (3) упражняться в построении различного рода устных и письменных высказываний, усвоить навыки самостоятельной творческой работы со словом; (4) говорить и писать публично» [Волков, 2009б, с. 10].

Главы этой книги, частично пересекающиеся с первым трудом (см., например, рассказ о риторическом аргументе и топике), но дополняющие его иным отношением к «риторической прозе» и наце-

ленностью на обучающуюся публику, последовательно и системно излагают основные понятия и содержание этой науки, предмет которой А.А. Волков выразил предельно лаконично: это язык и словесность. Важнейшие свойства человеческого языка: *номинативность, предикативность, членораздельность, рекурсивность, диалогичность* — соотносятся со словом, существующем «не само по себе, но в системе имен, которые в совокупности образуют картину мира и предполагают определенный образ действия в нем» [Волков, 2009б, с. 15]. Показательно, например, такое качество языка, как *рекурсивность* — «свойство языка образовывать бесконечное число высказываний из ограниченного набора строевых элементов» [Волков, 2009б, с. 17].

В трактовке строения *словесности* А.А. Волков полагается на взгляды проф. Ю.В. Рождественского [Рождественский, 1996; 2004 и др.] и выделяет устную, письменную, печатную словесность и массовую коммуникацию. Последняя все более стала напоминать технологические тексты, создающиеся для принудительного сообщения и часто подавления аудитории. Можно согласиться с А.А. Волковым, что «массовая информация находится за пределами культуры» [Волков, 2009б, с. 59], но тем не менее осознанно формирует принципы новой риторики. Близко к ней стоят и так называемые социальные диалекты, выделившиеся в особую подсистему и имеющие глубокие культурно-исторические корни (см., например: [Никитин, 1998, с. 24–37]).

В данной книге автор подробно излагает строение этой науки, покоящейся на трех китах: изобретении, расположении и элокуции. Последний термин реже применяется в современных пособиях и требует пояснения: «Элокуцией называется раздел риторики, в котором рассматриваются средства и приемы словесного выражения замысла» [Волков, 2009б, с. 245]. Автор освещает такие понятия, как *слог, стиль, тропы, построение высказывания* и др. Важным свойством нормированной речи ученый считает чистоту слога — «однородность речи в отношении к общим и частным нормам литературного языка» [Волков, 2009б, с. 251]. Нельзя не согласиться с таким высказыванием ученого: «Речь ценят не за умные слова, а за мысли. Чтобы сохранить чистоту речи, следует избегать нагромождения ненужных иностранных слов и варваризмов, калькирования иноязычных слов, словосочетаний и оборотов речи» [Волков, 2009б].

Интересны наблюдения А.А. Волкова над тем, как должна осуществляться работа над стилем: от отбора и использования слов,

«которые составляют основу содержания текста» до «членения и организации текста в целом, согласования приемов выражения, устранения длиннот и повторов и восполнения смысловых пробелов [Волков, 2009б, с. 260].

В этой же части говорится и о фигурах речи, оформляющих риторический текст – это фигуры выделения и диалогизма: добавления и повторы, плеоназм, синонимия, градация, экзергазия («фигура, которая состоит в добавлении к словосочетанию или обороту синонимических выражений» [Волков, 2009б, с. 275]), реприза, анафора, эпифора и др.

Наконец, большую практическую ценность имеют материалы, излагаемые в последней главе, где говорится об «исполнении речи». А.А. Волков дает «Правила произнесения ораторской речи» (всего 40!) и «Общие правила ведения диалога, которые состоят из «Правил говорящего и слушающего» (пять), «Условий продолжения диалога» (шесть) и «Правил защиты говорящего от слушающего и слушающего от говорящего» (девять). Во многом интересно описание *пафоса*, *этоса* и *логоса* полемического диалога – своего рода руководство к практической риторике спора.

Замечательно, что учебное пособие содержит хрестоматию текстов, куда включены слово «О любви к Отечеству и народной гордости» Н.М. Карамзина, высочайший манифест императора Александра I «О изгнании неприятеля из России», «Слово в день свершившегося столетия Московского университета» святителя Филарета, сочинения и речи Н.В. Гоголя, архиепископа Харьковского Амвросия (Ключарева), К.П. Победоносцева, Вл.С. Соловьева, П.А. Столыпина, С.А. Андреевского, протоиерея В. Свенцицкого, И.Р. Шафаревича, митрополита Иоанна (Снычева), расширяющие представление о типах и жанрах «риторической прозы» – от духовной и юридической до художественной и математической.

К достоинствам автора мы, несомненно, относим четкое расположение и объяснение очень непростого материала (особенно когда А.А. Волков говорит о теории проблемы), обилие интересных и разных примеров (от классических образцов риторики античности до богословских проповедей и бытовых эпизодов, показывающих богатство риторических приемов и пути совершенствования словесности). В книгу вводятся и осмысляются многочисленные специфические термины, балансирующие на грани гуманитарных наук прошлого и настоящего.

Важно и то, что ученый для иллюстрации своих взглядов и подтверждения аргументов использует не совсем типичные контексты и вообще прибегает к обильному цитированию риторических текстов и их авторов – от христианских святых и проповедников до мыслителей русского зарубежья. В частности, заслуженно говорится об И.А. Ильине, представлены имена и идеи Ф.М. Достоевского, П.А. Столыпина, Н.С. Трубецкого, А.Ф. Лосева и многих других деятелей, которые в таком контексте и с такими акцентами нами воспринимаются впервые. Обращением к ним А.А. Волков и читателей невольно посвящает в свою «риторическую философию», расширяет границы самой науки, обостряет филологический вкус к чтению и осмыслению риторической прозы в том числе и в русле современных лингвистических методов анализа семантики высказывания и построения текстов разных жанров и типов.

С точки зрения лингвиста-историка, черпающего свои идеи из трудов далекого прошлого, нам кажется, что стоило бы уделить больше внимания проблемам русской риторики XVIII столетия: как она складывалась в трудах отечественных философов и филологов, какие самостоятельные идеи они выдвигали, как они соотносились с мировой традицией и т. д. А.А. Волков отчасти говорит об этом. Но все же XVIII век таит в себе еще немало открытий (см., например: [Никитин, 2009]). Взять хотя бы известного драматурга А.П. Сумарокова, чья забытая ныне работа «О российском духовном красноречии» представляется нам весьма ценной в аспекте обсуждения данной проблематики.

А.А. Волков прав, когда говорит о том, что «риторика – это филологическая наука с необычной исторической судьбой» [Волков, 2009а, с. 7], и убеждает нас снова познавать ее не только как источник мысли и «культурной нормы» в языке и слове, но и как особый социальный инструмент, влияющий на общественное сознание, нередко манипулирующий им, способный создавать и утверждать социоязыковые стереотипы, без знания которых невозможно ощущать себя в современном мире и, быть может, противостоять ему. Примечательно в этом смысле высказывание Аристотеля, как будто обращенное к нашему времени: «Риторика полезна, потому что истина и справедливость по своей природе сильнее своих противоположностей, а если решения поставляются не должным образом, то истина и справедливость побеждаются своими противоположностями, что достойно порицания» (цит. по: [Волков, 2009а, с. 21]).

Изучение риторики помогает нам решить (а точнее, немного приблизиться к решению) и еще одну очень важную проблему истинности в филологических исследованиях (см., например: [Хроленко 2013, с. 36–37]). Понимание есть единственный путь к постижению слова и текста. Значит, диалогизм – еще одна черта филологического познания, которая позволяет в системе *я – другой* найти подступы к истине через оппозиции, через образ *другого* слова, *другой* речи. Ср. в этом отношении показательное высказывание М.М. Бахтина: «Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогичным» [Бахтин, 1986, с. 383]. И риторика в этом отношении – одна из самых «природных» наук, остро чувствующая диалогичность мысли, умеющая структурировать мысль, задать ей правильное русло.

Наш анализ работ А.А. Волкова в контексте размышлений над становлением современной традиции риторического знания показывает, насколько актуальной и пока еще недостаточно осознанной в образовательном процессе является эта древняя наука – риторика, учащая нас и видеть художественный текст, и противостоять шаблонам «массовой коммуникации», и понимать «культурное состояние» аудитории, и логически, аргументированно мыслить. Значит, риторика – наука будущего!

Литература

- Аннушкин В.И. Искусство мыслить и говорить. Риторика и культура речи. Спор-площадка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravmir.ru/stat-content/sc_printer_3356.html
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1980.
- Волков А.А. Теория речевой аргументации. М., 2009а.
- Волков А.А. Курс русской риторики: Пособие для духовных учебных заведений. М., 2009б.
- Лингвистическое отечествоведение. Елец, 2001. Т. 1.
- Никитин О.В. Социальные диалекты как особый тип языка (об исследованиях арготических систем проф. В.Д. Бондалетова) // Четвертые Поливановские чтения. Смоленск, 1998. Ч. II.
- Никитин О.В. Проблемы изучения русской деловой письменности в научных воззрениях В.В. Виноградова // Вопросы языкознания. 1999. № 2.
- Никитин О.В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). М., Смоленск, 2001.
- Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): автореф. Дис. д-ра филол. наук. М., 2004.

Никитин О.В. Василий Евдокимович Адодуров и его роль в истории русской лингвистической традиции XVIII века. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/41666.php>

Рождественский Ю.В. Общая филология. М., 1996.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 2004.

Хроленко А.Т. Основы современной филологии. М., 2013.

ВЛИЯНИЕ БИЛИНГВАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Т.В. Ковалева

Ключевые слова: русско-греческий билингвизм, кросс-культурная коммуникация, русско-скандинавский билингвизм, византинизация Руси, материальные артефакты.

Keywords: Russian-Greek bilingualism, cross-culture communication, Russian-Scandinavian bilingualism, Byzantines Rus', cultural artifacts.

Для всех языков и культур на раннем их развитии присущ одинаковый способ усвоения второго языка, который называется стихийно-коммуникативным. Обычно такой способ возможен и применим на периферийных границах проживания двух или нескольких народов, которые образуют определенные культурно-языковые семантические поля, где ядро сохраняет родной язык и культуру, и при этом на стыках культур и языков возникают предпосылки для появления билингвизма (по Лотману «Семиосфера»). Такой вид билингвизма получил название стихийно-коммуникативный. Он всегда нестабилен, поскольку изменение общественного строя, от родоплеменного к государственному, обычно приводит к разрушению исторических границ между племенами, а это в свою очередь ослабляет билингвальные отношения.

Такой тип двуязычия в русской средневековой культуре возникал в пограничных зонах проживания разных племен и народностей, а также в городах, где проходили оживленные торговые пути. Потребность в переводчиках (толмачах) и стремление вести торговлю напрямую без посредников подталкивало население учить языки торговых гостей. Конечно, торговля была важным фактором появления билингвизма, но социально-культурные связи были не менее важны для дан-

ного процесса: смешанные браки, интеграция культов и обрядов и т.д. «Язык восточных славян еще в доисторическую пору представлял собою сложную и пеструю группу племенных наречий, уже испытавших разнообразные смещения и скрещения с языками разных народностей и заключавших в себе богатое наследие многовековой племенной жизни. Сношения и соприкосновения с балтийскими народностями, с германцами, с финскими племенами, с кельтами, с турецко-тюркскими племенами (гуннскими ордами, аварами, болгарами, хазарами) не могли не оставить глубоких следов в языке восточного славянства, подобно тому как славянские элементы обнаруживаются в языках литовском, немецком, финских и тюркских» [Виноградов, 1978, с. 10]. «Межнациональное общение на личностном уровне» определяло знание второго языка, которое «приобреталось естественным путем, можно сказать, стихийным путем» [Русские (этносоциологические очерки), 1992, с. 303].

Традиционно, Средневековье на Руси исторически принято делить на три этапа. Первый – «стихийно-коммуникативный билингвизм» по своему характеру можно было бы отнести к периоду появления протогородов. Он длился примерно с VIII и до середины X века. Период образования политико-торговых центров на территории Юга и Северо-запада Руси характеризуются наличием полиэтнического состава населения. Этот вывод позволяют сделать археологические раскопки Рюрикова Городища под Великим Новгородом, Старой Ладоги, Тимерева под Ярославлем, Гнездова под Смоленском и др.

Благодаря археологическим находкам, материальным артефактам, можно говорить о полиэтническом характере населения, проживавшего в Новгороде и Ладоге, и влиянии скандинавов на русскую культуру и язык в том числе. «Наряду со славянами в составе местного населения выделялись, надо думать, финны и скандинавы» [Кирпичников, 1988, с. 44]. Ладога и Новгород были оживленными перекрестками торговых путей, где останавливались и постоянно проживали норманны (шведы, датчане). Известный скандинавед и сотрудник Эрмитажа О.И. Давидан еще в 1971 году делает подобные выводы: «1. Ладога в начальный период своего существования, то есть не позднее, чем с VIII века, была включена в сферу международной балтийской торговли, где в VIII веке главенствующую роль играли фризы, а затем скандинавы... 2. Контакты древней Ладоги со скандинавами не ограничивались только торговлей: среди населения Ладоги какую-то часть составляли, по видимому, скандинавы (и, может быть, фризы). Поэтому, кажется, более возможным допустить, что в Ладогу вместе с норманнами-торговцами прибывали скандинавские или фризские ремесленники.

3. Признавая определенную роль норманнов в установлении торговых и культурных связей древней Ладоги с Западной Европой, раннее их появление не только как торговцев, но и как постоянных жителей, мы не имеем оснований для заключения о том, что Ладога была основана скандинавами и должна рассматриваться как скандинавская колония. Наши исследования показали лишь, что Ладога не была отделена непреодолимой стеной от соседних народов и ее культура складывалась в общении и во взаимном обогащении, в частности с Западом, и в этом процессе определенную роль играли норманны» [Давидан, 1971, с. 15].

Материальные артефакты, найденные в Старой Ладоге, подтверждают выводы Давидан. «Появление скандинавского поселения в низовьях Волхова (датируется) не позднее первой половины 750-х годов, <...> нет сомнения, что первыми обитателями Ладоги были люди, среди которых доминирующее положение занимала группа норманнов. Представляется, что она была немногочисленна и достаточно монолитна. Носители иных культурных традиций если и были в ее составе, то занимали далеко не ведущее место.

Появление в Ладоге около 840 года новой группы норманнов подтверждается находками деревянной палочки с рунической надписью, подвески “молот Тора”, игральные шашки, особой концентрацией в ярусе деревянных игрушечных мечей, копирующих форму боевых каролингских клинков. Осмелюсь предположить, что на рубеже 830-840-х годов Ладога была захвачена группой норманнов. Вряд ли стоит сомневаться, что они заняли в ней доминирующее положение. Несмотря на частичное уничтожение или изгнание, носители культурных традиций лесной зоны Восточной Европы остались существенным компонентом среди обитателей поселка и его округа.

Среди находок этого периода (920–990-е годы) присутствуют как вещи североευропейского круга древностей эпохи викингов, так и предметы круга древностей лесной зоны Восточной Европы. Можно уверенно констатировать, что в это время в Ладоге проживают разные этнокультурные коллективы, среди которых отчетливо выделяются скандинавы. В установлении факта билингвальных отношений в столь древнем отрезке времени помогает и анализ надписей (граффити) специалистами в области эпиграфики. А.Н. Кирпичников, известный исследователь древнего Новгорода и Ладоги, определяет появление русских городов-государств на территории Северо-запада VIII века. «Эпиграфические памятники руническо-кириллического характера относятся <...> ко времени со второй половины IX века и X века» [Рождественская, 1992, с. 31]. Т.В. Рождественская, исследователь эпиграфи-

ки, указывает на взаимосвязь рунических текстов и сакральности предметов, на которых они изображены. «Открытие граффити <...> позволяет проследить различные уровни применения рунической письменности в варяжской среде: на Руси руны применялись в сакральной, бытовой и, видимо, даже хозяйственно-административной сфере. Отдельные рунические или «рунообразные» знаки могли быть нанесены и местным славянизированным и даже славянским населением» [Рождественская, 1992, с. 31]. Появление рунического письма на территории Северо-запада можно связать с историческими событиями: проходящий через Новгород и Ладогу торговый путь «Из варяг в греки», призвание варяг на княжение, а также постоянные торговые и культурные связи пришлого славянского населения с финно-угорскими племенами и со всем скандинавским миром, о чем свидетельствуют Лаврентьевская и Иоакимовская летописи. Нет сомнения в мощном влиянии скандинавской культуры на славянскую, однако отождествлять скандинавов со славянами было бы большой ошибкой. Недаром уже в XII–XIII веках Болгарско-византийская культура, входящая в общеславянский мир, через православие, книжную культуру занимает лидирующее положение в жизни восточных славян благодаря общим славянским корням.

Следуя выводам эпиграфистов и славистов, можно утверждать, что на Северо-западе создаются благоприятные условия для появления русско-скандинавского билингвизма. Смешанный характер эпиграфических памятников характеризует вышеуказанный билингвизм. А.А. Медынцева пишет, что «многие летописные данные, свидетельства восточных авторов, соображения общего характера позволили многим ученым предположить, что письменность на Руси появилась задолго до официального принятия христианства» [Медынцева, 1983, с. 86]. Особенно она выделяет большое количество найденных на территории Северной Руси стальных писал. Они не годились для берестяных грамот, а предназначались для писания на восковых табличках. Исходя из этого, исследователи сделали вывод, что эти писала старше берестяных грамот на 100 лет. «Анализ находок древнейших орудий письма, к сожалению, не дает ответа на такой важный вопрос: какая письменная система применялась в это время, и лишь в самых общих чертах определяет этническую принадлежность ее первых носителей. Ответ на эти вопросы могут дать только прямые источники – письменные, в данном случае эпиграфические» [Медынцева, 1983, с. 91]. В расшифровке текстов рунологи склоняются к идее сакральности надписей и приходят к выводу, что скандинавы входили в состав полиэтнического населения славянских городов Севера-запада Руси. Исто-

рик-скандинавист Е.А. Гуревич пишет, что памятников рунического письма также сохранилось крайне мало. Возможно, это связано с переходным периодом, который произошел в VIII-X веках. Младшие руны постепенно заменили Старшие. «Родиной этого нового алфавита, к X веку распространившегося по всей Скандинавии, принято считать Данию: именно здесь найдены самые ранние памятники, выполненные младшими рунами, благодаря чему это письмо получило название «датские» руны» [Гуревич, 2003]. Если датские руны использовались для «мемориального письма», то «территориальный вариант» младших рун – «шведско-норвежские» руны имели больше бытовое назначение и писались на деревянных табличках. Однако Медынцева пишет, что среди археологических находок данного периода нет деревянных табличек. По ее мнению, стальные писала, выполненные в зооморфном стиле, принадлежали аристократической верхушке и служили для ее деловых нужд. Поскольку в протогородах население жило за счет торговли, то их благосостояние целиком зависело от торговли с варягами и другими купцами, поэтому трудно точно сказать об этническом происхождении данного инструмента для письма. Найденные предметы с руническими надписями на территории Ладogi, археологи склонны связывать с проживающим на ее территории скандинавским населением. Это вполне логично, поскольку очевидно, что использование рунического письма было необходимостью для славянского населения, чтобы вести торговые дела. И при этом скандинавский язык мог занимать в этот период сильную позицию по отношению к русскому языку, поскольку варяжский конунг Рюрик имел норманнское происхождение. Лояльное отношение к языку коренного населения со стороны норманнской знати вполне могло привести к появлению билингвальных отношений и в устной и в письменной речи.

Для установления факта билингвальных отношений необходимы находки древнеславянских текстов. Надпись «*гороуџа, гороуџна, гороуџ џа гороун'а, гороуџа (горџа)*» (горчичное семя / масло или горючее) на корчаге в Гнездово датируется началом X века и считается одной из самых древних. Как считают многие лингвисты эта надпись – пример не устоявшегося до конца кириллического письма. Использование греческого письма наряду с глаголицей и кириллицей большинство исследователей связывают с началом распространения христианства на Руси. Малочисленные материальные артефакты средневековой скандинавской и русской письменности не создают целостную языковую картину мира. Однако, отталкиваясь от аналогичных моделей билингвальных отношений, можно построить модель русско-скандинавского билингвизма, поскольку важные материальные арте-

факты указывают на то, что не устоявшаяся письменная система русского языка требовала альтернативы использования разных буквенных знаков. «Одни знаки соотносятся с буквами кириллического алфавита, другие со скандинавскими рунами, третьи сопоставимы как с руническими, так и с кириллическими знаками и их отождествление зависит, видимо, от контекста» [Рождественская, 1992, с. 29]. Княжение Рюрика и его приближенных давало статус «сильного языка» скандинавскому языку и популяризировало использование рун для ведения торговых и юридических дел. При этом лояльное отношение к кириллическому письму позволяло соблюдать баланс использования двух языковых систем в равной степени и с вариантами интеграции одного в другой. Определенно, что русско-скандинавский билингвизм мог существовать лишь в аристократической среде и среди образованных купцов, которые понимали равную необходимость в руническом и в греко-кириллическом письме. В религиозной сфере, по мнению Рождественской, «рунообразные» знаки могли использоваться славянским населением.

Второй этап «раннегородской» и третий «развитие городов» уже связаны с формированием государственности, а именно с периодом так называемой византизации Руси (начало X века).

Интеграция византийской культуры и греческого языка проходила относительно мирным путем. Это давало большие возможности для появления новых направлений развития славянской культуры и языка. Православие, пришедшее из Византии вместе с миссионерами (IX век), привнесло с собой новый язык для отправления религиозных обрядов и христианскую культуру, которая полностью отличалась от русской своими традициями, которые формировались под влиянием античного мира. К этому периоду Русь имела свой разговорный восточнославянский язык, который все еще объединял в себе украинский и белорусские языки. В Киеве, столице Русского государства, «вырабатывался «общий» язык восточнославянской империи, своеобразное «койнэ», в котором стирались и умерялись резкие диалектальные особенности разных восточнославянских племен. «В основе языка Киева лежала речь южнорусских славян, но этот городской язык, выполнявший сложные культурно-политические и образовательные функции, подверженный международным влияниям и отражавший разнообразие культурной жизни высших классов, был отличен от речи сельских жителей... не только по словарю и синтаксису, но и по звуковым особенностям. В нем было много иноязычных элементов, культурных, общественно-политических, профессиональных и торговых терминов. Он

включал в себя слова разных славянских диалектов» [Виноградов, 1978, с. 57].

Период X-XI веков был расцветом славянской переводной литературы, которая создавалась на общеславянском языке и под сильным влиянием греческого языка, поскольку «греческая культура являлась ведущей, и греческий язык употреблялся в качестве государственного и письменного» [Верещагин, 1972, с. 61-62]. Билингвальными центрами славянского средневекового мира были город Салунь и Болгарское царство. По мнению Е.М. Верещагина, в Моравии билингвизм существовал, но в него не входил греческий язык из-за сильного влияния латыни и немецкого языка. В Болгарии «в качестве государственного языка использовался язык греческий». Вполне можно согласиться с социо-культурологической классификацией моноязычной и двуязычной культур австрийского исследователя В. фон Зодена [W. von Soden, 1960], который считал, что одноязычная культура – социальная группировка, в которой духовное проявление выражается на едином языке, а двуязычная культура – не может отказаться от второго языка культуры вообще или в течение длительного времени. К двуязычным культурам он относил средневековую персидскую, японскую и католическую цивилизации. Верещагин, следуя логике размышления фон Зодена, отнес языковую культуру Солуни и Болгарии к двуязычной. В свою очередь Д.С. Лихачев выделил важную особенность византийско-болгарской культуры в понимании ее гармоничной адаптации в разных сферах жизни русского средневекового общества – это наличие в ней славянского элемента. Византия всегда была многонациональной страной, поэтому политика страны была ориентирована на мультикультурность и многоязычие. Видимо, по этой причине византийские священнослужители не противодействовали переводам священных писаний на славянский язык и ведению богослужения на двух языках. А с другой стороны общеславянский язык помог Руси в полной мере принять культурный и языковой опыт Болгарии. «Болгария совершила усвоение византийской культуры в обстоятельствах, близких тем, которые создавались затем на Руси при усвоении ею византийской и болгарской культуры; Русь получила византийский культурный опыт не только в его непосредственном состоянии, но и в «адаптированном» Болгарией виде, приспособленном к нуждам феодализирующегося общества» [Лихачев, 1989, с. 130].

Однако на юге Руси, как и в Болгарии, двуязычие коснулось лишь привилегированного сословия, переписчиков и священнослужителей. Очевидно, что греческий язык, наряду с древнерусским,

имел сакральное назначение. «Между древнерусскими надписями (эпиграфика) и надписями инокультурного и иноязычного круга прослеживаются типологические связи. Для эпиграфических памятников античного времени, для христианских надписей средневековья (латинских, греческих, коптских, армянских и др.), для рунических надписей Скандинавии характерно использование в качестве основного структурного элемента поэтической или эпической формулы». [Рождественская, 1992, с. 2] С одной стороны формульность отражала влияние греческого языка, а с другой – указывала на сакрализацию языка. Дело в том, что греческий язык использовали в качестве «литургического» [Верещагин, 1972, с. 63]. «...в России богослужение первоначально отправлялось на греческом языке» [Лисицын, 1911, с. 17]. Греческий язык имел сильную позицию благодаря тому, что он стал культовым языком, т. е. отвечал за религиозную сферу. Владимир, возвратившись в 989 году из похода на Корсунь [Виноградов, 1978, с. 13](Херсонес), привез с собой византийских священнослужителей, которые вели службы на греческом языке. Однако характерен тот факт, что церковная архиерейская служба иногда могла вестись попеременно на двух языках: греческом и церковнославянском. В «Повести о Петре, царевиче Ордынском» рассказывается о церкви Богородицы в Ростове в конце XIII столетия, в которой: «левый клирос пел по-гречески, а правый – по-русски» (точнее по-церковнославянски). «Деятельность Кирилла и Мефодия была связана не только с задачами богослужения на славянском языке. Позиция славянских просветителей выражала осознаваемое ими величие Киевской Руси, ее культурных и исторических традиций. Вопрос о языке... из религиозного трансформировался в философский <...> (для сохранения) духовности славянского народа» [Безлепкин, 2001, с. 9]. Верещагин считает, что к моменту крещения Руси уже существовали священные книги, переведенные на славянский язык, и богослужение могло вестись одновременно или последовательно на русском языке.

Т.В. Рождественская видит двуязычие в переводах «греческих молитвенных формул на славянский язык», которые были выполнены обеими азбуками – глаголицей и кириллицей. Молитвенные и поминальные формулы обладали этикетным качеством, поскольку должны были осуществлять связь с богом, показывать набожность человека, его ничтожность перед великим божественным началом, следуя традициям и канонам греко-византийской церкви. Рождественская, исследуя древнерусские надписи на стенах соборов, церквей и монастырей, а также на культовых предметах, подтверждает идею Лихачева «общего литературно-церковного языка, болгарского в своей

основе» [Лихачев, 1989, с. 132]. Уже к XIV веку черное духовенство, продолжая выделять свою кастовую принадлежность посредством греческого языка, мечтало об отделении от византийского контроля и приобретении самостоятельного статуса. Причем белое духовенство не владело в должной мере познаниями в греческом языке. Литургии заучивались наизусть и читались без четкого понимания содержания. Народ так же не воспринимал богослужение на греческом языке. В данной связи можно вспомнить некоторые языковые казусы, когда «из греческого *кирие элейсон* (господи помилуй) он (народ) сделал глагол *куролесить*, греческое *катабасис* (особенный порядок церковных песнопений) превратил в *катавасию*, то есть церковными «святыми» словами обозначил дурачество, озорство, сумбур. Из латинского *хартуляриум* (оглашаемый священником список умерших) русский язык сделал *халтурущика* – недобросовестного, плохого работника» [Чуковский, 1982, с. 78]. «Внутренним стимулом развития литературно-письменного языка, как об этом свидетельствуют памятники не книжной письменности, служит творческое преобразование образцового текста средствами собственной речевой практики» [Рождественская, 1992, с. 23].

Церковь, опасаясь оттока прихожан, решила использовать старославянский язык в качестве альтернативы греческому. Начинаясь новая эра профессионального билингвизма, когда в этот социолингвистический процесс было вовлечено среднее по рангу духовенство. Обычно в качестве переводчиков служили монахи, которые хорошо знали греческий, латынь, а некоторые болгарский и моравский языки. Монахи переводили различные византийские Жития святомучеников Христовых, порой внося в текст свои комментарии и замечания.

Разрозненность культур внутри единой русской культуры, разнообразие диалектов внутри единого русского языка – все это привело к тому, что греческий язык, как язык литературный, поскольку на нем были созданы множество письменных сочинений, занимает лидирующую позицию по отношению к русскому, развивающемуся языку. При таких условиях не могло быть и речи о массовом билингвизме. Однако подобные отношения могли возникнуть только в определенных социальных прослойках общества или в узкопрофессиональной сфере. Эта сфера включала в себя только переводчиков – толмачей и дипломатический корпус.

Укрепление позиций христианства способствовало тому, что посредством религиозных обрядов, литургий и других миссионерских воздействий, греческая лексика стала проникать в народные массы.

Первым шагом к появлению альтернативы греческому языку стал новый язык, разработанный билингвальными братьями Кириллом и Мефодием, глаголица. В дальнейшем их учениками была создана азбука – кириллица. По составу, расположению и звуковому значению букв кириллица почти полностью совпадает с глаголицей, но резко отличается от нее формой букв. В основе этой азбуки лежит греческое торжественное письмо – так называемый устав. Однако буквы, необходимые для передачи особых, отсутствующих в греческом языке звуков славянской речи, были взяты из глаголицы или составлены по ее образцам. До создания кириллицы существовали попытки создать свой язык. Так болгарский монах Храбр в своем рассказе «Сказании о письменах» X века описывает проблемы, с которыми столкнулись славяне в своем стремлении записать славянскую речь. Они пытались ее записывать беспорядочно римскими и греческими буквами, но такие попытки были обречены на неудачу, поскольку, ни греческий, ни латинский алфавит не были пригодны для передачи многих особых звуков славянской речи. Это продолжалось многие годы, до появления на Руси кириллицы.

«Русский письменный язык древнейшего периода развивается в двух направлениях. С одной стороны, вырабатывается и эволюционирует, вбирая в себя элементы живой речи восточных славян, русская разновидность старославянского языка – славяно-русский литературный язык (так называемый церковнославянский язык). С другой стороны, старославянской системой письменного изображения, старославянской азбукой пользуется русский государственно-деловой язык, тесно связанный с живыми наречиями восточного славянства и почти свободный от церковнославянских элементов в кругу бытовой и государственной практики. Есть вполне определенные указания на то, что уже в XI веке возникло это двуязычие» [Виноградов, 1978, с.11]. Итак, примерно с XI века образуется билингвальное общество, которое в рамках одного письменного языка стало создавать два разных по профессиональной направленности языка: один для нужд церкви и литературы в рамках церковной культуры, другой для нужд государства. При этом, совершенно закономерен высокий статус церковнославянского языка как языка греческих переводов, языка культуры, церковного слова и, с другой стороны, «приземленность» другого варианта старославянского языка, то есть русского языка, который, в силу профессиональной надобности, служил связующим звеном между народом и властью. Поэтому русский язык должен был быть максимально доступным для понимания простого народа, но при этом не снижаться до простонародного уровня.

Греко-русский билингвизм просуществовал до конца X века. Причиной ослабления позиций в религиозной сфере греческого языка послужили те же языковые процессы, которые имели место в Западной Европе, когда латынь вынуждена была уступить свое место вульгате. В.В. Виноградов отмечает, что «этот общеславянский письменный язык (старославянский) становится не только церковным, но и литературным языком всего славянского мира: в конце X и XI веков на нем пишут, читают, проповедуют и служат и в Новгороде, и в Киеве, и в Преславе, и в Охриде, и в Велеграде, и на Сазаве. Произведения на этом языке, возникшие на юге славянства, переписываются и читаются и в Чехии, и на Руси, равно как и написанные в Чехии – и на Руси, и на Балканах» [Виноградов, 1978, с. 9]. Период группового билингвизма, когда образованная знать и высшее духовенство владели двумя языками – греческим и русским (возможно, что билингвизм перемежался с диглоссией, поскольку в какой-то момент статус греческого языка был доминирующим и на нем говорили только в определенных ситуациях и в определенном социальном круге), перешел в профессиональный билингвизм в среде духовенства.

Литература

- Безлепкин Н.И. Философия языка в России. СПб., 2001.
- Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян: Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972.
- Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.
- Гуревич Е.А. Руны. Руническое письмо // Словарь средневековой культуры. М., 2003.
- Давидан О.И. К вопросу о контактах древней Ладogi со Скандинавией // Скандинавский сборник XVI. Таллин, 1971.
- Исследования V яруса поселения. Интернет портал музея-заповедника Старая Ладога. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.ladogamuseum.ru/Ras/stratigrafia/3yur/>
- Исследования VI-VII яруса поселения. Интернет портал музея-заповедника Старая Ладога. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.ladogamuseum.ru/Ras/stratigrafia/VIyur/>
- Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII-XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. I.
- Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. СПб., 2000.
- Лисицын М.А. Первоначальный славянско-русский типикон. СПб., 1911.
- Лихачев Д.С. О филологии. М., 1989.
- Медынцева А.А. Начало письменности на Руси по археологическим данным. М., 1983.
- Первые ярусы поселения. Интернет портал музея-заповедника Старая Ладога. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.ladogamuseum.ru/Ras/stratigrafia/1yur/>

Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI-XV вв. СПб., 1992.

Русские (этносоциологические очерки). М., 1992.

Чуковский К. Живой как жизнь, о русском языке. М., 1982.

Языковые ситуации и взаимодействие языков. Киев, 1989.

W. von Soden. Zweisprachigkeit in der geistigen Kultur Babyloniens. Wien, 1960.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЛЕТО В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА А.П. ЧЕХОВА

К.А. Кочнова

Ключевые слова: языковая картина мира писателя, А.П. Чехов, художественно-речевая система, лексико-семантическое поле, лексема, сема.

Keywords: linguistic world-image of the writer, A.P. Chekhov, artistic-speech system, lexico-semantic field, token, sema.

Проблема изучения языковой картины мира личности как отражения в языке индивидуального глобального образа действительности, в частности выявление специфики индивидуального восприятия мира личности, реализованного в языке писателя, в настоящее время в центре внимания многих исследователей художественного текста.

В последние годы все чаще обращаются к исследованию языка писателя, к изучению лексико-семантической системы с помощью полевой методики. Полевой подход позволяет эксплицировать авторское мировоззрение, выявить специфику его ценностной ориентации и языковых приоритетов, особенностей индивидуально-авторского словоупотребления и т.д. [Кочнова, 2015]. Поэтому такой анализ индивидуальной языковой системы через исследование лексико-семантического поля (ЛСП) в художественном тексте, целой сети частично пересекающихся ЛСП художественной речевой системы личности – это наиболее полное и объективное представление о языковой картине мира писателя.

ЛСП представляет интерес для исследования языковой картины мира писателя с точки зрения содержания, состава (эксплицирует фрагмент мировоззрения писателя), с точки зрения структурной организации, которая отражает специфику ценностной ориентации и языковых приоритетов личности.

Структурирование и анализ авторского лексико-семантического поля (совокупность лексических единиц, упорядоченных и структурно организованных в соответствии с художественным мировоззрением писателя) показывают, как эксплицированы те или иные категории, понятия в индивидуальной языковой системе писателя, высвечивает их специфику в его художественном мировоззрении.

ЛСП в индивидуальной языковой системе писателя отличается более детальным, чем в общенародном языке, составом. Как правило, в структуре самих конститuentов поля, лексемах, наблюдаются изменения, преобразования: усложнение семной структуры слова, наращивание сем, возможно устранение сем, перестройка их иерархии, поскольку на семантику отдельной лексемы или группы (систему) лексем оказывает влияние «преобразующая роль художественного мировоззрения», способствующая «формированию особой смысловой структуры» [Язикова, 1985, с. 29].

Рассмотрим специфику авторского ЛСП «Лето» на примере художественной прозы А.П. Чехова.

В художественной речевой системе А.П. Чехова слово *лето* не относится к числу ключевых: ядерная лексема характеризуется низкой частотой употребления [Кочнова, 2005]. Правда, как отмечал В.Н. Топоров, «важен не сам повтор, а его отмеченность и осознанность как знака чего-то иного, более глубинного, нежели астрология и хронология» [Топоров, 1982, с. 163].

ЛСМП «Лето» представлено следующими конститuentами:

Деривационная часть: *летний, лето, летом, по-летнему.*

Парадигматическая часть: *август, весна, вечер, время, год, день, дождь, зима, июнь, июль, огонь, период, погода, пора, смерть, солнце (закатное), осень.*

Синтагматическая часть: *богатый, верба, вечность, гибель, гнусный, голубой, гореть, длинный, духота, жара, жаркий, замереть, застыть, заунывный, здоровый, зелень, зной, изобильный, изумительный, исчезать, красота, милый, монотонный, настоящий, небо, палить, петь, покой, поникнуть, прекрасный, прохлада, пыль, радость, светлый, скучный, сухой, теплый, тишина, унылый, утомленный, холодный, ясный.*

Лето – это ‘самое теплое время года, между весной и осенью’, некоторые природные приметы которого вызывают отрицательную реакцию. Приметы этого времени: солнце, зной, пыль, жара, духота. С ними соотносятся отрицательные душевные, психологические состояния: тоска, бессилие, одиночество, страдание, психологическое и физиологическое, смерть.

С другими приметамы – зелень, прохлада, воздух, солнце (закатное) – связано такое эмоциональное состояние человека, как радость жизни, ощущение ее полноты, надежда на будущее. И тогда лето воспринимается как ‘время, когда окружающая природа пленяет своей гармонией и красотой’: *«На всем лежала светлая здоровая красота летнего дня, и ничто не мешало сочной зелени весело трепетать и перемигиваться с ясным, голубым небом»* (Тина) [Чехов, 1983, т. 5, с. 361].

Так, в «Рассказе госпожи NN» лучшая пора жизни героев связывается ими с картиной буйного летнего дождя. Пейзажные детали окрашивают повествование в лирические тона; дождь и пахнувшее во время ливня сено несколько раз упоминаются в контексте, и каждый раз у читателя возникает целый ряд ассоциаций, а в памяти восстанавливается описание летнего дня, который герои считают самым счастливым. *«Проходили мимо меня люди со своей любовью, мелькали ясные дни и теплые ночи, пели соловьи, пахло сеном, и все это, милое, изумительное по воспоминаниям, у меня, как у всех, проходило быстро, бесследно, не ценилось и исчезало, как туман... Где все оно? Вот звонок... Это пришел Петр Сергеич. Когда я зимою вижу деревья и вспоминаю, как они зеленели для меня летом, я шепчу: – О, мои милые!»* [Чехов, 1983, т. 6, с. 458]. С картиной летнего дня связано воспоминание о первом необыкновенном поэтическом признании в любви.

ЛСП «Лето» в языковой системе А.П. Чехова чаще всего представлено глаголами в прошедшем времени *прошло, проходили, проходило, мелькали, пели, пахло, не ценилось, исчезало* и т.д. Другими словами, лето не воспринимается писателем в настоящем, оно почти всегда в прошлом или будущем, точнее, в несбыточном, неосуществимом будущем. Поскольку лето исчезает *быстро, бесследно...*

В рассказе «Верочка» герой вспоминает свой приезд в уездный городишко N., где его окружают *«новые знакомые, хорошие люди, публика великоленная, народ простой, сердечный, искренний»* [Чехов, 1983, т. 6, с. 145], а где-то далеко остался *«серый петербургский номер, большие сырые дома, номерная бессемейная жизнь»* [Чехов, 1983, т. 6, с. 87]. Но в минуту нравственного напряжения он бессильно воскликнет, что, наверное, его ждет судьба автора *«какого-нибудь почтенного, никому не нужного статистического сборника, толстого, как сорок тысяч сборников...»* [Чехов, 1983, т. 6, с. 87], и, когда наступает тот августовский вечер – вечер прощания, герой понимает, что все впечатления весенних и летних дней рассеются, как

«жалобно-восторженный крик журавлей, которые через минуту исчезнут в синей дали» [Чехов, 1983, т. 6, с. 81].

Именно с летом связываются самые лучшие воспоминания героев, это счастливое время, которое быстро проходит, и остается лишь грусть, сожаление об утраченном. *«Зима была вялая <...>. Но, несмотря на дурную погоду, Никитину жилось так же счастливо, как и летом»* (Учитель словесности) [Чехов, 1983, т. 8, с. 322].

Отсюда частые противопоставления лета и зимы: *«Деревенские знакомые очаровательны только в деревне и летом, в городе же и зимою они теряют половину своей прелести»* (Рассказ госпожи NN) [Чехов, 1983, т. 6, с. 452]. Не случайно впервые напечатан этот рассказ был под названием «Зимние слезы».

Одно из ключевых понятий для Чехова – труд – также находит свое оригинальное воплощение в оппозиции Зима – Лето. Из писем А.П. Чехова: *«Я думаю, что мой «Леший» будет не в пример тоньше сделан, чем «Иванов». Только надо писать не зимой, а летом, когда все городское и зимнее представляется смешным и неважным. Летом авторы свободнее и объективнее. Никогда не пишите пьес зимой»* (Суворину, 8 января 1889 года), *«Зачем же я в Ялте, зачем здесь так ужасно скучно. Идет снег, метель, в окна дует, от печки жар, писать не хочется вовсе, и я ничего не пишу»* (февраль 1899 года).

Антиномичны лето и осень: *«Летом в это время уже светло, а теперь еще даже зари не видно. Прошло лето!»* (Почта) [Чехов, 1983, т. 6, с. 334], *«Холодно, мокро, ничего не видно, местность неизвестна; не хочется верить, что в этой черной пустыне, на которой разлеглась и спит осень, бывает когда-нибудь лето и могут жить люди»* (Холодная кровь) [Чехов, 1983, т. 6, с. 372].

В основе всех этих противопоставлений лежит оппозиция тепло – холод. В семантической структуре слова *лето* на основе анализа словарей можно выделить ядерную сему ‘тепло’. На основе этой семы устанавливается связь ЛСМП «Лето» и ЛСП «Огонь». В общий смысловой сегмент этих полей входят лексические единицы: *солнце, огонь, палить, гореть* и т.д. Слово *огонь* является ключевым, являясь антиномичным символом в мире А.П. Чехова. С одной стороны, это начало, несущее жизнь и возрождение природы, связывается с жизнью, активностью, подъемом душевных и физических сил. Так, о крымской природе, казавшейся Чехову холодной, он писал: *«В саду у нас хорошо, всего много, но все же он имеет жалкий вид! Презираю я здешнюю природу, она холодна для меня»* [Чехов, 1983, т. 3, с. 126]. И в то же время стоило прийти теплу, как А.П. Чехов пишет *«Крым*

очень хорош. Никогда раньше он мне не нравился, как теперь», «Погода в Ялте теплая, совершенно летняя. Если бы у меня были деньги, то я перебрался бы сюда навсегда», «В Крыму так хорошо, так хорошо, что сказать не могу. Погода изумительная, настоящее лето...» [Чехов, 1983, т. 4, с. 76].

С другой стороны, это начало, которое может быть разрушительным, гибельным, приносящим смерть (здесь возникает параллель с аналогичными полярными функциями огня в архаической модели мира – оплодотворяющей и очистительной, разрушающей). Сема ‘гибельность’ актуализируется в лексемах *полумертвая, погибая, оцепеневшее, понапрасну, застыло, остановилось, замирала, поникла, выжженная* и т.д.: *«А солнце печет и печет. Тени становятся короче и уходят в самих себя как рога улитки»* (Налим) [Чехов, 1983, т. 4, с. 47].

Таковыми же противоположными значениями наделяется и лексема *солнце*. Солнце является ядерной единицей ЛСП «Космологические объекты и явления». Это ключевое слово имеет высокую частоту и обладает многочленной образной парадигмой. В соответствии с народно-поэтической традицией, оно может выступать в конструкциях с олицетворением и расцениваться как животворящее начало. В создании образа солнца принимают участие лексические единицы ЛСП «Огонь»: *пламень, костер, выжгло, жгло, палит, загорелый* и др.

В поэтических системах различных авторов образ солнца трактуется неоднозначно. На это обращал внимание, в частности, А. Белый: «Каково отличие солнца Пушкина от солнца Тютчева? <...> Солнце Пушкина – “невысокое, яркое, ясное”, как лампадный хрусталь, сталь <...>. В противоположность этому <...> солнце Тютчева действительно, “пламенно-страстно” и “раскаленно-багрово”, очень страшное солнце <...> у Баратынского солнце, хотя и живое, как-то “нехотя блещет” и переходит из подлинно солнца при случае в “солнце юности”» [Белый, 1983, с. 13-14].

В языковой системе А.П. Чехова противопоставлены друг другу солнце полдневное и закатное, весеннее и зимнее. Причем характеристики закатного и зимнего солнца пересекаются: основной его признак можно определить как “нежгучесть”, и оценивается он, прежде всего, положительно. Но вот полдневное солнце носит явно отрицательную окраску. Это разрушительное начало, несущее смерть: *«Роса испарилась, воздух застыл, и обманутая степь приняла свой унылый июльский вид. Трава поникла, жизнь замерла... задыхаясь от зноя, невидимая гнетущая сила мало-помалу сковала ветер и воздух, уло-*

жила пыль», «Солнце жгло по-вчерашнему, воздух был неподвижен и уныл», «хорошая, веселая мысль застыла в его мозгу от жары... по движениям баб, вяжущих снопы, по лицам косарей, по блеску кос видно, что зной жжет и душит» (Степь) [Чехов, 1983, т. 7, с. 16, 56].

Поэтому летний дождь, в отличие от осеннего, нехорошего, вгоняющего в скуку и уныние, воспринимается как благодать, несущий жизнь, как средство физического и духовного возрождения: «Воздух все больше застывал от зноя и тишины, покорная природа цепенела в молчании <...>. Ни ветра, ни бодрого, свежего звука, ни облачка. Хорошо, если бы брызнул дождь!» (Степь) [Чехов, 1983, т. 7, с. 84], из письма: «Дует сильнейший ветер. Дождь. Погода свирепствует. В общем погода стоит хорошая, и я ею доволен» [Чехов, 1983, т. 2, с. 288]. Положительно оценивается все, что так или иначе связано с водой: «В жаркий день, когда некуда деваться от зноя и духоты, плеск воды и громкое дыхание купающегося человека действуют на слух, как хорошая музыка», «из холма <...> тонкой струйкой бежала вода. Она падала на землю и, прозрачная, веселая, сверкающая на солнце и тихо ворча, точно воображая себя сильным и бурным потоком, быстро бежала куда-то влево <...> горячие лучи и раскаленная почва, жадно впивая ее, отнимали у нее силу; в шагах ста по ее течению зеленела густая, пышная осока...» (Степь) [Чехов, 1983, т. 7, с. 56].

Лето – это состояние природы, когда время тянется бесконечно, «точно оно застыло и остановилось». Отсюда использование таких лексем, как вечность, навеки, сто лет и т.д. «Как же убить это длинное время и куда деваться от зноя? Задача мудреная...», «Казалось, что с утра прошло уже сто лет. Не хотел ли бог, чтобы <...> остались навеки на одном месте?» (Степь) [Чехов, 1983, т. 7, с. 58].

Значение долговечности, старости у А.П. Чехова заключено и в образе-символе «верба», который часто сопровождает летний пейзаж. «Верба подпирает и другую развалину – старика Архипа <...>. Он стар, горбат, как верба, и беззубый рот его похож на дупло. Оба, старуха-верба и Архип, день и ночь шепчут... Оба на своем веку видывали виды. Послушайте их...» (Верба) [Чехов, 1983, т. 2, с. 102], «Солнце жгло по-вчерашнему, воздух был неподвижен и уныл. На берегу стояло несколько верб, но тень от них падала не на землю, а на воду, где пропадала даром, в тени же под возами было душно и скучно» (Степь) [Чехов, 1983, т. 7, с. 46].

Итак, семантическая структура слова *лето* может быть описана следующим образом:

ЛЕТО

1. Самое теплое время года, следующее за весной и предшествующее осени.

2. Время года, несущее гибель огнем солнца.

3. Время, когда окружающая природа пленяет своей гармонией и красотой || время любви.

Важную роль в выявлении авторского отношения к этому времени года играют эмосемы, составляющие эмоционал семантемы *лето*: 'скучный', 'унылый', 'утомленный', 'радостный'. Отсюда антиномичный облик этого времени года, связанного в картине мира А.П. Чехова одновременно с гармонией, красотой, жизнью и скукой, безнадежностью, гибелью, смертью. Этот образ создают лексемы, называющие полярные природные элементы, входящие в ЛСП «Огонь», «Растительность», «Атмосферные явления». На периферии ЛСМП «Лето» находятся лексические единицы ЛСП «Цветообозначения», «Звук», «Запах». Так, образ лета характеризуют следующие лексемы ЛСП «Звук», создающие атмосферу тишины, покоя, замирания жизни: *тишина, тихий, едва уловимое слухом, замер (звук), монотонный, приутихла, заунывная тягучая песня...*

Литература

Белый А. Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика. М., 1983.

Кочнова К.А. Лексико-семантическое поле «Природное время» в языковой картине мира А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005.

Кочнова К.А., Чанчина А.В. Моделирование языковой картины мира. Н. Новгород, 2015.

Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти тт. М.-Л., 1948-1965.

Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1982. Т. 12.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти тт. М., 1974-1983.

Чудаков А.П. Мир А.П. Чехова. Возникновение и утверждение. М., 1986.

Язикова Ю.С. Слово в языке М.Горького: Смысловая структура слова в семантико-стилистической системе писателя. Горький, 1985.

**КОНЦЕПЦИЯ «ДИАЛОГИЗМА» М.М. БАХТИНА
КАК ОСНОВАНИЕ ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ Ю. КРИСТЕВОЙ**

Ю.Л. Высочина

Ключевые слова: интертекстуальность, диалогизм, амбивалентность, цитация, постструктурализм, постмодернизм.

Keywords: intertextuality, dialogism, ambivalence, citation, poststructuralism, postmodernism.

Теория интертекстуальности тесно связана с концепцией диалогических отношений М.М. Бахтина. В своей работе «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» М.М. Бахтин, описывая диалектику существования литературы, отметил, что помимо данной художнику действительности он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном «диалоге, понимаемом как борьба писателя с существующими литературными формами»: «даже прошлые, то есть рожденные в диалоге прошедших веков смыслы, никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) – они всегда будут меняться (обновляться) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его, они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде» [Бахтин, 1979, с. 373].

М.М. Бахтин понятие диалогизма относит к языковой инфраструктуре. Для того чтобы между различными субъектами возникли диалогические отношения, необходимо облекчить эти отношения в слово, выражающее различные позиции. Таким образом, диалогизм как бы проникает внутрь слова, а после – внутрь высказывания: слово сначала соотносится со своим значением, а потом уже служит ответной реакцией на чужое высказывание.

Диалог, по М.М. Бахтину, по своей простоте и четкости – классическая форма общения. Каждая реплика – завершенная и высказанная позиция говорящего, в отношении которой можно занять ответную позицию. Очень часто говорящий сам задает вопросы в границах «своего высказывания и сам же на них отвечает, возражает, опровергает» [Бахтин, 1979, с. 251]. Каждое высказывание может существовать только в окружении предшествующего и последующего: «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту», «каждое высказывание – это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний» [Бахтин, 1979, с. 157].

Произведение понимается Бахтиным как «звено в цепи речевого общения, как реплика диалога, оно связано с другими произведениями-высказываниями: и с теми, на которые оно отвечает, и с теми, которые

на него отвечают» [Бахтин, 1979, с. 254]. Таким образом, произведение – это ответная позиция автора в сложных условиях речевого общения данной сферы культуры. Но индивидуальный стиль автора, его мировоззрение во всех замыслах произведения определяет внутренние границы, отделяющие данное творение от предшествующей или последующей литературы, на которые автор опирается или с которыми спорит.

Диалогизм невозможен без логических и предметно-смысловых связей, но он не сводится к ним, а имеет свою специфику. Говоря словами самого Бахтина, «логические и предметно-смысловые отношения, чтобы стать диалогическими <...>, должны воплотиться, то есть должны войти в другую сферу бытия: стать словом, то есть высказыванием, и получить автора, то есть творца данного высказывания» [Кристева, 2001, с. 219].

Диалогичность изначально присуща языку: «диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка» [Кристева, 2001, с. 218], и это в первую очередь определяет возможность появления отношений «автор – персонаж», структурирующих повествование.

Итак, бахтинский «диалогизм» выявляет в письме не только субъективное, но и коммуникативное, а лучше сказать, интертекстовое начало; и вследствие диалогизма такое сочетание, как «личность – субъект письма», уступает место амбивалентности письма [Кристева, 2001, с. 219]. Под «амбивалентностью» Бахтин понимал факт включенности истории (общества) в текст и текста – в историю. Таким образом, получается, что всякое письмо есть способ чтения совокупности предшествующих литературных текстов, что всякий текст вбирает в себя другой текст и обращен в его сторону. Диалогизм и амбивалентность позволяют сделать один важный вывод: как во внутреннем пространстве отдельного текста, так и в пространстве многих текстов поэтический язык по сути своей есть «двоякость» [Кристева, 2001, с. 220].

Итак, амбивалентное пространство романа, как правило, упорядочивается в соответствии с двумя формообразующими принципами – монологическим (каждая новая последовательность детерминирована предыдущей) и диалогическим (трансфинитные последовательности, непосредственно превышающие предшествующий каузальный ряд).

Важным моментом для дальнейшего развития теории интертекстуальности стали идеи Бахтина о «чужом слове». Термин «чужое слово» восходит к концепции, согласно которой все слова для человека делятся на «маленький мирок своих слов (осознаваемых как свои) и огромный безграничный мир чужих слов» [Бахтин, 1979, с. 347-348]. Под «чужим словом» (высказыванием, речевым произведением) Бахтиным понимается сказанное или написанное слово другого человека.

Границы между своими и чужими словами могут смещаться, и тогда возникает диалогическая борьба. «Я живу в мире чужих слов. И вся моя жизнь является ориентацией в этом мире, реакцией на чужие слова (бесконечно разнообразной реакцией) и кончая освоением богатств человеческой культуры (выраженных в слове или других знаковых материалах)» [Бахтин, 1979, с. 347]. Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что важным для развития лингвистической теории интертекстуальности в концепции М.М. Бахтина стало то, что диалогические отношения выстраиваются посредством речевых высказываний, важную роль в которых играет слово, его семантическое значение и предложение в конкретном контексте. Любое «чужое» слово может восприниматься как начало диалога, без которого невозможна культурная жизнь человека.

Ю. Кристева создала свою концепцию интертекстуальности, переосмысляя работу М.М. Бахтина, который писал, что «понять статус слова – значит понять способы сочленения этого слова (как семического комплекса) с другими словами предложения, а затем выявить те же самые функции (отношения) на уровне более крупных синтагматических единиц» [Кристева, 2001, с. 215].

Ю. Кристева, дополняя учение М. Бахтина, выявляет диалогические отношения на нескольких языковых уровнях – на уровне комбинаторной диады язык / речь, а также в системах языка (коллективный, монологический договор; система взаимосоотнесенных ценностей, актуализирующихся в диалоге с другим) и в системах речи («комбинаторной» по своей сути, являющейся не продуктом свободного творчества, но неким индивидуализированным образованием, возникающим на основе знакового обмена). «Двойственная природа языка» была продемонстрирована и на другом уровне (сопоставимом с амбивалентным пространством романа): язык синтагматичен (реализуется через «протяженность», «наличие» и «метонимию») и в то же время систематичен (предполагает «ассоциативность», «отсутствие» и «метафору») [Кристева, 2001, с. 215].

В связи с этим Ю. Кристева, на основании учения М.М. Бахтина о различии между диалогическими и собственно языковыми отношениями (у М. Бахтина «автор – персонаж»), участников диалогических связей именуем как «субъект высказывания-процесса» и «субъект высказывания-результата» соответственно.

Любое слово должно рассматриваться с двух позиций: а) горизонтально (слово в тексте одновременно принадлежит и субъекту письма, и его получателю) и б) вертикально (слово в тексте ориен-

тировано по отношению к совокупности других литературных текстов – более ранних или современных).

Вследствие того, что получатель в качестве дискурса вступает во взаимосвязь с дискурсивным универсумом книги, он сливается с тем другим текстом (другой книгой), по отношению к которому писатель пишет свой собственный текст, так что горизонтальная ось (субъект–получатель) и ось вертикальная (текст–контекст) в конце концов совпадают, обнаруживая главное: всякое слово (текст) есть такое пересечение других слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст).

Вслед за Бахтиным Кристева рассматривает текст как мозаику цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Таким образом Кристева вводит понятие интертекстуальности: «<...> Любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-либо другого текста. Тем самым на место понятия интересубъективности встает понятие интертекстуальности, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» [Кристева, 1995, с. 98-99].

Ю. Кристева понимает интертекст в постструктуралистском ключе как довольно подвижный элемент в потоке других произведений, не имеющий четких границ. Слово обладает пространственными характеристиками, существующими в трех аспектах – субъект – получатель – контекст, – и имеет два функциональных аспекта: 1) рассматривается как медиатор, связывающий структурную модель с ее культурным (историческим) окружением; 2) как регулятор, управляющий процессом перехода диахронии в синхронию (в литературную структуру). Таким образом, слово есть не что иное, как совокупность семических элементов, находящихся в диалогических отношениях. Причем тексты и дискурсы существуют сами по себе, без участия автора, пересекаются и вступают в диалог, полноправным участником которого становится и читатель – имеет место такое понятие, как «смерть автора».

Не претендуя на исчерпание проблемы, Ю. Кристева подчеркивает лишь один момент: логическая структура с основанием ложь–истина, немаркированность–маркированность не может служить адекватному описанию функционирования поэтического языка. Она утверждает, что с помощью существующих логических (научных) методов нельзя формализовать поэтический язык, не исказив при этом его природу. Необходимо подчеркнуть, что особенность диалога в том и состоит, что это трансгрессия, сама себе задающая закон.

Итак, бахтинский термин «диалогизм» в его французском применении включает в себе такие понятия, как «двоякость», «язык» и «другая логика».

Концепция Ю. Кристевой имела продолжателей. Так, Р. Барт солидарен с ней в том, что любой текст можно считать интертекстом, так как он (текст) целиком состоит из различных цитат, которые присутствуют в «более или менее узнаваемых формах»: «Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [Барт, 1989, с. 417]. Таким образом, текст состоит из тысяч цитат – отсылок к культурным источникам, а писатель есть не кто иной, как переписчик, вечно подражающий тому, что написано ранее: «жизнь лишь подражает книге, а книга сама соткана из знаков, сама подражает чему-то уже забытому» [Барт, 1989, с. 389].

Для Р. Барта любой текст – это своеобразная «эхокамера» (цит. по: [Ильин, 2001, с. 103]), для М. Риффатера – «ансамбль пресуппозиций других текстов» (цит. по: [Ильин, 2001, с. 103]), поэтому «сама идея текстуальности неотделима от интертекстуальности и основана на ней» (цит. по: [Ильин, 2001, с. 103]), Ш. Гривель пишет, что «нет текста, кроме интертекста» (цит. по: [Ильин, 2001, с. 103]).

Для М. Грессе интертекстуальность является составной частью культуры вообще и неотъемлемым признаком литературной деятельности в частности: любая цитация, какой бы характер она ни носила, обязательно вводит писателя в сферу того культурного контекста, «опутывает» той «сетью культуры», ускользнуть от которых не властен никто (цит. по: [Ильин, 2001, с. 103]).

Но широкое понимание интертекстуальности критиковалось многими учеными: Чернявской [Чернявская, 2000], Ильиным [Ильин, 1999], Пфистером, Хольтуисом. Так, например, И.И. Ильин пишет, что концепция исследователя получила признание лишь в свете постмодернистских и деконструктивистских течений: «Фактически она облегчила как в теоретическом, так и в практическом плане осуществление «идейной сверхзадачи» постмодернизма – «деконструировать» противоположность между критической и художественной продукцией, а равно и «классическую» оппозицию субъекта объекту, своего чужому,

письма чтению и т.д. Однако конкретное содержание термина существенно видоизменяется в зависимости от теоретических и философских предпосылок, которыми руководствуется в своих исследованиях каждый ученый. Общим для всех служит постулат, что всякий текст является «реакцией» на предшествующие тексты» (цит. по: [Ильин, 2001, с. 206-207]).

По нашему представлению, самым большим недостатком выше-названной концепции можно считать очень широкое понимание интертекстуальности. Связано это с широким пониманием текста. Ю. Кристева определяет текст как «общество» или «историко-культурную парадигму», как транссемиотический универсум, включающий в себя все смысловые системы и культурные коды как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте.

По мнению исследователя, любой текст понимается исключительно как интертекст, так как он является неотъемлемой составляющей всеобщей культуры: он включает в себя предыдущие тексты и их части. В итоге текст теряет свою уникальность, законченность, становясь лишь частью общего универсального текста, совпадающего с историей и обществом, а интертекстуальность предстает как теория безграничного текста, который интертекстуален в каждом своем фрагменте. При такой позиции введение термина «интертекстуальность» не представляется необходимым: границы интертекста в данном тексте стираются, и анализ лингвистического материала становится затруднительным.

Таким образом, можно сделать вывод, что концепция диалогических отношений М.М. Бахтина, базирующая на «другой» логике, «чужом слове» и «амбивалентности» письма, обусловила появление постструктуралистской концепции интертекстуальности, которая позволяет воспринимать любой текст как интертекст. Безусловно, теория Ю. Кристевой имеет недостатки, но введенный ею термин «интертекстуальность» положил начало новому направлению исследований не только в литературоведении, но и лингвистике.

Литература

- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001.
Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты // Проблемы временной стилистики. М., 1989.
Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. Вестн. Московского ун-та. Сер. 9. 1995. № 1.

Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: на материале немецкого языка: автореф. дис. ... д-ра филологических наук: СПб, 2000.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ФОРМЫ ЗАПРЕТОВ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ «ПАТРИОТОВ»: ТЕХНИКА РЕКОНСТРУКЦИИ

Е.А. Андреева

Ключевые слова: литературно-критический дискурс, властный дискурс, запреты, патриотическая критика.

Keywords: literary and critical discourse, power discourse, prohibitions, patriotic criticism.

Запрет является одним из главных механизмов, функционирующих во властном дискурсе. Одним из первых проблему власти и дискурса описал М. Фуко, представляя последний как «регулируемое законами и правилами поле» [Фуко, 1996, с. 50]. Впоследствии широкое распространение получила междисциплинарная практика дискурс-анализа, которая была ориентирована на социальный аспект проявлений власти и воспроизведена, главным образом, в работах Т.А. ван Дейка, Л. Филлипса и М. Йогерсена [ван Дейк, 2013; Филипс, Йогерсен, 2008]. Проблема дискурса властных институтов и их функционирования в социальном мире освещается также в ряде других отечественных и зарубежных исследований [Андрюхина, 2013; Бадретдинов, 2011; Elder-Vass, 2011]. Дискурс власти как особую модель коммуникации исследует В.И. Тюпа. По мнению ученого, нормативно-риторическая дискурсная формация является «коммуникативным пространством монологического согласия» [Тюпа, 2010, с. 106]. В качестве основных характеристик дискурса власти В.И. Тюпа называет приоритет говорящего над слушающим, императивную картину мира в сознании участников коммуникации, наличие методов воздействия на адресата.

Литературно-критический дискурс нередко осмысливается как форма властного дискурса. Так, М. Берг осмысливает литературную критику как участника присвоения / перераспределения власти и символического капитала в разные литературные периоды [Берг, 2000], В. Смолененкова акцентирует внимание на властных формах публицистической аргументации, которая характерна и для критики [Смолененкова, 2005], С. Силецкая указывает на властную природу критического дискурса, где «доминирующей интенцией автора является убеждение читателя в истинности излагаемых положений, а необходимым

условием ее реализации их успешное языковое выражение» [Силецкая, 2001, с. 5], Ю. Говорухина доказывает, что «властное воздействие проявляется в разных направлениях критической деятельности: по отношению к художественному тексту (шире – литературному явлению) в акте интерпретации, по отношению к читателю в процессе коммуникации» [Говорухина, 2013, с. 123]. Однако в названных работах обнаруживается пробел в описании форм запретов, механизмов их формирования и функционирования. Запреты, существующие в критическом тексте в большинстве своем имплицитно, представляют особый интерес в рамках исследования патриотического литературно-критического дискурса, отличающегося крайней степенью идеологичности, мышлением оппозициями, в том числе «свой-чужой». С одной стороны, исследование неявных запретов позволяет получить представление о языковых способах их выражения, присутствия в тексте, с другой – выявить дискурсивные установки, определяющие актуальную для патриотической критики систему ценностных ориентиров.

Цель данной статьи заключается в выявлении имплицитных форм запретов в патриотической литературной критике, описании способов их реконструкции. Выбранный нами предмет не исследовался ранее. Материалом послужили критические статьи, опубликованные в «толстых» патриотических журналах 2000-х годов.

Имплицитная форма бытования запретов в критическом дискурсе объясняется властной установкой критика – убедить читателя в истинности своих суждений, воздействовать на его картину мира. Своего рода «симптомами» присутствия неявного запрета в тексте, на наш взгляд, можно считать приемы, направленные на формирование у читателя негативного представления о ценностно чуждом писателе/художественном явлении, на подрыв авторитета «чужого».

Одним из распространенных приемов воздействия в критических статьях является апелляция к страху в сознании читателя, механизм действия которого зарождается в далеком прошлом (табуированное явление еще в архаическом обществе вызывало страх). Критик изображает ценностно чуждое явление как разрушительное, ведущее к гибели, небытию, духовной смерти читателя и нации в целом. Так, В. Лютый в статье «Козье копытце» пишет о разрушительном воздействии эстетики постмодернизма: он определяет само явление как «лужу», «отстойник» и противопоставляет его «живой воде», «святому источнику» традиции, которую тот «сломил» своим приходом [Лютый, 2001, с. 269]. Обращаясь к сюжету известной сказки, в которой напившийся из козьего копытца мальчик стал козленком, критик указывает читателю, что постмодернистская литература не способна утолить ду-

ховной жажды, более того, она обезличивает его, лишает души и человеческих качеств. Такая устрашающая перспектива рождает в сознании читателя представление об опасности постмодернизма, что, в свою очередь, является механизмом формирования запрета на ценности, предполагаемые постмодернистской эстетикой.

Имплицитную форму запрета представляет символическая дискредитация «чужого» автора, подразумевающая подрыв его авторитета. В данном случае можно говорить об осуществляемой критиком тактике обличения, которая направлена на создание резко отрицательного образа писателя или явления. Являясь дискурсом властным, идеологическим, патриотическая критика активно использует данную тактику, широко применяемую в политическом и юридическом дискурсах. В критическом тексте символическая дискредитация позволяет создать отрицательный образ запрещенного явления, доказав его художественную или иную несостоятельность, разоблачить «чужого», подорвать его авторитет и тем самым привлечь читателя к себе.

Наглядным примером осуществления символической дискредитации является статья Н. Кржижановского «Феномен голого короля», посвященная Б. Пастернаку. Критик ссылается на ряд разоблачающих работ, в частности, на исследование В. Сафонова, цель которого «снять с писателя ореол безупречности и продемонстрировать несоответствие уровня его творчества сложившимся оценкам» [Кржижановский, 2008, с. 285]. Суждения вроде «литературная слава Пастернака явно превышает его заслуги», «факт причисления романа “Доктор Живаго” к образцам отечественной классики унижает российскую действительность» направлены на символическую дискредитацию писателя, усомнение в его высоком статусе и художественной ценности его произведений. Критик также указывает на обнаруженные в произведениях писателя «разнообразные и серьезные недостатки», среди которых называет смысловые, логические и лексические ошибки, грамматические недочеты, неудачные метафоры и сравнения, «некомпетентные, по-детски наивные суждения», «дефицит зрелой мысли», посредственность и поверхностность суждений, фальшивость сцен. Этим Н. Кржижановский подчеркивает несостоятельность Пастернака как писателя, представляет его как «дилетанта и графомана». Таким образом, последовательно указывая на те или иные слабые стороны творчества Пастернака, развенчивая сложившиеся мифы о писателе, критик подрывает его авторитет в глазах читателя и формирует запрет на мировоззрение, присущее разоблаченному писателю: в первую очередь, на «пастернаковское христианство», подразумевающее под собой приоритет личности над общностью, который прочитывается критиком как эгоцентризм, отрыв от народа.

Мощным воздействующим потенциалом обладает прием лишения художественной ценности «чужого» явления, который также является вариантом символической дискредитации. Сущность данного приема в условиях раздела литературного поля выражается, по П. Бурдые, в «конфликте дефиниций», когда «каждый агент пытается навязать другим границы поля, в наибольшей степени удовлетворяющие его интересам», настаивает на истинности / неистинности таланта художника, тем самым формируя литературное поле [Бурдые, 2000]. Так, в статье «Современный авангард и определение искусства» В. Крылов отрицает «самостоятельность и глубину философской позиции современного искусства», ставит под сомнение обоснованность и правомерность их эстетической позиции, выводит его за рамки искусства в целом: «В произведениях авторов-концептуалистов нет ни искусства, ни духовной культуры, ни эстетики, ни произведений искусства» [Крылов, 2002, с. 262]. Тем самым критик представляет современный авангард как лишенный художественной, эстетической ценности, не отвечающий критериям подлинного искусства. Данная установка направлена на формирование запрета на стратегию примитивизма в современном искусстве, которая ведет к обесцениванию художественного произведения, выведению его на бытовой уровень.

Одним из основных «симптомов» запрета в статьях критиков-патриотов выступает означивание «чужого» как врага, идеологического противника. Механизм формирования запретов в данном случае основан на формируемом у читателя чувстве неприятия, ненависти или презрения по отношению к «чуждому» явлению. Для этого критик-патриот нередко использует тактику обвинения в отношении противника: он приводит факты, подтверждающие его враждебную, захватническую позицию по отношению к России, народу, русской культуре – значимым ценностным ориентирам патриотов. Так, В. Бондаренко в статье «Жизнь с открытым сердцем», стремясь вызвать негативную реакцию адресата, пишет, что «либералы злорадно предвидят исчезновение русской нации как ненужной в мировом сообществе», а представителя либералов Дмитрия Быкова называет «изменником», который «не стесняясь пишет о трупе России» [Бондаренко, 2000, с. 258]. Критик демонстрирует читателю бездушие либералов, глумящихся над бедственным положением своих соотечественников. Все это позволяет создать образ либерально настроенного интеллигента как не просто чужого, а врага русского народа, предателя, противника, с которым нужно бороться.

Еще одним средством формирования запрета является лишение текста / автора статуса «русский» / «национальный». Понятие «русскости» и сопряженное с ним понятие «национального» занимают цен-

тральное место в системе ценностных ориентиров критиков-патриотов, являются значимыми критериями в оценке «своего-чужого». Отказ в русскости знаменует собой выведение автора/явления из актуального ценностного поля патриотов и помещение в зону запрета. Для формирования запрета критики прибегают к актуализации оппозиции «русский – русскоязычный». В статье Ю. Павлова «Случай эстетствующего интеллигента» критик выводит В. Маяковского в сферу «чужого», определяя его как «новый тип отечественного писателя, сознательно порвавшего с национальными традициями, утверждавшего своим творчеством ценности, не совместимые с православными ценностями русской литературы» [Павлов, 2008, с. 282]. Критик отказывает Маяковскому в русскости, в его принадлежности к русской национальной литературе; признавая величайший поэтический талант, он называет его «одним из первых и одним из самых “химически чистых” русскоязычных авторов в словесности XX века» [Павлов, 2008, с. 282]. Поэт отчуждается, выводится в зону запрета как за темы своего творчества, несоприродные патриотическому дискурсу, так и за поддержку революции, которая в понимании критика является «погромом», актом «человеконенавистничества», «узаконенной русофобией».

Итак, литературно-критический дискурс, обладающий рядом признаков властности (воздействующая направленность на адресата, наличие приемов и тактик убеждения, претензия на общезначимость суждения), обнаруживает многообразие имплицитных форм запретов, которые могут быть обнаружены по своеобразным «симптомам». В качестве основных «симптомов» запрета в патриотическом дискурсе выделяются следующие: апелляция к страхам в сознании читателя, символическая дискредитация, изображение «чужого» как вражеского, символическое лишение «чужого» писателя / явления статуса «русский» / «национальный». Проведенный анализ позволил сделать вывод о своеобразной «зоне запрета», в которой критики-патриоты располагают как коммунистический строй, повергнувший «крестьянскую цивилизацию», так и либеральную идеологию, получившую широкое распространение в России в 90-е годы. Кроме того, к запрещенным в литературно-критическом дискурсе «патриотов» относятся явления русофобства, атеизм, авангардистское искусство, противоборство с традицией, эстетика и философия постмодернизма.

Литература

Андрюхина Т. Язык власти и власть языка: политический дискурс // Право и управление. XXI век. 2013. № 3.

Бадретдинов З.А. Конструирование дискурса власти в социальном мире: формальная и содержательная стороны // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 2. Ч. 1.

Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М., 2000.

Бондаренко В. Жизнь с открытым сердцем // Наш современник. 2000. № 2.

Бурдые П. Поле литературы // НЛЮ. 2000. № 45.

ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и государстве. М., 2013.

Говорухина Ю.А. Власть, запреты, нарушения без наказания в современной литературной критике // Новое литературное обозрение. 2013. № 119.

Кржижановский Н. Феномен голого короля // Наш современник. 2008. № 4.

Крылов В. Современный авангард и определение искусства // Наш современник. 2002. № 7.

Лютый В. Козье копытце (Еще раз о постмодернизме) // Наш современник. 2001. № 10.

Павлов Ю. Случай эстетствующего интеллигента // Наш современник. 2008. № 5.

Силецкая С.С. Литературно-критический дискурс Томаса Элиота: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001.

Смоленкова В.В. Риторическая критика как филологический анализ публичной аргументации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Тюпа В.И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М., 2010.

Филлипс Л., Йогерсен М. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2008.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. М., 1996.

Dave Elder-Vass. The causal power of discourse // Journal for the theory of social behavior. 2011. Vol. 41. № 2.

БИБЛЕИЗМЫ КАК ВЕРБАЛИЗАТОРЫ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЕЙ М.И. МИХЕЛЬСОНА И В.И. ДАЛЯ)

А.Ю. Швидченко

Ключевые слова: крылатая единица, библеизм, лексикография, концепт, национальное сознание.

Keywords: popular idiomatic expressions, biblical word, lexicography, concept, national consciousness.

Современное состояние фонда библеизмов – крылатых слов и выражений, генетически связанных с Библией, – достаточно полно отражено в лексикографических трудах. Их анализ позволяет утверждать, что библеизмы составляют один из самых значительных пластов крылатых единиц (КЕ) современного русского языка, который активизиру-

ется по мере того, как общество приобщается к религиозной культуре, знакомится с текстами Священного Писания, молитв, проповедей. По подсчетам С.Г. Шулежковой «библейзмы составляют около 20% фонда КЕ русского языка» [Шулежкова, 2013, с. 8]. По ее наблюдениям, в «русском литературном языке функционирует около 1000 библейских слов и выражений» [Шулежкова, 2013, с. 8].

Являясь одним из самых мощных пластов фонда КЕ, библейзмы являются вербализаторами ключевых концептов русского национального сознания.

В.А. Маслова пишет, что «с точки зрения авторитетного русского религиозного журнала “Вышенский паломник”, генетический код, вошедший в сознание нашего народа, в его менталитет и духовный опыт, может быть репрезентирован концептами Слово, Творец, Истина, Добро, Благо, Мир, Свобода, Польза, Человек, каждый из которых обладает сакральными смыслами в пределах концептосферы русского православного сознания» [Маслова, 2005, с. 17].

Данные концепты, появившиеся в древности и существующие до наших дней, можно отнести к константам русской культуры. «Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 2001, с. 43].

Библейские КЕ, будучи неотъемлемой частью русского языка, на протяжении тысячелетия, прошедшего после крещения Руси, претерпевали структурные, стилистические и коннотативные изменения, функционируя в узусе с различной степенью интенсивности. При всестороннем исследовании библейских КЕ необходимо учитывать не только состав их корпуса, но и денотации и коннотации библейзмов русского языка в разные исторические эпохи.

Работы В.И. Даля и М.И. Михельсона, увидевшие свет во второй половине XIX – начала XX века, дают наглядную и объективную картину состояния фондов пословиц, поговорок, метких ходячих слов и выражений русского языка, а также их функционирования в речи народных и литературно-образованных кругов России, где особое место занимают библейские КЕ.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля значительно отличается от труда М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» не только превосходящим количеством словарных статей, но и своей близостью к народной речи.

М.И. Михельсон рассматривал в своей работе слова и выражения устной и письменной литературной речи, толкуя их смысл, и нередко приводя их иноязычные соответствия, сопровождая описываемую еди-

ницу примерами из классической русской, немецкой, французской, итальянской и английской литературы. В сборник М.И. Михельсона включены цитаты выдающихся зарубежных классиков, таких, как Никола Буало, Вольфганг Гете, Генрих Гейне, Кристофер Марло, Жан-Батист Мольер, Жан-Батист Расин и Вильям Шекспир, а также синонимичные безымянные выражения из различных европейских языков. Его историко-этимологические толкования до сих пор используются в трудах отечественных лексикографов.

М.И. Михельсон собрал довольно разнородные языковые единицы, опираясь прежде всего на принцип их образности и функционально-стилистической эффективности в литературных текстах. Вместе с выражениями из русского литературного языка в его сборнике широко представлены просторечные выражения. Он стремился представить в сравнении не только связь русского языка с другими европейскими языками, приводя множество иноязычных параллелей, но и красоту народной речи.

В «Толковом словаре живого великорусского языка», материал для которого В.И. Даль собирал более пятидесяти лет, помещены тысячи пословиц, поговорок, присловий, примет, загадок, элементов заговоров, закличек, библеизмов, прямых цитат из летописей и Священного Писания – всего того, чем богат русский язык. В.И. Даль посвятил свой труд исключительно народной речи. По словам самого автора, «это не есть труд ученый и строго выдержанный; это только сбор запасов из живого языка, не из книг и без ученых ссылок» [Даль, т. 1, 1978, с. XL]. Именно такой подход к составлению словаря помог лексикографу зафиксировать и сохранить «слепок» живой народной речи современников, позволяющий в настоящее время лучше понять некоторые процессы развития русского языка: условия появления и исчезновения определенных групп слов и выражений, их стилистическое и коннотативное перерождение.

В труде В.И. Даля в каждой статье даются краткие толкования к словам и выражениям, среди которых нередко диалектизмы и жаргонизмы. Автор указывает на происхождение инициальной единицы, приводит синонимы, включая пословицы, присказки, загадки и приметы, содержащие ключевое слово словарной статьи. Словарная статья, таким образом, уподобляется гнезду родственных слов и выражений. Слова, как выразился составитель, объединены в «одногнздки», чтобы избежать утомительного азбучного порядка. Даль пишет: «одногнзсками называю я глагол с производными: существительными, прилагательными, наречиями и другими частями речи» [Даль, т. 1, 1978, с. XXXV].

Отбиблейские слова и выражения, представленные в словаре В.И. Даля, по степени родства с текстом Священного Писания и количественному составу можно условно разделить на три группы.

К первой группе относятся библеизмы, возникшие на основе притч, сюжетов и образов Библии. Такие выражения, как *Всякое деяние благо* [Даль, т. 1, 1978, с. 412], *Бог дает день, даст и пищу* [Даль, т. 1, 1978, с. 412], *смирение паче гордости* [Даль, т. 1, 1978, с. 378], *скудельный сосуд* [Даль, т. 4, 1980, с. 212], *египетская работа* [Даль, т. 4, 1980, с. 5], широко представлены в современных лексикографических трудах и знакомы носителю русского языка нашего времени. Нужно отметить, что треть библеизмов данной группы выступает в качестве просторечных вариантов библеизмов литературного языка. Так, выражение *Врачу, исцелися сам*, зафиксированное в словаре М.И. Михельсона и доныне находящееся в употреблении именно в подобной литературной форме, в словаре В.И. Даля приводится в разговорной форме: *Врач, уврачуи наперед свой недуг* [Даль, т. 1, 1978, с. 260].

Примером стремления русской народной речи к ясности, простоте формы и содержания служат такие библейские КЕ, как *Голым родился, голым умру* [Даль, т. 1, 1978, с. 371] (ср.: *Наг я вышел из чрева матери, наг и уйду*); *Всякой вещи время* [Даль, т. 1, 1978, с. 260] (ср.: *Всему свое время и всякой вещи, под солнцем*); *Раскуют мечи свои на рала* [Даль, т. 4, 1980, с. 621] (ср.: *перековать мечи на орала*) и др.

Ко второй группе относятся краткие, нередко трансформированные обороты библейской тематики на церковнославянском языке: *Да будет всяк человек скор услышати, и косен глаголати* [Даль, т. 4, 1980, с. 205]; *Очистим себе от всякия скверны плоти и духа* [Даль, т. 4, 1980, с. 194]; *Ни нога скотія не поступит; Скотен бых у тебе* [Даль, т. 4, 1980, с. 205]; *Аще кто во брани своей возлазает на тя, не ретися* [Даль, т. 4, 1980, с. 314].

Достаточно широкая представленность подобных единиц в словаре указывает на то, что эти обороты имели хождение в народной речи, играя роль наставлений в различных жизненных ситуациях. В.И. Даль писал, что в словаре «церковный язык наш исключен, но приняты все выражения его, вошедшія в состав живаго языка» [Даль, т. 1, 1978, с. XXX]. Вторая группа выражений весьма немногочисленна, и лишь некоторым из подобных единиц автор дает пояснения, позволяющие предположить, что смысл данных ходячих выражений был понятен носителям языка.

Третью группу составляют КЕ, связанные с Библией опосредованно. Данная группа представлена наибольшим числом слов и выражений. В нее входят все пословицы, поговорки, загадки, присловья, не встреча-

ющиеся в Библии, но возникшие в процессе философского переосмысления русским народом текстов Священного Писания в соответствии с собственным мировоззрением: *Всякий скот Божья тварь, а иной человек от дьявола* [Даль, т. 4, 1980, с. 207]; *Сильна Божья рука* [Даль, т. 4, 1980, с. 109]; *Без веры Господь не избавит, без правды не спасет* [Даль, т. 1, 1978, с. 33]; *Кто Бога не боится, тот, и людей не стыдится* [Даль, т. 1, 1978, с. 122]; *Кто добро творит, тому Бог оплатит* [Даль, т. 1, 1978, с. 443]; *Бога зови, а черта не гневи* [Даль, т. 1, 1978, с. 362].

Интересно наличие оценочной семы, содержащейся в семантической структуре некоторых выражений: *Гневен Бог Моисеев, милосерден Христос; Не авраамья, не исаакья, не иаковья, не ханжи*. Первое выражение является явным свидетельством того, с какой любовью русский народ относился к образу Иисуса Христа, а также содержит в себе ясное отличие ветхозаветного понимания Бога от новозаветного, где Бог словами Иисуса был назван любовью. Второе же отличается отрицательной коннотацией и выражает негативное отношение к тем, кто выставляет свою набожность напоказ, ханжески кичится своим благочестием. Православие, ставя в пример христианам древних подвижников и патриархов, в то же время всячески призывает людей к смирению и предостерегает их от искушения тщеславием или прелестью, в которую неминуемо впадает человек, возгордившийся своим благочестием. Именно поэтому в народной речи образы библейских патриархов в данных выражениях подверглись негативному переосмыслению.

Так, на основе образа Авраама, библейского патриарха и образца благочестия возникла лексема *авраамиться*, которая означает «ханжить благочестием» и обладает негативной коннотацией. Столь же негативное значение имеет выражение *Аноха-праведник* (от имени библейского старца Еноха), имеющее значение 'простака, простофиля, дурачок'. О ветхозаветном патриархе Енохе известно лишь, что он отличался особым благочестием.

В народном сознании явственно присутствует подозрительное и презрительное отношение к показному благочестию, что полностью соответствует заповедям святых отцов, призывающих к смирению, кротости и сокрытию своих духовных достижений, так как намеренная их демонстрация и последующая за этим гордость тут же отнимают у человека благодать Божию.

Помимо слова *авраамиться*, на основе библейских сюжетов и образов возникло слово *ерихониться* «хорохориться, ерепениться, важничать, упрямиться». По ветхозаветной легенде хорошо укрепленный город *Иерихон* долгое время не сдавался противнику, но был захвачен еврейским войском под предводительством Иисуса Навина, когда стены

города пали чудесным образом – «*Верою пали стены Иерихона по семидневном обхождении*» (Евр. 11:30).

В словаре М.И. Михельсона, в котором содержится 11405 словарных статей, гораздо больше библейских КЕ, обладающих литературной формой (*Пелена спала* [Михельсон, т. 1, 1994, с. 18], *стереть с лица земли* [Михельсон, т. 1, 1994, с. 413], *под студом* [Михельсон, т. 1, 1994, с. 65], *под своей смоковницей* [Михельсон, т. 1, 1994, с. 65], *Перед Богом все равны* [Михельсон, т. 1, 1994, с. 23], *обоюдоострое оружие* [Михельсон, т. 1, 1994, с. 751], *Отцы ели клюкву, а у детей оскомины на зубах* [Михельсон, т. 1, 1994, с. 767]).

Встречаются выражения с архаичными элементами (*Не о хлебе едином жив будет человек* (ср. *не хлебом единым*) [Михельсон, т. 1, 1994, с. 664], *морского песка паче (как песка морского)* [Михельсон, т. 1, 1994, с. 31]; *Да мимо идет от меня чаша сия* (ср.: *Да минует меня чаша, сия*) [Михельсон, т. 1, 1994, с. 224]), отбиблейские пословицы и поговорки (*По бороде Авраам, по делам хам* [Михельсон, т. 1, 1994, с. 47]; *Полубится сатана пуце ясна сокола* [Михельсон, т. 1, 1912, с. 80]; отрывки из молитв (*Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его; Да воскреснет Бог и расточатся врази Его* [Михельсон, т. 1, 1994, с. 222]).

Необходимо отметить, что наиболее широко в массиве библейских КЕ обоих словарей вербализован концепт «Бог». Бог в христианской традиции предстает не только в триединстве Бог Сын, Бог Отец и Святой Дух, но и Творцом, Вседержителем, Судьей, Отцом, Врачом, Спасителем.

Михельсон приводит 51 библейское крылатое выражение, вербализующее концепт «Бог», в то время как Даль – 40. Вторым концептом по представленности можно признать концепт «Грех» (Михельсон – 13 КЕ, Даль – 14 КЕ) и «Душа» (Михельсон – 12 КЕ, Даль – 11 КЕ), затем следуют концепты «Дьявол» («Бес», «Сатана») (Михельсон – 12 КЕ, Даль – 5 КЕ), «Человек» (Михельсон – 5 КЕ, Даль – 9 КЕ), «Любовь» (Михельсон – 3 КЕ, Даль – 6 КЕ); «Дух» (Михельсон – 3 КЕ, Даль – 5 КЕ), «Добро» (Михельсон – 3 КЕ, Даль – 5 КЕ), «Вера» (Михельсон – 3 КЕ, Даль – 5 КЕ).

Анализ двух словарей позволяет увидеть, какие библейские единицы вышли из употребления. Словарь М.И. Михельсона содержит гораздо больше библейских КЕ (около 500), ибо включает как просторечные, так и литературные библеизмы. В словаре В.И. Даля содержится в два раза меньше библейских крылатых единиц в общепринятом виде, но намного больше пословиц, примет и присловий, возникших на основе библейских образов и сюжетов.

Такие единицы являют собой чаще всего неполные и измененные эквиваленты библейских единиц. Причина этого кроется в творческом обыгрывании и переосмыслении библейских сюжетов. Существование библеизмов на церковнославянском и русском языках значительно обогатило фонд библеизмов современного русского языка и является его отличительной особенностью.

Библейские крылатые единицы, несмотря на все исторические «перипетии», остаются не только выразительными языковыми средствами, но и конденсатами христианских ценностей и установок.

Литература

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М., 1978–1980.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
- Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2-х тт. М., 1994. Т. 1–2.
- Шулежкова С.Г. От земли обетованной к небесам обетованным (очерки о судьбах библейских крылатых выражений). М., 2013.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМАНТЫ В ДЕРИВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ РУССКИХ И УКРАИНСКИХ АНТРОПОНИМОВ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В.Ф. Ибрагимова

Ключевые слова: антропонимы, аффиксация, суффикс, аффикс, интерфикс, словообразовательные модели.

Keywords: anthroponomy, affixation, suffix, affix, infix, word-building patterns.

Ономастическая система выступает в качестве своеобразной призм, через которую можно видеть общество и культуру, в ней отражается познавательный опыт народа, его культурно-историческое развитие. В то же время имена собственные, выполняя ряд схожих социальных функций, имеют свои особенности в каждом конкретном языке, входя в систему данного языка, развиваясь по его законам.

Вторая половина XX века отмечена бурным развитием морфемики и словообразования как самостоятельных разделов науки о языке. В течение этого периода были поставлены кардинальные вопросы в де-

риватологии. К ним прежде всего относятся вопросы дифференциации морфемного состава и словообразовательной структуры, определение основных понятий деривационного анализа и др. В области дериватологии (словообразования) следует отметить труды В.А. Богородицкого, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Е.А. Земской, И.С. Улуханова, В.И. Теркулова, А.В. Петрова и Л.А. Петровой. Ими реализована на практике система динамического словопроизводства, отвечающая современным представлениям о многообразии форм деривации и полипроизводности в образовании апеллятивов и онимов. Словообразовательная система русского языка характеризуется довольно большим количеством формантов. В связи с этим возникает необходимость определения и выбора соответствующего форманта при образовании антропонимов. В этом заключается актуальность проделанного исследования.

Рассмотрение формантов представляет особый интерес в плане семантики, ибо каждый конкретный формант несет определенную семантическую нагрузку и предопределяет семантику соответствующего слова.

Цель нашего исследования: осуществить анализ способов словообразования русских и украинских антропонимов тюркского происхождения. Для этого мы рассмотрели суффиксацию собственных имен существительных.

Под формантами в ономастике принято понимать те повторяющиеся части имен собственных, которые их формируют как имя собственное. Формант можно определить и как средство выражения словообразовательного значения. С.В. Акулова при определении функции форманта отмечает, что «в отличие от базы, составными частями которой могут быть лишь семантически значимые (двусторонние) единицы – слова, их основы и морфемы, формант может выражаться как морфемными (семантическими), так и морфонологическими (асемантическими) средствами. Те и другие средства в процессах словообразования вступают между собой в многообразные отношения, которые и предопределяют комплексный характер выражения форманта. Эти отношения непосредственно связаны со способом словообразования и особенностями того или иного словообразовательного типа внутри своего способа» [Акулова, 1987, с. 386].

К форманту также относится интерфикс, выполняющий строевую функцию в простых антропонимах в сочетании с суффиксом. Ф.А. Ганиев выделяет специфические интерфиксы в тюркских языках. Он считает, что все интерфиксы выполняют ярко выраженную языковую функцию, поэтому их невозможно считать нефункциональными

(асемантическими). Лингвист выделяет в словообразовательной структуре следующие интерфиксы: «й», «в», «н», «ш», «с» и т.д. [Ганиев, 2009, с. 63]. Среди указанных исследователем интерфиксов, наиболее частотным в антропонимах является *-н*: *Котлуба/н/енко*, *Котлуба/н/ский*, *Хаджи/н/ов*, *Кара/н/ец*, *Сабн/н/ин*, *Шах/н/юк*, *Шах/н/енко*.

Наш материал выявил частотные и уникальные интерфиксы антропонимов.

К частотным относятся:

- ч: *Асад/ч/енко*, *Бай/ч/енко*, *Бай/ч/ук*, *Басман/ч/енко*, *Бурма/ч/енко*, *Татарн/ч/енко*, *Татар/ч/ин*, *Тур/ч/ин*, *Тур/ч/енко*, *Чабан/ч/енко*, *Шарав/ч/енко*;
- к: *Баба/к/ов*, *Бай/к/ов*, *Ховал/к/ин*;
- л: *Багай/л/юк*, *Бузов/л/ев*;
- а: *Бик/а/енко*, *Курм/а/каев*.

К уникальным относятся:

- о- саба → *Саб/о/даш*;
- ин- тула → *Тула/ин/ов*;
- й/-ий- Ахтем → *Ахтем/ий/чук*, *нагай* → *Нага/й/чук*;
- и- котлубай → *Котлуб/и/цкий*;
- ив- баглан → *Баглан/ив/ский*;
- ож- бурачак → *Бурч/ож/ок*;
- ц- курув → *Курув/ц/енко*;
- де- бай → *Бай/де/бура*;
- ц- казан → *Казан/ц/ев*.

Выявлены случаи интерфиксации, сопровождающиеся усечением производящей основы. Усечению подвергаются основы при присоединении интерфикса *-ш*: *курман* → *Курма/ш/ов*, *ермак* → *Ерма/ш/ов*.

Усечение производящей основы наблюдается в следующих случаях: *фисташка* → *Фисташ/енко*, *Фисташечко*; *патлажан* → *Патлаж/ей*, *ярмак* → *Ярм/ьш*, *Ярм/ьш/енко*, *Ярм/ушко*.

При образовании антропонимов наблюдается чередование согласных фонем: *к//ч балк* → *Балыченко*, *байрак* → *Байрачный*, *башмак* → *Башмаченко*, *сердюк* → *Сердюченко*, *ташлык* → *Ташлыченко*; *з//ж печенег* → *Печенежский*.

Наложение морфов наблюдается на морфемном шве суффиксальных морфем *-енко* и *-ов*: *Балыч/енк(о)* → *Балыченк/(о)в*, *Гул/енк(о)* → *Гуленк/(о)в*, *Ермач/енк(о)* → *Ермаченк/(о)в*, *Калитин/енк(о)* → *Калитиненк/(о)в*, *Лабаз/енк(о)* → *Лабазенк/(о)в*, *Макиш/енк(о)* → *Макишенк/(о)в*, *Парч/енк(о)* → *Парченк/(о)в*, *Шам/енк(о)* → *Шаменк/(о)в*.

В.А. Кравченко отмечает, что фамилии содержат в своем составе генетически разнородные аффиксы, которые отражаются «в их deriva-

ционно-морфемной структуре, в их «разнонациональной» форме» [Кравченко, 2002, с. 11]. При определении структурных типов фамилий по формальным признакам мы основывались на классификации, предложенной исследователем.

Материал показал, что русские и украинские фамилии с тюркской основой образуются при помощи славянских суффиксов и тюркских аффиксов.

Фамилии, оформленные суффиксами *-ов / -ев, -ин, -ик* у русских относятся к середине XVII века. Н.М. Ганжина пишет, что русские фамилии при своем возникновении в подавляющем большинстве случаев имели формы притяжательных (то есть давались по предкам, реже владельцам, и отвечали на вопрос чей?), поэтому основная масса русских фамилий имеет суффиксы *-ов (-ев), -ин*. Различие между ними формальное: суффикс *-ов* добавлялся к прозвищам или именам на твердый согласный или к прозвищам-прилагательным (*Кутуз – Кутузов, Игнат – Игнатов, Гаврило – Гаврилов*), суффикс *-ев* – к именам или прозвищам на *-ь* или же на согласную *-й*: *Аггей – Аггеев, Авдей – Авдеев, Берсень – Берсенов, Юрий – Юрьев, Кремень – Кремнев, Скобель – Скобелев, Бегич – Бегичев* и т.п. [Ганжина, 1992].

Формант *-ин-* использовался при образовании фамилий, мотивированных отцовским именем / прозвищем, оканчивающимися на гласную (в основном *-о, -а*): *Кирка – Киркин, Апухта – Апухтин, Скворода – Сквородин, Репня – Репнин, Полтина – Полтинин* и др.

Русские фамилии в основном образуются от аппелятивов, патронимов, прозвищ, реже матронимов. Будучи патронимическими по происхождению, суффиксы *-ов/-ев, -ин* являются лишь формальным элементом, вводящим фамилии с любой основой в «русский ряд» и нейтрализующим их этническую особенность.

Антропонимы с суффиксами -ов, -ев. Фамильный суффикс, обозначающий отчество или принадлежность, добавляемый к именам, прозвищам, заимствованным фамилиям, заканчивающимся на *-ой* или твердую основу. Присоединение суффикса *-ов* в качестве готового фамильного форманта к русским фамилиям тюркского происхождения шло автоматически, «без правил», в обход морфонологических принципов русского антропонимного образования.

Суффикс *-ов* присоединяется:

– к аппелятивным основам: *бурун* «нос» → *Бурун/ов, тавшан* «заяц» → *Тавшан/ов, берекет* «прибыль» → *Берекет/ов* и др.

– к патронимическим основам: *Аблез* → *Аблез/ов, Сефер* → *Сефер/ов, Мансур* → *Мансур/ов, Якуб* → *Якуб/ов* и др.

Б.О. Унбегаун связывает это с тем, что «на Руси в XVI веке было модным давать детям шуточные имена, включая и мусульманские, такие как Мансур, Мурат или Салтан, в качестве внутрисемейных имен. От них образовались затем фамилии, не отличимые от подлинных фамилий тюркского происхождения» [Унбегаун, 1989, с. 293].

Суффикс *-ев* содержится в русских фамилиях тюркского происхождения, образованных от основ на шипящую, в безударной позиции: *бантыш* ‘родинка’ → *Бантышев*, *баш* ‘голова’ → *Башев*, *кайдаш*, *койдеш* ‘односельчанин’ → *Кайдашев*, *адаш* ‘тетка’ → *Адашев*.

Выявлены случаи присоединения суффикса *-ев* к основам неизменяемых лексем на гласный *-и*: *демерджи* ‘кузнец’ → *Демерджиев*, *кумурджи* ‘угольщик’ → *Кумурджиев*, *арабаджи* ‘извозчик’ → *Арабаджиев*, *танаджи* ‘телятник’ → *Танаджиев* и др.

Фамильный суффикс *-ев* присоединяется к именам, прозвищам и заимствованным фамилиям, оканчивающимся на *-й*: *Бакшей* → *Бакше/ев*, *Баглай* → *Багла/ев*, *Котлубай* → *Котлуба/ев*.

Антропонимы с суффиксом -ин. Фамилии созданы по модели образования притяжательных прилагательных русского языка: *балык* ‘рыба’ → *Балыкин*, *чабан* ‘пастух’ → *Чабанин* и др. При образовании отдельных антропонимов с суффиксом *-ин* между основой и суффиксом появляются интерфиксы *-ик*, *-к*, *-г*: *анна* ‘мама’ → *Ана/шк/ин*, *баба* ‘папа’ → *Бабашкин*, *ага* ‘брат’ → *Ага/г/ин*, *Буян* → *Буян/к/ин*, *Парч/ин* → *Парчин/к/ин*.

Как видим, различие суффиксов не связано с семантикой фамилий, поскольку его смысл «утрачен еще в общеславянском языке, выбор *-ов* или *-ин* зависит только пережиточно от фонетического признака основы» [Никонов, 1974, с. 136].

Выбор патронимического суффикса в зависимости от характера конечного элемента основы, как правило, оправдан в исследуемых нами антропонимических единицах. Однако, как отмечают А.В. Суперанская и А.В. Сулова, перебой традиций намечается с середины XIX века, когда появляется значительное количество искусственных фамилий. Здесь довольно широко представлен суффикс *-ов* даже в тех случаях, где у естественно сложившихся фамилий был бы *-ин* [Суперанская, 1973].

Антропонимы с суффиксом -ик. *Кирник* ‘ресница’, *Кушик* ‘птичка’, *Тереник* ‘глубокий’, *Тылик / Тилык* ‘язык’, *Тютюник* ‘табак’, *Фесик* ‘шапочка’, *Чуник* ‘щепка, прутик’, *Юзик* ‘лицо’.

Антропонимы с суффиксом -ник. *Майданник* ‘площадь’, *Кавунник* ‘дыня’, *Нагайник* ‘ногай’, *Тютюнник* ‘табак’.

Антропонимы с суффиксом -чик. Адамчик ‘человечек’, Гуньчик ‘денек’, Ерчик ‘земля’, Куянчик ‘зайчик’, Кирчик ‘грязь, пятнышко’.

Антропонимы с суффиксом -н. Отдельные русские фамилии образованы от различных именных основ при помощи суффикса -н: Жемчужн/н/ый, Кабачн/н/ый, Камышн/н/ый, Байрачн/н/ый, Подбайрачн/н/ый, Кульбачн/н/ый. Антропонимы формально совпадают с прилагательными в формах именительного падежа мужского или женского рода.

Отмечены единичные случаи присоединения к тюркской основе флексии *-ых*: Чубар → Чубар/ых, Чал → Чал/ых, Ярын → Ярн/ых. В русском антропонимиконе фамилии такого типа относятся к застывшим формам родительного падежа множественного числа: *Крученых, Островских, Польских, Черных, Седых* [Русская грамматика, 1980].

Сосуществование морфодеривационных ономастических моделей русского и украинского языков в одном пространственно-временном континууме свидетельствует о толерантности языковой среды; преобладание русскоязычных моделей – о доминировании внешнеязыковых (средовых) факторов (российской государственности и русского языка как государственного).

Литература

Акулова С.В. Формант как комплексная единица словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1987. Ч. 1.

Ганжина И.М. Тверская антропонимия XVI в. в социально-историческом и лингвистическом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1992.

Ганиев Ф.А. К вопросу об интерфиксах в тюркских языках // Научный Татарстан. 2009. № 4.

Кравченко В.А. Антропонимия Приазовских греков в ее отношениях с украинской и русской антропонимиями: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 2002.

Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974.

Петров А.В. Деривационная активность общеупотребительных заимствованных слов в русском и украинском языках // *Przejawi internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Siedlce, 2009.

Русская грамматика: в 2-х тт. М., 1980.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Унбегаун Б. Русские фамилии. М., 1989.

СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

М.Н. Крылова

Ключевые слова: юмор, шутка, языковая личность, сравнительные конструкции, прецедентный феномен.

Keywords: humor, joke, linguistic person, comparative constructions, precedent phenomenon.

Юмор – одно из самых жизнеутверждающих проявлений человеческой сути, помогающих человеку преодолеть неприятности, скрасить скучные будни, проявить свои способности, воздействовать на собеседника. Юмор – явление, примиряюще человека с жизнью и в то же время помогающее видеть все происходящее более реально. Юмор – то небольшое, что отличает человека от животных и именно поэтому делает его человеком. Формируемое с самого раннего детства желание шутить способствует процессу взросления, социализации, а позже – помогает языковой личности занять свое место в мире, адекватно оценивать происходящее, оптимистично воспринимать трудности и преодолевать их.

Из двух разновидностей юмора – юмора ситуаций (характеров) и языкового юмора, менталитету русского человека традиционно более близок языковой юмор, реализуемый посредством каламбуров, метафор, гипербол и сравнений. В современном языке все более популярным средством создания шуток становится сравнение как языковой прием, предполагающий сопоставление субъекта с объектом (образом) при помощи каких-либо языковых средств – союзов, предлогов, компаратива (сравнительной степени), глаголов сравнительной семантики, сочетания *похож на* и др.

В современной лингвистической науке отсутствуют системные исследования языковых средств выражения юмористического вообще и сравнения как такого средства, в частности, на материале современного языка. Юмор в языке изучается в основном как объект переводческой деятельности, см., например, исследования Ц. Годун [Годун, 2010], К.А. Ланиной [Ланина, 2013], Е.К. Мирошник [Мирошник, 2012] и др. Лучше других изучено такое средство создания юмористического, как каламбур, см. работы А.В. Волкогоновой, С.И. Красса [Волкогонова, 2014], О.С. Зубковой, М.В. Ушкаловой [Зубкова, 2014], А.М. Ломова, А.П. Бабушкина [Ломов, 2015] и др. Разновидности каламбура, среди которых и такие, которые основаны на сравнении, его трансформациях, рассматривались ранее и автором [Крылова, 2012]. Сравнения как средство создания сатирического исследовались на ма-

териале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» [Золотарева, 2009], на материале современного языка исследования отсутствуют.

Цель данной статьи – рассмотрение особенностей и способов создания юмористических смыслов с помощью сравнения в современном русском языке. Материалом стали более 6 300 сравнительных конструкций, извлеченных методом сплошной выборки из текстов современного русского языка самой различной специфики.

Сравнения, имеющие юмористический характер, встречаются в первую очередь в текстах юмористической направленности – телесериалах, юмористических телепередачах, цель которых – привлечь внимание и смешить.

Количественные подсчеты показали, что в среднем около двадцати пяти процентов сравнительных конструкций, используемых языковой личностью на данном этапе развития языка, являются юмористическими. При этом юмористические сравнения встречаются среди конструкций, апеллирующих к любой группе образов. Современная языковая личность преследует при создании сравнений прагматические, прикладные цели, стремится точно, с юмором выразить мысль и поэтому предпочитает образы, связанные с концептами «вещь», «человек», «животное», а также с прецедентными феноменами.

Нередко юмористически, иронично звучат сравнения, создаваемые с целью характеристики персонажей. В них внешность человека (фигура, одежда, поведение) сравнивается с предметами. Предметные ассоциации (сравнение с предметом) нередко призваны подчеркнуть смешное, несуразное в наблюдаемых персонажах: «*Мама, ты с этими лялочками выглядишь как ветчина в сеточке*» (телесериал «Моя прекрасная няня»). Такие сравнения «выступают как один из способов создания портретных характеристик персонажей, помогают раскрыть их внутренний мир» [Золотарева, 2009, с. 46]. Особенно часто наблюдаются юмористические сравнения с предметными образами – продуктами питания: «*Кельнер, как конфетка фантиком, обтянут белым форменным фартуком*» (С. Есин. Марбург). Овеществление в сравнениях с образами предметного мира становится одним из способов создания не только внешне смешного сравнения, но и образа глубоко ироничного, демонстрирующего уменьшение значимости гуманистической составляющей в личности нового времени.

Богатый материал для создания юмористических, ироничных сравнений дают образы, связанные с экономическими отношениями: «*Прямо не женщина, а машина представительского класса*» (телесериал «Моя прекрасная няня»). Творческое переосмысление объектов сравнения из мира техники часто проявляется посредством придания

сравнению юмористического звучания, в частности, оттенка насмешки над их кажущейся значительностью, например: «*Ты, Машка, – укоризненно сказал Севка, – как интернет. Информации много, а пользы никакой!*» (А. Жвалевский, Е. Пастернак. Гимназия № 13). Интересно, что даже такая серьезная группа образов, как объекты, связанные с оружием, не исключает создания юмористических сравнительных конструкций: «*Я ж холостой, как патрон*» (телесериал «Моя прекрасная няня»). В юмористическом звучании используются даже образы, связанные с христианством: «*Они у тещи как грешники в аду: ни бежать, ни повеситься*» (сат. монолог С. Ещенко).

Создание юмористического образа также одна из целей сравнения с человеком, при этом субъектом сравнения может тоже быть человек: «*У меня ноги прямые, как извилины у твоего папочки*» (телесериал «Моя прекрасная няня»), могут быть животные: «*Кошки, как и женщины, любят ушами. Иначе коты бы так не орали*» (анекдот) или предметы неживого мира: «*Деньги словно дети: какими бы они ни были большими, они всегда кажутся нам маленькими*» (телепередача «КВН»). В последних двух случаях созданию шутки служит очеловечивание, то есть парадоксальное восприятие действительности.

Для создания юмористических сравнений с объектами из мира животных языковая личность нередко выбирает экзотические образы животных, не живущих в России. Безосновательность сравнения при этом можно рассматривать как одно из проявлений юмористического миропреобразования, демонстрацию фантазии носителя языка: «*Рожа наглая? – Как у пьяной мармышки*» (худ. фильм «Антибумер»); «*И живот твой стонет, как динозавр во время кладки яиц*» (сат. монолог С. Ещенко). Сложно представить, стонал ли и как именно стонал динозавр во время кладки яиц, и сравнение таким образом лишено основания, но языковая личность выбирает именно этот образ для создания шутки, опираясь на умение реципиента фантазировать.

Ирония, создание юмористических описаний может стать целью языковой личности при использовании в сравнении заимствованного слова: «*За двумя столами, сплошь уставленными всевозможной офисной аппаратурой и похожими на неприступные блокпосты, окопались две секретарши...*» (Б. Акунин. Алтын-толобас). В этом случае заимствованное слово не действует обособленно, а вступает в тесные смысловые связи со всем описанием, в сравнении, приведенном выше, к примеру, создавая параллель между комнатой секретарей и военным объектом.

Особенно часто юмористически звучат сравнения, в которых что-либо сопоставляется с прецедентным феноменом – именем, тек-

стом, ситуацией. В толковом словаре С.И. Ожегова «прецедент» описывается как «случай, служащий примером или оправданием для последующих случаев этого же рода» [Ожегов, 1999, с. 586]. С лингвокультурологической точки зрения прецедент наполнен культурным смыслом и состоит в отсылке языковой личности в речи к тому или иному широко известному в данной языковой картине мира тексту, имени, ситуации.

Помогает говорящему создавать яркие, юмористические сравнения рекламный прецедентный текст: «Ты выглядишь *как герой*, только *герой соцрекламы про вред пьянства*» (телесериал «Возвращение Мухтара»); «*Не рожь, а реклама пива*» (О. Маркеев. Черная луна).

Имена деятелей шоу-бизнеса – продюсеров, музыкантов, певцов, светских львиц, дизайнеров – становятся прецедентными именами и нередко в сравнениях с юмористическим эффектом. Здесь языковая личность дает понять, что не является безропотным потребителем масс-культуры, относится к популярности шоу-личностей критически, с насмешкой, что и проявляется в юмористическом характере большей части создаваемых сравнений, например: «*Мы, Настя, с вами будем как “Тату” в возрасте*» (телепередача «Без комплексов», Полита).

Нередко юмористическое, с необычной мотивацией использование прецедентных имен из сферы искусства (личных имен и названий произведений искусства), например: «*Такие женщины как Венера Милосская. – В смысле – безрукие? – В смысле – хороши на расстоянии*» (телесериал «Все смешалось в доме»).

Часто наблюдается юмористическая трактовка исторических эпизодов, например: «*На работу пошел с такой неохотой, как Джордано Бруно за дровами*» (сат. монолог С. Ещенко); «*Оказываются, велосипеды, как панфиловцы, погибая, губят все вокруг*» (г. «Веселая семейка»). В этом случае создается стилистический контраст между высоким смыслом исторического эпизода и его сниженным стилистическим использованием, что и служит одним из способов создания юмористического.

При использовании прецедентных текстов из набора школьной программы авторы нередко циничны, словно из протеста к излишнему интересу и вниманию к данным авторам и текстам, которые вынуждены были проявлять в школьные годы. Например: «*Миша он как Пушкин, черный, но русский*» (телесериал «Детективы»); «*Если будешь подходить к делу, как Анна Каренина к паровозу, у тебя будут большие проблемы*» (телесериал «Кодекс чести»); «*Да перестань смотреть на меня, как Анна Каренина на паровоз*» (телесе-

риал «Агент национальной безопасности»). Впрочем, юмористические комментарии на грани цинизма встречаются и по отношению к произведениям не из школьной программы: «*Это элементарно, как Ватсон*» (телепередача «Москва: инструкция по применению»).

Выбор прецедентного феномена в качестве объекта сравнения чаще всего обуславливается стремлением сделать высказывание более ярким, привлечь к нему зрителя или слушателя. Этому часто способствуют и цинизм фразы, и юмористическая окраска, и неожиданность ассоциаций.

Привлечь внимание можно также созданием контрастного звучания образа сравнения и всего высказывания, например: «*Вы как добрый дядя Айболит: конечности ломаются, как правило, не одна*» (телепередача «Без рецепта»). Образ доктора Айболита связан в сознании обычного человека с доброй сказкой, здесь же прямо противоположное, оксюморонное употребление, создающее одновременно юмористическое звучание фразы и ассоциацию с образом врача-садиста, также имеющимся в сознании зрителя. Помимо семантического контраста, юмор может создаваться с помощью контраста стилистического «...*Улыбаюсь и вспоминаю свое замечательное детства, которое было расцвечено матами, как весенний луг цветами*» (Интернет-форум). Однако, как мы уже отмечали ранее, стилистически контрастные «юмористические сравнения, при создании которых языковая личность в стремлении привлечь внимание к мысли и фразе и насмешить реципиента переходит какие-либо этические границы» [Крылова, 2014, с. 46], являются неудачными, хотя и звучат смешно: «*Шиншиллы живут до 25 лет. Почти как Лермонтовы*» (телепередача «КВН»).

Анализ грамматических разновидностей юмористических сравнений показывает, что чаще всего с юмористической целью используются сравнения в форме сказуемого, построенные по модели: субъект сравнения – союз *как* – объект сравнения – основание сравнения. Рассмотрим ряд примеров: «*Женщины – как дети, чуть что – сразу в слезы и к маме. Женщина – как Петр Первый, хочет жить в столице, заставляет брить бороду и мечтает поехать в Европу. Женщина – как ипотека, на 30 лет и по 10 тысяч в месяц. Женщина – как посольство, может и не разрешить с друзьями в Тайланд ехать. Женщина – как шахматы, чуть не в ту сторону шаг, сразу мат. Женщина в торговом центре – как маршрутка, пока не крикнешь – не остановится. Женщина – как театр, сегодня комедия, завтра трагедия, а послезавтра гастроль в другом городе. Женщина – как преподаватель на экзамене, вроде готовил-*

ся, все правильно рассказал, а она тебя хоп и на какой-то мелочи подловила» [Лепрозорий, 2015]. Для сравнений данного структурного типа свойственно наличие подробного, основательного объяснения сопоставления, которое и несет основное юмористическое звучание.

Кстати, в шутках такого рода особенно ярко проявляется мнение языковой личности о нарушениях житейских норм. Исследование подобных выражаемых посредством шутки представлений о норме и антинорме, по мнению С.В. Буренковой, может «стать ключом к познанию определенных стереотипов поведения, принятых в той или иной лингвокультуре», «выявить значимые для культуры нормы и типичные табу, так как предметом шуток и насмешек становится именно разного рода нарушенность» [Буренкова, 2012, с. 140].

Такое большое количество сравнений в форме сказуемого, их афористичность, актуальность и разнообразие используемых в них образов, юмористический или мудрый характер пояснений к ним делают сравнения в форме сказуемого одним из наиболее ярких структурных типов сравнения, используемых в современном языке. Кстати, постпозиционное положение разъясняющего шутку основания сравнения не является характерным только для этой структурной разновидности. Встречается такая особенность и при сравнении в форме глагола: «*Банк напоминает мне фильм “Пила”. Они дают тебе кредит на 20 лет и смотрят, как ты пытаешься выжить*» (телепередача «КВН») и в других структурных типах.

Среди других структурных разновидностей сравнения юмористический характер могут иметь сравнительные обороты, неполные придаточные предложения и некоторые другие. Встречаем интересные сравнительные обороты и создаваемые с их помощью образы. Например: «*Красный, как кровь убитого врага. Желтый, как полуденное солнце. Зеленый, как крокодил, притаившийся в африканской реке. Красный, желтый, зеленый... Смотрите на улицах города!*» (телепередача «Невовремя»). В неполных придаточных предложениях достаточно часто автор оперирует медийными образами, именно с их помощью делая сравнение свежим, необычным: «*Расселся, как Обама на теледебатах*» (телепередача «КВН»); «*Что вы раскричались, как Киркоров на журналистов?*» (телесериал «Папины дочки»).

Юмористическое звучание присуще каламбурным преобразованиям устойчивых сравнений. Часто оживление устойчивых сравнительных конструкций служит для создания юмористических ха-

рактических персонажа: «*Он будет круче фабержовых яиц*» (сат. монолог Е. Шифрина).

Допущенные намеренно, с юмористическими целями грамматические ошибки иногда звучат достаточно удачно, в духе карнавализации: «*Степановна, мы с тобой среди этих кроликов как две Маугли среди джунглей*» (телепередача «Аншлаг»); «*Ну, здравствуйте! Прямо как в аргентинском кинематографе*» (телесериал «В ритме танго»). Говорящий при этом бравит «неправильностями» в своей речи, стремится подчеркнуть свою обособленность от вековых традиций русского литературного языка. При этом именно ошибка делает сравнение юмористическим, без нее оно звучало бы нейтрально.

Итак, сравнение оказывается одним из ярких способов создания юмора в современном русском языке. Юмористическим целям служит широкий круг образов сравнения: объекты из мира природы, предметного мира, сферы техники, экономики, религии. Наиболее актуальной грамматической разновидностью для выражения юмористических смыслов является сравнение с помощью сказуемого с разъяснением юмористического основания сопоставления в постпозиции. Структура сравнения, включающая субъектную и объектную части, разнообразие языковых способов выражения сравнения делают его актуальным для современной языковой личности средством создания юмора.

Литература

- Буренкова С.В. Нарушения житейских норм и языковая игра // Омский научный вестник. 2012. № 2 (106).
- Волковова А.В., Красса С.И. Каламбур – языковая игра – карнавализация // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 3.
- Годун Ц. Реконструкция русского юмора в китайских переводах // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 3. № 2.
- Золотарева С.А. Сравнения как средство сатирического изображения в тексте поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 2.
- Зубкова О.С., Ушкалова М.В. Лингвосомиотическая модель каламбура // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 4 (32).
- Крылова М.Н. Каламбур как особый вид тропа // Русский язык и литература для школьников. 2012. № 9.
- Крылова М.Н. Правильно ли мы сравниваем? // Русская речь. 2014. № 6.
- Ланина К.А. Гиперболизация как стратегия перевода английского юмора в художественных текстах на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 15 (675).
- Лепрозорий. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/leprazoy>.

Ломов А.М., Бабушкин А.П. Каламбур как вид языковой игры: механизмы образования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1.

Мирошник Е.К. Лингвистические средства выражения авторской иронии и их перевод // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 4.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

ВЛИЯНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ ПАРАМЕТРОВ НА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ

Т.А. Полтавец

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, медиатекст, дискурсивные признаки, функционально-стилевое своеобразие, адресат, адресант, экспрессивность.

Keywords: popular science discourse, media text, discursive signs, functional and stylistic originality, sender, receiver, expressiveness.

Постановка проблемы

В современной лингвистике функционируют два близких по содержанию термина – функциональный стиль и дискурс. Согласно Н.И. Клушиной, первый существует в рамках системной научной парадигмы, второй принадлежит коммуникативной парадигме [Клушина, 2011, 26]. В рамках данного исследования под дискурсом будет пониматься совокупность текстов, объединенных экстралингвистическими условиями, под функциональным стилем – отличительные черты дискурса, характеризующие его на уровне языковой системы. Задача исследования состоит в том, чтобы проследить, какое влияние оказывают на языковое воплощение научно-популярных текстов дискурсивные – коммуникативные, экстралингвистические – параметры.

История вопроса

Научно-популярный дискурс широко представлен в российском медиапространстве. Выделяются научно-популярный, научно-публицистический, научно-просветительский подвиды текста, в разное время предпринимаются попытки их классификации по разным осно-

ваниям [Лазаревич, 1978, Розенталь, 1987, Денисов, 1970, Граудина, Ширяев, 1996, Колоев, URL].

Результативный пример классификации научно-популярных периодических изданий, произведенной с учетом познавательных и коммуникативных стратегий авторов и редакций, представлен в работе М.В. Литке [Литке, 2014]. Итогом предложенной классификации становится выделение следующих типов: корпоративный журнал, качественно-массовый научно-популярный журнал, универсальный энциклопедический научно-познавательный журнал и универсальный энциклопедический научно-просветительский журнал [Литке, 2014, 65]. Первые два различаются целевой аудиторией, последние отличаются от первых охватом материала, и между собой – коммуникативной стратегией. Таким образом, дифференцирующими параметрами классификации оказываются адресат, материал, цели, стратегии авторов. Хотя исследователь не пользуется термином «дискурс», все указанные параметры входят в схему анализа институционального дискурса, предложенного В.И. Карасиком [Карасик, URL].

Однако такая классификация не дает возможности проследить, как изменение указанных дискурсивных параметров отражается на функционально-стилистическом оформлении текстов.

Характеристика материала

В рамках исследования были проанализированы тексты научно-популярного журнала «Наука и жизнь» (№1 за 2016 год) и тексты раздела «Новости» одноименного интернет-портала, опубликованные за период с 01 по 31 января 2016 года. Объем материала составил 46 и 48 текстов соответственно.

В соответствии с классификацией М.В. Литке, журнал «Наука и жизнь» может быть определен как универсальный энциклопедический научно-познавательный журнал. Целевая аудитория журнала представлена максимально широко: структура номера предусматривает материалы, рассчитанные на детей (раздел «Ума палата»), на широкий круг читателей, интересующихся наукой (основная масса текстов), на читателей, обладающих специальными познаниями в какой-либо научной области; учитываются также интересы читателей, не ориентированных на науку вовсе (материалы рубрик «Хозяйке – на заметку», «Домашнему мастеру», «Дела домашние»). Проблематика журнала также охватывает широкий диапазон – помимо сообщений о научных открытиях и технических инновациях в номере представлены материалы о жизни научного сообщества, художественные тексты, занимательные факты, практические советы, кроссворды, задачи на логику. Основываясь на

аудитории и проблематике журнала, можно сделать вывод о коммуникативных стратегиях редакции – информирование читателей, развлечение, помощь в решении практических задач.

Портал «Наука и жизнь» в соответствии с той же классификацией может быть охарактеризован как качественно-массовый научно-популярный. Его тексты характеризуются однородностью, это всегда научно-популярные статьи, сообщающие о результатах современных научных исследований. Целевая аудитория – широкий круг интернет-пользователей, не обладающих специальными познаниями в области науки. В текстах реализуются коммуникативные стратегии привлечения внимания, увлечения с целью стимулирования их к продолжению процесса познания, информирования и развлечения.

Описание методики исследования

На первом этапе исследования дискурсы портала и журнала были описаны по модели, предложенной В.И. Карасиком [Карасик, URL]. Полученные описания были сопоставлены, найдены точки расхождения. На втором этапе отобранные для анализа тексты были охарактеризованы по выделенным ранее [Полтавец, 2015, с. 116] стилистическим параметрам: экспрессивное изложение материала, возможность использования как объективной, так и субъективной модальности, соотношение информативной и воздействующей функций. Затем результаты первого и второго этапов были сопоставлены между собой, и на основании этого сопоставления были выведены определенные закономерности. В ходе анализа рассматривался только вербальный текст, невербальные иллюстрации не являлись объектом исследования.

Очевидное различие функционально-стилистического оформления текстов журнала и портала обусловлено, на наш взгляд, следующими компонентами дискурса:

1) Хронотоп. Журнал, купленный читателем или взятый им в библиотеке на время, содержит ограниченный объем информации, и он оказывается в распоряжении читателя на некоторый, определенный срок. Читатель может освоить его целиком или выбрать самое интересное, к остальному он может вернуться потом, потому что журнал статичен.

В интернете читатель может найти отдельный текст по ссылке, прочитать его и больше никогда к нему не вернуться, или прервать чтение, перейдя по гиперссылкам к другим материалам. Такое возможно в условиях современного информационного потока.

2) Адресат. Журнал рассчитан на широкую читательскую аудиторию, и при этом имеет строгую рубрикацию, помогающую читателю

сориентироваться (для детей; для интересующихся наукой; для интересующихся практическим применением научных знаний). Поэтому тексты в одном журнале могут значительно различаться по своим характеристикам. Портал также стремится привлечь к себе широкий круг читателей, но избирает для этого другую стратегию. Его тексты строятся таким образом, чтобы быть понятными и интересными всем категориям читателей.

3) Цели. Тексты журнала направлены в большей степени на информирование, в меньшей степени – на развлечение читателя. Портал одновременно информирует, развлекает читателя и выполняет рекламную функцию. Интернет-пользователь, зашедший по сторонней ссылке на сайт журнала и ознакомившийся с новостными материалами на сайте, потенциально способен купить и журнал (речь идет о pdf-копии, а не о журнале на бумажном носителе).

4) Адресант. На портале появляются материалы только штатных корреспондентов, за рассмотренный период были опубликованы материалы четверых из них. При этом основная масса текстов написана двумя журналистами, один из которых специализируется в области естественных наук, другой – в гуманитарной области, предметная область третьего автора ограничена физическими науками, четвертый автор представил лишь один материал, связанный с проблемами экологии. Автором статьи для журнала может стать любой специалист, приславший материалы в редакцию. Этот принцип находит отражение при указании авторов статей – так, в рассматриваемом номере журнала авторами выступили академик, доктор наук, кандидаты наук (5), специалисты (2), писатели (2). В двух случаях было указано имя автора и университет, к которому он имеет отношение.

5) Прецедентные тексты. Тексты портала представляют собой переработанные материалы англоязычных научно-популярных сайтов (интересно, что даже в том случае, когда оригинальная статья была опубликована в русскоязычном научном журнале (есть гиперссылка на аннотацию статьи на официальном сайте института) источником публикации все равно является англоязычное научно-популярное издание). Либо, значительно реже (зафиксировано три случая), тексты основываются на материалах пресс-релизов отечественных научных институтов (следовательно, в качестве источника материала тоже выступает не собственно-научный текст, а его переработка). В сочетании с предыдущим пунктом это способствует выработке относительно унифицированной модели подачи материала.

Для авторов журнала действует строгое ограничение «материалы, ранее опубликованные в других изданиях, в том числе в Интернете, к

рассмотрению не принимаются, за исключением специально переработанных для журнала по согласованию с редакцией» [О журнале «Наука и жизнь», URL]. В связи с этим подавляющее большинство текстов не имеет указаний на источник материала; исключением являются информационные заметки в специализированных рубриках, цель которых как раз и заключается в том, чтобы информировать читателей журнала о новостях, опубликованных в других, преимущественно зарубежных источниках.

Анализ функционально-стилистических особенностей текстов журнала и портала дал следующие результаты.

А. Функционально-стилевое описание журнала «Наука и жизнь»

Для текстов журнала «Наука и жизнь» характерно более **сдержанное, менее экспрессивное изложение материала**, что выражается в меньшей насыщенности текстов средствами выражения экспрессии. На наш взгляд, этому способствует редакционная политика отбора авторов. Многие тексты написаны опытными исследователями, которые прекрасно владеют материалом, но не специализируются на изложении научных результатов широкому кругу читателей. Кроме того, источником материала в этом случае служат непосредственно научные тексты тех же самых авторов, или знания, почерпнутые ими в других научных публикациях.

Примером такого текста может служить статья *"Бактерии спасают... бактерии"*, написанная кандидатом биологических наук О.Ю. Ксенофонтовой, чья диссертация посвящена взаимодействию пестицидов и микроорганизмов почвы. Для текстов, построенных на переработке научной информации научными сотрудниками для читателей-неспециалистов, характерно сохранение особенностей научного текста, прежде всего – обилия терминов. Эта сложность компенсируется упрощенным синтаксисом предложений, введением разговорных конструкций, а также повторами, помогающими читателям воспринять информацию. Статья О.Ю. Ксенофонтовой начинается так: *Борьба с сорняками с помощью ядохимикатов (их называют гербицидами), очевидно, имеет оборотную сторону. Эти опасные химические соединения губят не только сорняки, но и микроорганизмы, обитающие в почве. Причём речь идёт о микроорганизмах, которые, по сути, почву и создают, то есть о почвообразующих бактериях.* Введя основные термины, необходимые для понимания смысла текста, автор переходит к описанию этапов исследования, и постепенно всё большее количество терминов возникают в тексте без объяснения – вероятно, автор переходит к привычному для него способу изложения: *Создание соб-*

ственно *биопрепарата* на основе отобранного *штамма* было следующим этапом работы. Для этого сначала мы *оптимизировали* процесс *культивирования* штамма для получения *рабочей взвеси*, содержащей клетки *Pseudomonas putida* в определенной концентрации. Для внесения в почву эту взвесь "помещали" в *микрочапсы*, изготовленные из *сорбирующего материала*. Полагаем, что для понимания текста в этом случае нужны обоюдные усилия – автор старается изменить привычную для него манеру изложения, а читатель, в свою очередь, старается усвоить общий смысл текста, и через него интерпретировать незнакомые понятия. Такой сложной, многоэтапной работе, направленной на понимание текста, в большей степени способствует хронотоп журнала, нежели интернет-портала.

Частотные способы выражения экспрессии, способствующие диалогу автора с читателем, – традиционные вопросно-ответные конструкции, структурирующие текст и активизирующие внимание читателя (подробнее об этом см. [Милевская, 1985]); указанные конструкции размещаются преимущественно в начале текста (с их помощью нередко определяется предмет исследования, после того, как определена область) *Однако как он влияет на почвенные бактерии? Насколько он токсичен, как долго сохраняет эффективность?; 2) Способны ли соматические мутации в нейронах головного мозга провоцировать развитие нейродегенеративных заболеваний?* Также часто встречается прием включения адресата с помощью форм совместного действия *Подождем, пока сойдет снег* и конструирования в тексте читательской реакции *«У меня волосы дыбом встали!» – говорим мы; Ну вот, скажет радостно читатель, пусть с минералом наврали, но ведь правда, сорбент добавили, значит, работает!* Также ожидаемо в текстах присутствует оценочная лексика, фразеология содержащая либо оценочные эпитеты и адвербиальные «осложнители» [Дегальцева URL]: *злосчастный, безумно увлекательно*, либо разговорные и разговорно-просторечные обороты типа *сложить лапки, никуда не денется, по прикидкам, пренебрегать всякой мелочью, старая добрая азбука Морзе, таскать на себе шубу* и др.

Реже используется *ирония*. Впрочем, в одном из текстов она является сквозным приемом, что обусловлено целью написания материала (статья под названием «Натуральное минеральное надувательство», целью которой является разоблачение мифов, транслируемых в рекламе). Ирония может выступать как самостоятельный прием и в комбинации с другими способами выражения экспрессии – например, с риторическим вопросом *Шелковистым блеском обладают такие волокнистые материалы, как селенит (разновидность гипса) и различные*

виды асбеста. Так отчего бы маркетологам не сделать шампунь с асбестом? Ах, да, все знают, что асбест вредный, а гипс годится только для шпатлёвки и фиксации переломов...

Тексты журнала написаны в **объективной модальности**. Единственное исключение – тексты жанра интервью, предполагающие высказывание именно субъективной позиции по обсуждаемым вопросам. Но и в таких текстах содержатся объемные фрагменты объективной научной информации. Для большинства текстов характерна обратная ситуация – при доминирующей объективной модальности возможны вкрапления субъективной в виде авторского комментария *Во Франции начал работать телеканал для собак. Показывают сцены отдыха, бурных игр и дрессировки. Все кадры сняты с уровня высоты глаз средней собаки (видимо, нужно и телевизор ставить пониже)*. Общее доминирование объективной модальности, как и **преобладание информативной функции** над воздействующей, может быть объяснено, во-первых, спецификой состава авторов журнала, во-вторых, доминированием цели информирования читателей над остальными.

В целом можно сказать, что тексты журнала «Наука и жизнь» имеют много общего с научными текстами. Для них характерна невысокая степень экспрессивности, объективная модальность и коммуникативная установка на информирование читателя.

Б. Функционально-стилевое описание интернет-портала «Наука и жизнь»

Характеристики текстов интернет-портала «Наука и жизнь» [Наука и жизнь, URL] значительно отличаются от перечисленных выше.

Во-первых, у текстов портала **степень экспрессивности варьируется** в зависимости от авторства текста и источника материала. Как уже было отмечено ранее, основная масса всех текстов портала (42 из 48), опубликованных за январь 2016 года, написана двумя авторами. Один из них, Егор Антонов, специализируется на гуманитарных науках и предпочитает нейтральный стиль изложения, другой, Кирилл Стасевич, работает и в гуманитарной, и в естественнонаучной областях и насыщает тексты различными средствами выражения экспрессии. Оба они в своей работе используют не научные первоисточники, а материалы англоязычных научно-популярных порталов либо пресс-релизы российских научных текстов. В результате тексты портала представляют собой результат двойной трансформации (научный текст → научно-популярный англоязычный текст / пресс-релиз → научно-популярный текст). Принцип строения таких текстов зеркально противоположен текстам журнала – сложные синтаксические конструкции

строятся практические без употребления терминологической лексики *Родители разобрали их по домам, так что психологи не имели возможности наблюдать, как дети с ними играют и что при этом происходит; но зато каждой семье дали специальное звукозаписывающее устройство* (Полезны ли детям электронные игрушки?, 8.01.2016). Средства выражения экспрессии аналогичны перечисленным выше, однако используются они иначе и список их расширяется за счет средств, встречающихся только в интернет-текстах.

Риторические вопросы встречаются не только в начале текста, они могут завершать его – таким образом, они служат и средством выражения иронии, и приглашают читателя к диалогу: *Интересно, авторы этой работы – не убедили они, часом, самих себя в существовании фейсбук-аддикции?* (Почему мы возвращаемся в Фейсбук, 6.01.2016). Прием включения адресата используется гораздо чаще, помимо форм 1 л. мн.ч. встречается моделирование ситуации, вызывание эмоции, сопереживания, например: *Представьте, что день начался не слишком удачно: вы проспали, опаздываете на работу и уже на полпути к метро вдруг понимаете, что в спешке забыли взять важный документ. Оценочная лексика и фразеология игрушки, нашигованные электроникой, со своими чадами, завалить ребенка такими устройствами, на них можно наткнуться прямо на пляже, покинули сей мир* и др. обогащается за счет авторских метафор *уйти из-под фейсбучного «проклятия», цукербергово детище, злостные одиночки* (Полезны ли детям электронные игрушки?, 8.01.2016, Почему мы возвращаемся в Фейсбук, 6.01.2016, Альтруизм спасает от стресса 4.01.2016).

Во-вторых, тексты портала могут обладать **и объективной, и субъективной модальностью**. Это связано с тем, что на сайте публикуются не только результаты исследований, но и интерпретация этих данных, а также гипотезы, которые высказывают ученые на основании вновь полученных данных. Поэтому в текстах нередко присутствуют маркеры субъективной модальности *Повторим, что пока нельзя сказать, насколько фатальным может быть влияние электронных игрушек; во всяком случае, так считают авторы открытия; Однако, как уверяют психологи из Йеля* (Полезны ли детям электронные игрушки?, 8.01.2016, Кем были древние китайские карлики, 5.01.2016, Альтруизм спасает от стресса 4.01.2016) и др. Использование таких материалов позволяет привлечь внимание большего количества читателей.

В-третьих, основной функцией текстов портала также является **информирование**, в некоторых случаях она дополняется функцией **побуждения**. Это возможно в случае, когда предмет исследования является значимым не только и не столько для социума в целом, но для

каждого человека (а значит, и для каждого читателя). Например, так завершается статья, сообщающая, что радость от материальных подарков длится дольше, чем от нематериальных *Так что относится к «вещным» подаркам с пренебрежением определённо не стоит* (Вещи дарят радость, 2.01.2016).

Выводы

Таким образом, мы видим, что функционально-стилистические особенности научно-популярного текста комплексно реализуются в готовом тексте, который является материально зафиксированным результатом воздействия совокупности дискурсивных параметров. Если специфику научно-популярного дискурса в целом определяют прежде всего параметры адресата и цели [СЭС, 2003], то разнообразное функционально-стилевое оформление текстов внутри единого дискурса объясняется влиянием совокупности двух указанных и других параметров. Хронотоп воздействует на соотношение синтаксической и лексической сложности текста, его насыщенность терминами; цели и адресант – на выбор объективной или субъективной модальности (и они же в первую очередь определяют доминирующую функцию текста), все параметры в той или иной степени оказывают влияние на степень экспрессивности текста и способы ее проявления. Безусловно, взаимодействие дискурсивных параметров между собой и их влияние на функционально-стилистические особенности научно-популярных текстов требуют дальнейшего изучения.

Литература

- Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи и эффективность общения М., 1996.
- Денисов П.Н. Еще о некоторых аспектах изучения языков науки // Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. М., 1970.
- Карасик В.И. О типах дискурса. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruslang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/>
- Клушина Н.И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2011. Вып. 9.
- Колоев А.С. Научно-просветительские издания как типологическая ниша. [Электронный ресурс]. URL: <http://mediascope.ru/?q=node/1089>
- Лазаревич Э.А. Искусство популяризации науки. М., 1978.
- Литке М.В. Научно-популярные и научно-познавательные журналы: проблема типологической классификации // Журналистский ежегодник. 2014. № 3.
- Милевская Т.Е. Средства выражения речевого контакта в русском языке (вопросно-ответный комплекс в научно-популярных произведениях): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1985.

Полтавец Т.А. О некоторых функционально-стилистических особенностях научно-популярных текстов в масс-медийном дискурсе (на примере материалов газеты «Троцкий вариант») // Филология и человек. 2015. № 1.

Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1987.

Источники

Альтруизм спасает от стресса // Наука и жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/news/27856/> (дата обращения 31.10.16).

Вещи дарят радость // Наука и жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/news/27857/> (дата обращения 31.10.16).

Кем были древние китайские карлики // Наука и жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/news/27879/> (дата обращения 31.10.16).

Наука и жизнь. 2016. № 1.

Ксенофонтова О. Бактерии спасают... бактерии // Наука и жизнь. 2016. № 1.

Новости // Наука и жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/news/> (дата обращения 13.10.16).

О журнале «Наука и жизнь» // Наука и жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkj.ru/about/> (дата обращения 16.10.16).

Полезны ли детям электронные игрушки? // Наука и жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkj.ru/news/27853/> (дата обращения 31.10.16).

Почему мы возвращаемся в Фейсбук // Наука и жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/news/27855/> (дата обращения 31.10.16).

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТАТАРСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН С КОМПОНЕНТАМИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ¹

Г.С. Хазиева-Демирбаиш

Ключевые слова: антропонимия, этнолингвистика, татарские личные имена, физические и психологические особенности, этнокультурный знак, компоненты цветообозначений.

Keywords: anthroponymy, ethnolinguistics, Tatar personal names, physical and psychological features, ethnocultural sign, the components designating color.

Совокупность воззрений, взглядов и представлений, мировосприятий этноса, народа об окружающем мире и месте человека в нем, обуславливающая основные жизненные ориентации людей и отражающая религиозные, философские воззрения человека и представляющая ис-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Республики Татарстан при Президиуме Академии наук Республики Татарстан (гос.№ 18-62 – ф Г – 2016).

торическое обобщение социального и духовного опыта прошлого, обрывает этнокультурное пространство, закрепленное и отраженное не только в культуре, в стереотипах поведения, в обрядах и обычаях, но и в традициях имяназвания, в антропонимической системе народа. Этнокультурное пространство – это «информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство существования и функционирования человека, которое становится осязаемым при столкновении с влияниями культуры» [Маслова, 2004, с. 32; Алефиренко, 2010, с. 6]. Поэтому этнокультурный фактор в антропонимике имеет существенное значение в функционировании и развитии антропонимикона народа. В связи с этим изучение этнокультурного пространства функционирования личных имен раскрывает широкие и разнообразные связи татарской антропонимии с этнографией, материальной и духовной культурой татарского народа.

В каждом языке существуют различные способы идентификации и индивидуализации человека, в которых используются свои языковые средства. В антропонимической системе в этой роли выступают различные антропокомпоненты и антропоформанты. Информационное, личное, социальное, этнокультурное поле личного имени – это физическая, интеллектуальная, психологическая, биологическая, моральная характеристика, этнокультурная особенность индивида, его отнесенность к какой-либо национальной, социальной, территориальной принадлежности, которые наиболее ярко представлены в именах, отражающих сенсорные оценки нарекающего. В категорию сенсорной оценки входит лексика, отражающая физические (цвет кожи, глаз, лица и др.) и психические (интеллектуальные, эмоциональные) ощущения человека [Артутюнова, 1999, с. 210]. Исходя из этого, в статье анализируются семантические особенности татарских личных имен, содержащих компоненты цветообозначений в этнокультурном пространстве языка. Основным критерием отбора собственных имен, содержащих в своей основе цветообозначения, является изучение этнокультурной специфики языка, так как именно данная группа личных имен служит дополнительным средством раскрытия сенсорной оценки, то есть оценки ощущений, чувственного опыта человека. Материалом для данного исследования послужили антропонимы, отобранные методом выборки из татарского толкового словаря личных имен [Саттаров, 1998]. В свою очередь, антропокомпоненты и антропоформанты «Древнетюркского словаря» [ДТС, 1969] привлекались для сравнения, сопоставления, выявления исторической связи современных антропонимов с антропонимами древних тюрков. Методологической основой данного исследования стали труды и отдельные статьи по когнитивной лингвистике

Н.Д. Арутюновой, Н.Ф. Алефиренко, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, В.Н. Телия и других исследователей, содержащие важные теоретические положения по вопросу о том, как хранятся знания о мире, как они структурированы в языке в процессе коммуникации; труды концептуального пространства ономастикона, разработанные Е.Л. Березович, М.В. Голомидовой, М.Э. Рут, А.С. Щербак и др. В тюркской ономастике отдельные фрагменты отражения внешнего и внутреннего мира человека отражены в работах Г.Ф. Благовой [Благова, 1982], Г. Кульдеевой [Кульдеева, 2001], Д. Аксана [Аксан, 2001], С. Сакаоглу [Сакаоглу, 1999], А.Г. Шайхулова [Шайхулов, 1983] и др. В татарской антропонимике в монографии Г.Ф. Саттарова уделено внимание анализу компонентов *ак* и *кара* в составе татарских личных имен в лексико-семантическом аспекте. [Саттаров, 1990, с. 12]. Однако до сих пор в татарской антропонимике не предпринимался анализ семантики татарских личных имен с компонентами цветообозначения, отражающих сенсорные оценки человека. В этом смысле предпринятое нами исследование восполняет в определенной мере существующий пробел.

Личные имена с цветообозначающими компонентами, которые отражают сенсорные ощущения (физические и психологические) человека, относятся к древней эпохе. «Тюрки не носили одного и того же имени от рождения до смерти. Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей – чин, мужем – титул, а если это был хан – то титул менялся согласно удельно-лестничной системе» [Гумилев, 1967, с. 90]. Проведенный нами анализ семантики татарских личных имен показал, что в татарском языке имена-дескриптивы направлены на осмысление сенсорных ощущений. В татарской антропонимической системе сенсорные ощущения раскрываются в символических и метафорических значениях цветов (далее. АК и АФ¹): *кара, ак, коба, сары, кук, кызыл, сары, буз, ал, конгырт*. Семантика прилагательных цветообозначения раскрывает физические приметы нарекаемого (цвет глаз, волос, бровей и др. частей тела), а также передает ряд отвлеченных понятий, отражающих психологическую оценку, таких как мудрость, ум носителя имени, его мощь. Древний народ верил в магическое значение цвета. Белый цвет – цвет удачи, чистоты, равновесия; черный цвет – цвет плодородия, земли. В древнетюркских народах желтый цвет – цвет жеманства, благородства. В традициях каждого народа символические значения цветов раскры-

¹ Под антрокомпонентом (АК) в работе понимается антропонимическая единица, употребляющаяся и как самостоятельный оним, и в качестве детерминатива сложного имени; под антропоформантом (АФ) понимается антропонимический элемент (аффикс), показатель личных имен, встречающихся только в ауслауте онимов.

вают обычаи и нравы, быт, жизнь того или иного народа. Если в русских фразеологических единицах красный цвет – это символ красоты, веселья, радости, то в татарском языке он раскрывает особенности черт характера человека. К примеру, в татарском языке фразеологическая единица *кызыл авыз* (досл. ‘красный рот’) обозначает бестолкового, непроторного человека, *кызыл тел* (досл. ‘красный язык’) выражает сообразительного человека.

Рассмотрим антропокомпонент *кара* ‘черный’, который в древнетюркском языке помимо цветового значения имеет значение ‘сильный, богатый; главный, великий’ [ДТС, 1969, с. 422]. В татарской антропонимике антропокомпонент *кара* чаще встречается в мужских личных именах: *Каракаш* ‘черная бровь’ (где *каш* (т.) ‘бровь’), *Каратән* ‘черная кожа’ (где (т.) *тән* ‘кожа’), *Каракуз* ‘черный глаз’ (где (т.) *куз* ‘глаз’), *Карасакал* ‘черная борода’ (где (т.) *сакал* ‘борода’), *Каракал* ‘черная родинка’ (где (т.) *кал* ‘родинка’) и др.; в женских личных именах: *Карабикә* ‘черная госпожа’ (где (т.) *бикә* ‘госпожа’), *Карабикәч* ‘черная госпожа’ (где *бикәч* ‘госпожа’), *Каракыз* ‘черная девочка’ (где (т.) *кыз* ‘девочка’), *Каракашсылу* ‘красавица с черными бровями’ (*каш* ‘брови’, *сылу* ‘красавица’) и др. В этих именах значение цвета дополняется пожелательным значением. Например, личное имя *Караарслан* – имя-пожелание ребенку смелости как у льва, личное имя *Караби* означает сильного, смелого бая. В тюркских языках компонент *кара* широко распространен. В кыргызском языке встречаются мужские имена *Карабәк* [Жапаров, 1992, с. 21], в турецком языке – муж. имена *Караарслан*, *Чоккара*, *Каракуш*; жен. *Каракаш* [Егoл, 1999, с. 28], в казахском языке – муж. *Карабай*, *Карасай* и др.; жен. *Каракөз*, *Караиаш* [Кульдеева, 2001, с. 211], в башкирском языке – муж. *Карагужа* [Шайхулов, 1983, с. 15].

Согласно В.В. Радлову АК *ак* имеет следующую семантику: ‘белый’, ‘чистый’, ‘прозрачный’, ‘простодушный’ [Радлов, 1963, с. 67]. В древнетюркском языке в данном слове выделяется значение ‘благоприятный’ [ДТС, 1969, с. 48]. Метафорическое значение в личных именах – ‘счастливый’, ‘благословенный’, ‘долгожитель’. Как видно из примеров в татарской антропонимике, в АК *ак* выделяется прямое значение: муж. *Акбит* ‘белое лицо (где *бит* (т.) лицо), *Акбулат* ‘белая сталь’ (где *булат* (п.) ‘сталь’), *Аккылыч* ‘белая мечь’ (где *кызыл* (т.) ‘меч’), *Акчура* ‘белый герой, удалец’ (где *чура* (т.) ‘герой, удалец’) и др.; в женских личных именах *Акбикә* ‘белая госпожа’ (где *бикә* (т.) ‘госпожа’), *Аккыз* ‘белая девочка’ (где *кыз* (т.) девочка), *Аккуз* (т.) ‘белый глаз’ (где *куз* (т.) глаз) и др. По мнению А. Гафурова, компонент *ак* часто встречается как в мужских, так и в женских личных именах: *Акбай*, *Акбулат*,

Аккылыч, Акчура, Акмирза, Актимур; жен., *Акгөл, Аккош, Акйолдыз, Акчәчәк* и др. Конечно, не за близину лица и не из желания видеть сыновей светлокожими называли мальчиков этими именами [Гафуров, 1987, с. 23]. Однако в татарской антропонимии компонент *ак* имеет значение не столько цвета, но и переносное значение: ‘долгожитель’, ‘счастливый’, ‘благословенный’, хотя в некоторых именах, таких как *Аксуннур* ‘белый крик’, сохраняется и буквальное значение. Данный АК часто встречается в составе личных казахских (муж. *Акжигит, Акдәүләт, Актау* и др.; жен. *Аккыз, Акбала, Акбопе, Актотты* и др.) [Кульдеева, 2001, с. 207], башкирских (муж. *Акбулат, Акхужа, Акбатыр, Акбулат*; жен. *Аксәскә, Аксолтан, Аксултан*) [Шайхулов, 1983, с. 7], турецких именах (муж. *Акбай, Акгеик, Акбыек* и др.; жен. *Акюз, Акдениз, Аккыз, Акханым* др.) [Erol, 1999, с. 27].

Совершенно иначе рассматривает личные имена с компонентами *ак* и *кара* татарский ономастолог Г.Ф. Саттаров, который выделяет их прямые и переносные значения. В первом значении выделяется физический признак нареченного: муж. *Аккуз* ‘белоглазый’ – *Каракүз* ‘черноглазый’, муж. *Акбаиш* ‘белоголовый’ – муж. *Карабаиш* ‘черноголовый’, жен. *Актән* ‘белокожий’ – муж. *Каратән* ‘чернокожий’ и др. Второе значение компонентов цветообозначений выполняет символическую функцию [Саттаров, 1990, с. 134]. Наш анализ показал, что семантика личных имен с компонентами цветообозначения *ак* и *кара* раскрывается в прямом и переносном значениях в следующих именах: муж. *Акбүләк* ‘белый подарок’ (где *бүләк* (т.) подарок) счастливый подарок, *Акдәүләт* ‘белое государство’ (где *дәүләт* (т.) государство); *Акбәк* а. ‘белый бек’ счастливый бек; жен. *Акбикә* ‘белая хозяйка, госпожа’ (где *бикә* (т.) госпожа) счастливая госпожа, *Акбүләк* ‘белый подарок’ (где *бүләк* (т.) подарок) счастье, *Акбиби* ‘белая хозяйка, госпожа, дочь, девочка’ (где *биби* (а.) ‘хозяйка, госпожа дочь’) счастливая девочка; муж. *Карабатыр* ‘черный силач’ (где *батыр* (т.) ‘силач’) сильный, *Карабай* ‘черный богач’ (где *бай* ‘богатый’) сильный, *Караби* ‘черный бек’ сильный бек и др. Таким образом, как видно из примеров, в именах с компонентом *ак* выделяется значение ‘счастливый’, в личных именах с компонентом *кара* – значение ‘сильный’.

В компоненте цветообозначения ‘сары’ (желтый) также выделяется два значения. Прямое значение компонента *сары* в татарском языке ‘желтый’. В личных именах переносное значение восходит к семантике ‘старый’, ‘умудренный жизнью’. Данный компонент встречается в следующих личных именах: муж. *Байсары* (т.) ‘богатый желтый’, *Сарымалай* ‘желтый мальчик’ (где *малай* (т.) ‘мальчик’), *Аксары* (т.) ‘бело-желтый’, *Сарыбала* ‘желтый ребенок’ (где *бала* (т.) ‘ребенок’);

жен. *Сарычәч* ‘желтые волосы’ (где *чәч* (т.) ‘волосы’), *Сарыт* (т.) ‘желтый локон’, *Сарыбикә* ‘желтая госпожа’ (где *бикә* (т.) ‘госпожа’) и др. Имя *Сарымбет* встречается у каракалпаков и у казахов. Его следует понимать не как ‘желтый Мухаммад’, а как ‘долгожитель Мухаммад’, хотя, по мнению А. Гафурова, им нередко называют светловолосого ребенка [Гафуров, 1987, с. 23]. В древнетюркском словаре зафиксированы личные имена *sarīj čir sarīj saman*, *sarīj tojın*, *iktü sarīj bas* [ДТС, 1969, с. 488], в которых в компоненте *сары* доминирует описательная функция. Личные имена Байсар, Тансар стали основой для образования антропотопонимов. В Республике Татарстан деревня Байсар Актанышского района, деревня Тансар Агрызского района были названы в честь деревенских мудрецов с данными именами.

В древнетюркском языке слово *көк* < *көк* < *күк* помимо значений ‘небо’, ‘голубой, синий, сизый’ имеет переносные значения, ‘свободный, вольный’ [ДТС, 1969, с. 312]. АФ *күк* употребляется в следующих личных именах: муж. *Күккүз күк* (т.) ‘голубой глаз’, муж. *Күктай күк* (т.) ‘голубой жеребенок’ и др. В древнетюркском языке следует выделить личные имена *kök amaš* и *tutuq kökli*. По древнетюркской мифологии небо (*көк* < *көк* < *күк*) отражало часть космоса, именуемого в рунических текстах *kök tenri*, поэтому основательное значение термина связано с ближним небом. Семантика более поздних имен связана с культом неба. В помощь данного компонента зафиксированы мужские личные имена *Күкеш* < *Күгеш* ‘небесный ребенок’ (где *иш* (т.) ‘пара, ребенок’), *Күкәжә* небесный брат (где *әжә* ‘брат’), *Күгәнәк* ‘небесная собака’ (где *әнәк* (т.) ‘собака’ (тотем), *Күктәкә* ‘небесный овен’ (где *тәкә* (т.) ‘овен’), в которых семантика цветообозначений *көк* < *көк* < *күк* восходит к древнетюркскому культу неба.

В татарском языке слово *бүз* имеет значение ‘серый, с проседью’, а также сему ‘подросток’. В древнетюркском языке *boz* < *боз* < *бүз* имеет значение ‘серый’ [ДТС, 1969, с. 115]. В татарском антропонимиконе с помощью данного компонента образованы личные имена *Бүзтимер* ‘серое железо’ (где *тимер* (т.) ‘железо’), *Бүзтирәк* ‘серый тополь’ (где *тирәк* (т.) ‘тополь’) и др. Второе значение слова *бүз* раскрывается в личных именах: *Бүзъегет* ‘парень-подросток’, *Бүзәк* *бүз* (т.) ‘подросток’ + *-әк* – уменьшительно-ласкательный аффикс и др. В башкирском языке зафиксированы мужские личные имена *Бүзегет*, *Бузыкай* и др. Отметим, что сегодня эти имена являются пассивными, не функционируют в современных тюркских антропонимических системах.

Характерно, что сенсорные ощущения человека отражены в личных именах с компонентом *коба*. В татарском языке и в его диалектах

коба имеет значение ‘темно-черный цвет’. [ТТЗДС, 2009, с. 406]. В татарской антропонимике зафиксированы 3 мужских личных имени с данным компонентом: *Коба*, *Кобакай*, *Кобач* и др. Следует полагать, что данные личные имена образовались в период, когда не было четкого разделения имени и клички.

Обращает на себя внимание функционирование в современном татарском антропонимиконе личных имен с компонентом *ал*: муж. *Алтан* ‘алый рассвет’ (где *тан* (т.) ‘рассвет’), *Алнур* ‘алый луч’ (где *нур* (п.) ‘луч’) и жен. *Алсу* ‘алая вода’ (где *су* (т.) ‘вода’), *Алгөл* ‘алый цветок’ (где *гөл* (п.) ‘цветок’), *Албикә* ‘алая госпожа’ (где *бикә* (т.) ‘госпожа’). В древнетюркском языке компонент *ал* обозначает “алый, ярко-красный, светло-красный” [ДТС, 1969, с. 31]. Исследование семантики личных имен с данным компонентом позволяет полагать, что *ал* употребляется только в прямом значении.

С помощью компонента *конгырт* ‘карий’ образованы мужские личные имена *Конгырт* (т.) конгырт ‘карий’, *Конгыртбай* ‘кареглазый богач’. По мнению татарского ономатолога Г.Ф. Саттарова, личные имена с данным компонентом давались детям с темно-русскими волосами. Среди казанских татар были распространены фамилии *Конгыров*, *Кунгуров*.

Компонент *кызыл* ‘красный’ [ДТС, 1969, с. 450] в татарской антропонимической системе встречается лишь в двух личных именах, которые показывают особенности внешнего вида, облика человека. В татарском языке компонент *кызыл* в мужских личных *Кызылбаш кызыл* ‘красная голова’ (где *баш* (т.) ‘голова’), *Кызылбай* ‘красный богач’ (где *бай* (т.) ‘богач’) характеризуют рыжие волосы мальчика. В турецком языке компонент *кызыл* встречается в мужских личных именах *Кызыларслан*, *Кызылбай*, *Кызылхан* и др. [Его1, 1999, с. 28].

Подводя итог обзору личных имен с компонентами цветообозначений, необходимо отметить, что значительная часть имеющего материала образована в результате метафорической гибридизации. АК и АФ цветообозначений в личных именах, с одной стороны, характеризуют физические особенности нарекаемого (цвет глаз, волос, бровей и др. частей тела), с другой – эксплицируют психологические особенности человека.

Приведенный нами анализ свидетельствует о том, в семантических признаках антропонимической лексики татар прослеживается тесная взаимосвязь с древнетюркской аппеллятивной лексикой. Из предпринятого нами анализа выявлено, что татарские личные имена, в составе которых имеются компоненты цветообозначения, восходят к личным именам древних тюрков. В результате семантического анализа было определено,

что компоненты цветообозначений в личных именах не только детально описывают сенсорные оценки, которые актуализируются в физических признаках (цвет лица, глаза, брови и др.) человека, а в подавляющем большинстве случаев характеризует его психологические качества (сильный, счастливый, мудрый и др.). В свою очередь, сравнение материалов антропонимических систем тюркских народов (казахов, кыргызов, турков, туркмен, башкир) с татарскими личными именами выявило, что восприятие сенсорных ощущений человека, его осмысления являются в целом одинаковыми для всех тюркских народов, и поэтому в этнокультурном пространстве антропонимических картин тюркских народов выявляются общие черты.

Условные сокращения:

муж. – мужские личные имена
жен. – женские личные имена
т. – тюркский
а. – арабский
п. – персидский

Литература

- Абрамзон С.М. Рождение и детство киргизского ребенка. М., 1949.
- Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.; 2010.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. М., 2010.
- Благова Г.Ф. К характеристике типов раннетюркских антропонимов // Вопросы языкознания. 1998. № 4.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Гафуров А. Имя и история. М., 1987.
- Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.
- Гумилев Л. Древние тюрки. М., 1967.
- Давлетшин Г. Очерки по истории культуры татарского народа (истоки, становление и развитие). Казань, 2004.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Жапаров Ш. Кыргызская антропонимия. Бишкек, 1992.
- Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике. (О концепте контейнера и формах его объективации в языке.) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1999. № 5-6.
- Кульдеева Г.И. Антропонимическая система современного казахского языка. Казань, 2001.
- Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2011.
- Махмуд ал-Кашгари. Диван лугатат-турк (Свод тюркских слов): в 3-х тт. М., 2010. Т. 1.
- Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречия. М, 1963. Т. 1. Ч. 2.

- Руг М.Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992.
- Саттаров Г.Ф. Татар антропонимикасы. Казан, 1990.
- Саттаров Г.Ф. Татар исемиңәре ни сөйли? Казан, 1998.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.
- Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казан, 2009.
- Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Хазиева-Демирбаш Г.С. Репрезентация категории времени в татарской антропонимике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. 2015. Т. 12. № 4.
- Шайхулов А.Г. Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения. Уфа, 1983.
- Шайхулов А.Г., Раемгужина З.М. Башкирские и татарские имена собственные. Уфа, 2006.
- Щербак А.С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте. Тамбов, 2008.
- Akalin Ş. Türk kişi adlarının kaynakları // Tarih. 1998. № 6.
- Aksan Doğan. Her yönüyle dil. Ana çizgileriyle dilbilim. Ankara, 2000.
- Erol A. Adlarımız. İstanbul, 1999.
- Sakaoğlu S. Türk ad bilimi. Ankara, 2000.

ПРОБЛЕМА ФЕНОМЕНА СУБЪЕКТИВНОСТИ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

А.В. Кочкинекова

Ключевые слова: проблема феномена субъективности, психика, перевод, значение и смысл, личностные смыслы, валидность перевода.

Keywords: the problem of subjectivity phenomenon, psyche, translation, meaning and sense, personal senses, translation validity.

Проблема субъективности стоит особняком среди других проблем современного человекознания. Это проблема изучения собственно человеческого в человеке – его мыслей и чувств, психических состояний и переживаний, индивидуально-психологических особенностей личности и др. Повышенный интерес ученых к самой субъективности человека сопряжен с повышенной сложностью осмысления данного феномена. Выдающийся российский психолог Л.С. Выготский указывал, что психика – «самое сложное, что известно человеку» [Выготский, 1982, с. 347]. «Психика – это не мозг, не тело, не социум и не объективный мир, а их особое свойство: субъективный образ реального мира – как объективного внешнего, так и субъективного внутреннего» [Сосновский, 2011].

В качестве проблемного вопроса выступают также многочисленные существующие в науке искажения, связанные с трактовкой непосредственно самого термина «субъективный». В современной науке сложились следующие три основные представления о человеческой субъективности. В первом смысле субъективное трактуется как полная противоположность объективной реальности, как мир «непосредственного» опыта, который открывается исследователю путем интроспекции (В. Вундт, Э. Титчинер). Во втором смысле субъективное означает искаженное, пристрастное, неполное отражение действительности в отличие от объективного, понимаемого как истинное, беспристрастное, полное и т.п. Однако, пристрастность может быть изучена и объективно, как это показал Л.С. Выготский, сказавший однажды о психике: «Назначение психики вовсе не в том, чтобы отражать действительность зеркально, а в том, чтобы исказить действительность в пользу организма» [Выготский, 1982, с. 347].

Существует и третье значение термина «субъективный» – это то, что принадлежит субъекту, выполняет конкретные функции в его жизнедеятельности, имеет вполне объективные формы существования и поэтому может быть изучено объективными методами (для выражения этого смысла подходит термин «субъектный») (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и мн. др.) [Соколова, 2005, с. 61]. В рамках проводимого нами исследования под субъективным понимается особая форма бытия человека, форма психического.

Проблема феномена субъективности представляет актуальность для лингвистики, однако в некоторых лингвистических работах наблюдается искажение термина «субъективный», что, в свою очередь, порождает много вопросов, ведет к ложной интерпретации некоторых языковых явлений и фактов, основывающихся на так называемом принципе «субъективности». К примеру, в работе Г.В. Колшанского (более подробно см. работу «Объективная картина мира в познании и языке», 1990) представлена триада объективного, субъективного и человеческого факторов в языке. Здесь уместен вполне логичный вопрос о целесообразности разделения автором субъективного (субъектного) и человеческого, ведь субъективное и есть то, что непосредственно принадлежит человеку (субъекту).

Довольно интересный взгляд на природу субъективного можно встретить в работах Е.В. Падучевой. К примеру, в статье «Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего» автор затрагивает важные вопросы субъективности в науке о языке и представляет свой собственный взгляд на природу феномена субъективности. Исследователь описывает субъективность в языке, анализирует говорящего как

субъекта восприятия и познания, исследует эгоцентрические слова в неканонических ситуациях и т.д. [Падучева, 2011]. Ее взгляд на проблему субъективного можно сформулировать словами В.В. Гуревича: «Мир существует постольку, поскольку в нем есть тот, кто о нем размышляет и говорит». Субъективный компонент входит в содержание всего того, о чем мы говорим и думаем [Гуревич, 2003, с. 90-91].

В работе Э. Бенвениста «О субъективности в языке» субъективность понимается как способность говорящего представить себя в качестве «субъекта». Исследователь уточняет, что она определяется не чувством самого себя, а как психическое единство, «трансцендентное по отношению к совокупности полученного опыта, объединяемого этим единством, и обеспечивающее постоянство сознания» [Бенвенист, 1974, с. 293-294]. Резюмируя основные идеи феномена субъективности в науке о языке, Э. Бенвенист пишет о том, что многие понятия как в лингвистике, так и в психологии предстанут в ином свете при условии их восстановления в рамках речи и помещения их в ситуацию двусторонней субъективности [Бенвенист, 1974, с. 300]. Проблема феномена субъективности привлекает внимание не только исследователей-лингвистов, но и теоретиков такой молодой науки, как переводоведение (А.В. Федоров, З.Д. Львовская, Н.К. Гарбовский и др.). К примеру, З.Д. Львовская разделяет взгляд Э. Бенвениста на исследуемую нами проблему и пишет о том, что все единицы языка реально существуют только в речи, а речь, в свою очередь, являет собой реализацию субъективной мыслительной программы и осуществляется с помощью языка [Львовская, 1985, с. 77]. Как подчеркивают многие теоретики перевода, единицей перевода является не что иное, как текст (речь, курс). Отдельное слово, как правило, не может являться единицей перевода. Если Э. Бенвенист говорит о «двусторонней субъективности», то в процессе перевода задействовано уже не два, а три субъекта: отправитель текста – переводчик – получатель текста (реципиент). Однако, во многих из существующих в переводоведении дефиниций перевода, к сожалению, неоправданно отсутствует указание на переводчика как на субъекта-интерпретатора, либо присутствует, но в завуалированной форме:

1) А.В. Федоров: «Перевести значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже было выражено ранее средствами другого языка» [Гарбовский, 2007, с. 7].

2) А.Д. Швейцер; «Перевод может быть определен как: однопользовательный двухфазный процесс межязыковой и межкультурной коммуникации...» [Гарбовский, 2007, с. 7].

3) М. Ледерер: «При переводе недостаточно понять самому, нужно, чтобы поняли другие. По определению, перевод распадается на две части: восприятие смысла и его выражение» [Гарбовский, 2007, с. 7].

4) Ж. Мулен: «Перевод – это контакт языков, явление билингвизма» [Гарбовский, 2007, с. 6].

5) Л.С. Бархударов: «Перевод можно считать определенным видом трансформации, а именно межъязыковой трансформации» [Гарбовский, 2007, с. 6-7].

6) В.Н. Комиссаров: Перевод – вид языкового посредничества, всецело ориентированный на оригинал [Гарбовский, 2007, с. 7].

7) К.Н. Гарбовский: «Перевод – это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами...» [Гарбовский, 2007, с. 6-7].

Известный лингвист-переводчик Р.К. Миньяр-Белоручев, в свою очередь, выводит из тени субъекта-интерпретатора и акцентирует, что «объектом науки о переводе является не просто коммуникация с использованием двух языков, а коммуникация с использованием двух языков, включающая коррелирующую между собой деятельность источника, переводчика и получателя» [Миньяр-Белоручев, 1996, с. 25]. В любом акте перевода непременно присутствует творческое начало, которое проявляется в незапрограммированных и непредсказуемых решениях. Одним из необходимых компонентов перевода является толкование смысла оригинала. Любая интерпретация субъективна, так как ее производит, порождает субъект, что и определяет широкие возможности переводческой герменевтики. В этом отношении вполне актуальны слова выдающегося теоретика отечественного переводоведения А.В. Федорова о том, что «чисто переводческий талант – это талант интерпретатора» [Федоров, 1983, с. 145]. Поэтому соответствующие средства выражения на языке перевода подбираются лишь на основе предпереводческой интерпретации переводчика-субъекта в зависимости от характера подлинника и возникающих на основе интерпретации переводческих задач.

Если талант переводчика – это талант интерпретатора, а переводить – значит интерпретировать, необходимо внести некоторые уточнения в определение перевода с гносеологической точки зрения. Перевод в данном ракурсе определяется как вторичное отражение отраженной в оригинале действительности и непосредственное отражение и творческое перевыражение оригинала. Другими словами, перевод есть адекватное отражение и творческое перевыражение оригинала [Лилова, 1985, с. 32]. Назначение же психики, как мы уже подчеркивали в начале нашего исследования, не заключается в зеркальном отражении

действительности, а состоит в искажении действительности в пользу организма [Выготский, 1982, с. 347], и переводчик как субъект-интерпретатор, обладающий психикой, конечно же не осуществляет зеркальную передачу содержания переводимого текста. Напротив, выполненный им перевод не может быть не пропущен сквозь призму его личности, жизненного опыта, ценностей, мыслей, его собственных эмоциональных переживаний и т.д. (*Примеч.* Сам по себе термин «эквивалентность» ни в коем случае не тождествен термину «идентичность»). Л.С. Бархударов акцентирует: «текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом текста подлинника» [Бархударов, 1975, с. 11], в силу включения субъекта-переводчика в интерпретацию (переводческий процесс)).

В качестве основной задачи перевода выступает передача смысла исходного сообщения. Переводчику необходимо донести до получателя смысл ее отправителя. Как известно, «мысль не состоит из отдельных слов и всегда представляет собой нечто большее по объему и протяжению, нежели слово» [Выготский, 1956, с. 378]. Так, А.Д. Швейцер отмечал, что «переводятся не специфичные для слов значения, а заданные ситуацией смыслы» [Швейцер, 1988, с. 17]. Смысл же рождается в особой деятельности – переживании [Василюк, 1984]. Непосредственно сам перевод не возможен без погружения переводчика-интерпретатора в материю текста.

Н.К. Гарбовский пишет о том, что понятие «смысл», определяющееся во многих словарях как «внутреннее логическое содержание, значение чего-либо, постигаемое разумом» [Словарь русского языка, 1999, с. 160], представляется несколько расплывчатым. Теоретик перевода уточняет, что значение оказывается связанным с объемом понятия, в то время как смысл непосредственно связан с информацией о нем [Гарбовский, 2007, с. 269]. И.М. Кобозева рассматривает значение и смысл как две ипостаси содержания. Значение определяется исследователем как закрепленное за данной языковой единицей относительно стабильное во времени и инвариантное содержание. Смысл, в свою очередь, трактуется как связанная со словом информация, изменчивая во времени, варьирующаяся в зависимости от свойств коммуникантов [Кобозева, 2000, с. 12].

А.Н. Леонтьев отмечает, что «Значение – это социально-кодифицированная форма общественного опыта», и поэтому оно активно для данного языкового коллектива [Леонтьев, 1972, с. 136].

Объективный аспект имеет общественно-историческую природу¹. Субъективный аспект имеет индивидуальную природу и связан со смыслом. Субъект вкладывает смысл в определенные единицы языка в конкретной речевой ситуации под влиянием мотива и цели своего речевого поступка. Личностный смысл, с точки зрения А.А. Леонтьева, это продукт мотива и цели речевой деятельности. Он может возникать только в коммуникативной деятельности, то есть в конкретной речевой ситуации [Леонтьев, 1974, с. 130].

Перевод – хорошая ниша для исследования личностных (субъективных) смыслов. Именно личностный смысл, с точки зрения А.Н. Леонтьева, является единицей анализа психики субъекта. Исследователь отмечает, что в отличие от значений личностные смыслы, как и чувственная ткань сознания, не имеют своего «надиндивидуального», своего «не психологического» существования. Если внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с реальностью объективного мира, то личностный смысл, в свою очередь, связывает их с реальностью самой его жизни в этом мире, с ее мотивами. Личностный смысл и создает пристрастность человеческого сознания [Леонтьев 2005, с. 56]. А.Р. Лурия под смыслом понимает индивидуальное значение слова, выделенное из объективной системы связей. Оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данному моменту и к данной ситуации. Поэтому если «значение» слова является объективным отражением системы связей и отношений, то «смысл» – это привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и ситуации [Лурия, 1998, с. 60].

Н.К. Гарбовский подчеркивает, что субъективные факторы оказывают непосредственное влияние на переводческий выбор [Гарбовский, 2007, с. 283-284]. Это можно продемонстрировать, в частности, на примере описания так называемого психологического знания. Как правило, выделяются три основных его вида: обыденное (житейское) психологическое знание, художественное психологическое знание, научное психологическое знание (более подробно см. в: [Нуркова, Березанская, 2015]).

В ракурсе житейского, а также художественного психологических знаний вариантами перевода предложения «В нем есть актерские задатки» могут быть следующие предложения:

He has something of an actor about him.

¹ Объективность языковых значений ни в коем случае не означает их абсолютности для каждого человека, говорящего на данном языке. В зависимости от мотива и цели своей речевой деятельности говорящий может по-разному воспринимать и преломлять закрепленное в значении содержание [Львовская, 1985, с. 79-80].

He has makings of an actor.

В некоторых случаях информанты, принявшие участие в проводимом нами опросе, предлагают варианты перевода, с их точки зрения, являющиеся оптимальными переводческими решениями. Однако некоторые из подобного рода «решений» вызывают некоторую критику. К примеру, предложение *He has something of a psychologist about him* информанты предлагают перевести на русский язык, как «В нем есть что-то от психолога». Это предложение вызывает вопросы, что же именно есть в описываемом субъекте от психолога, и какие качества должен иметь обладатель этой порою неоднозначно трактуемой в обществе профессии. Данное предложение вполне может ввести в заблуждение, оно звучит несколько расплывчато. И самое главное, оно передано на русский язык механически. К примеру, можно вспомнить один заслуживающий внимания пример из жизни Л.С. Выготского. В одном из своих театральных резюме молодой Л.С. Выготский прокомментировал один из спектаклей: «Это чертеж: если бы геометр занялся психологией, он создал бы такую драму». Анализируемый нами перевод также, на наш взгляд, может быть вполне сравнен с механистическим чертежом: «Это чертеж: если бы геометр занялся переводом, он осуществил бы такой перевод».

При переводе подобных примеров в научной психологической литературе необходимо знать особенности психологической структуры личности. К примеру, задатки, наряду со способностями, выделяются в качестве одного из параметров целостного психического облика личности. Задатки являются анатомо-физиологическими особенностями, которые лежат в основе развития способностей. В отличие от динамичных способностей они врожденны и статичны. Задаток получает свою определенность, лишь будучи включенным в структуру деятельности, в динамику способности. Не включенные в деятельность и не развиваемые задатки не видны в поведении и проявляются только в субъективном мире переживаний и потребностей личности [Сосновский, 2011, с. 178-179]. В предложении *He has something of a psychologist (an actor, an artist, a poet) about him* неопределенное местоимение *something* акцентирует неопределенный характер задатка.

Для научной психологии вполне узуален вариант перевода: *He has something of an actor about him – He has a capacity for acting in the movies, He has something of a poet about him – He has a capacity for writing poetry*. Используемое в предложении слово *capacities*, в свою очередь, порою неоправданно приравнивается по своему значению к слову *abilities* (способности). Так, анализ фактологического материала свидетельствует о том, что в целом в американской и английской пси-

хологической литературе наиболее распространены два термина, которые на русский язык переводятся словом «способность»: *ability* и *capacity*. Тем не менее, указанные слова не являются синонимами и соответственно не могут быть взаимозаменяемыми. Термин *capacity* (задаток) обозначает врожденные возможности; термин *ability* (способность) употребляется для обозначения приобретенного умения использовать соответствующую *capacity*: *abilities* ≠ *capacities*:

In these cases, it is not necessary to revisit childhood experiences or consider our capacities for self-realization – we simply want to deal with what is happening in the present [Gleitman, Gross, Reisberg, 2011, p. 605]. – В подобных случаях нет необходимости пытаться восстанавливать детский опыт или рассматривать наши задатки для самореализации – нам всего лишь необходимо работать с тем, что происходит в настоящий момент (перевод наш. – А.К.).

Research has found that depth perception is in part based on innate capacities and in part learned through experience [Stangor, 2014, p. 192]. – В результате исследования было установлено, что восприятие глубины в какой-то мере основывается на внутренних (присущих субъекту) задатках, а в некоторой степени приобретается посредством опыта (перевод наш. – А.К.).

В некоторых случаях узуальным вариантом русского слова «задатки» является английское слово «*precondition*», как это имеет место в следующем примере:

The reasons for the widespread inequality mostly lie in traditional gender roles and stereotypic belief that women and men have preconditions that are inborn and not acquired [Gleitman, Gross, Reisberg, p. 2011]. – Причины такого широко распространенного неравенства следует главным образом искать в традиционном отношении к роли полов и стереотипных взглядах, согласно которым задатки женщин и мужчин являются врожденными, а не приобретенными.

Слово *precondition* в своем основном значении определяется как предварительное условие, в рассматриваемом нами случае это условие для формирования способностей.

Можно проанализировать особенности личностных смыслов также и на примере перевода предложения «За своим внешним спокойствием она была очень сильно испугана» на английский язык. В житейской психологии вполне узуален вариант предложения: *Behind her cool (=calm) exterior, she was very frightened.*

Для создания художественного образа переводчиком могут быть использованы различные вариации вышеуказанного варианта перевода (*Behind her quiet exterior, she was very frightened*). Ниже приведены ос-

новые варианты перевода, адекватно отражающие основную идею анализируемого предложения:

Underneath her cool exterior, she was very frightened.

Beneath her cool façade, she was very frightened.

Behind the façade of quietness, she was very frightened.

Behind her façade, she was scared to death.

Underneath her cool façade, she was absolutely terrified [OALDCE, 2010].

Предоставленные примеры демонстрируют, что в основе индивидуального, субъективного, личностного смысла лежит преобразование значений, выделение из числа всех связей, стоящих за словом, той системы связей, которая актуальна в данный момент [Лурья, 1998, с. 62]. Вариант перевода *She was very frightened inside of her* также адекватно отражает смысл предложения, акцентируя нюансы закрытости описываемого субъекта, а также нежелание демонстрировать свои эмоции окружающим. Прилагательное испуганный в психологическом контексте в зависимости от описываемой ситуации может иметь такие соответствия, как *nervous, agitated, anxious*:

Underneath her cool exterior, she was very nervous.

Beneath her cool façade, she was very anxious [OALDCE, 2010].

(Примеч. Довольно часто психотерапевты ставят своим пациентам диагноз синдрома тревожности (*anxiety disorder*): 1) *Every year millions of people suffer from anxiety disorders, which are psychological disturbances marked by irrational fears, often of everyday objects and situations* [Stangor, 2014, p. 676]).

Проявления фасадности, под которой нами понимается своеобразный психологический «блок», формирующийся посредством создания субъектом заведомо «ложного» представления о себе в силу действия различных интериоризированных норм поведения, актуальны для научного психологического знания: *Behind the façade, people shield their true selves.* 2) *Underneath that façade of ego, there was deep anxiety* [Stangor, 2014]).

Интерес также вызывает описание поведения субъекта, вызывающее неоднозначное отношение со стороны окружающих. Возьмем, к примеру, русское предложение «Она странно себя ведет» и попытаемся осуществить его перевод на английский язык:

There is something strange about her.

There is something odd about her.

She behaves in a peculiar way [OALDCE, 2010].

Представленные варианты перевода узуально вписываются как в рамки житейского психологического знания, так и в рамки художе-

ственного психологического знания. Результаты анализа фактологического материала свидетельствуют также о том, что в некоторых случаях для эмфатического эффекта в качестве интенсификатора используется английский глагол *to do*:

Harry's behavior did seem a little odd [OALDCE, 2010].

В американской психологии исследователи отмечают, что, к сожалению, отсутствует биологическая диагностика, которая бы определяла психические отклонения и т.д. Данные отклонения выявляются путем проведения клинических наблюдений за поведением пациентов. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что поведение, а также эмоциональное состояние варьируются от нормального и приемлемого (*normal, accepted*) до девиантного, ненормального и неприемлемого (*deviant, abnormal, unaccepted*). Психотерапевты из Американской Психотерапевтической Ассоциации (*American Psychiatric Association*) пишут о том, что ежедневное мытье рук является нормальным действием, но это может быть расценено как ненормальное поведение со стороны субъектов, страдающих синдромом навязчивых состояний (*obsessive-compulsive disorder (OCD)*) [Stangor, 2014, p. 659].

Исследователи подчеркивают, что одно и то же поведение в одной культуре будет считаться приемлемым (нормальным), в другой культуре, напротив, оно будет неприемлемо (странное, атипичное). Более того, нет четких границ между нормой и патологией даже внутри одной культуры:

Every culture and society has its own views on what constitutes abnormal behavior and what causes it [Stangor, 2014, p. 661]. – *Каждая культура и каждое общество имеют свои взгляды на атипичное поведение и то, что вызывает его (то, что является его причиной)* (перевод наш. – А.К.).

Поведение, отклоняющееся от норм, в психологии имеет особое название – поведение девиантное (*deviant behavior* от англ. *deviation* – отклонение). В отечественной психологии под девиантным поведением понимаются действия, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) моральным и правовым нормам и приводящие нарушителя (девианта) к изоляции, лечению, исправлению или наказанию [Сосновский, 2011]. В ракурсе американской психологии термин «девиантный» может трактоваться следующим образом:

People who do not appear to be following the social clock (e.g., young adults who still live with their parents, individuals who never marry, and couples who choose not to have children) may be seen as unusual or

deviant, and they may be stigmatized by others [Stangor, 2014, p. 331]. – «Люди, которые не соблюдают социальные нормы (к примеру, молодые люди, которые все еще живут вместе со своими родителями, индивиды, которые никогда не заводили семью, и пары, которые не желают заводить детей) могут быть описаны как странные или девиантные, и они могут быть подвержены резкой общественной критике» (перевод наш. – А.К.).

Как показало исследование, личностные смыслы играют важную роль при переводе как разговорного стиля (житейские психологические знания), так и художественного (художественные психологические знания). В научном стиле они также непосредственно присутствуют, так как переводчик – субъект интерпретации. Перевод – адекватное отражение, пропущенное сквозь призму личности переводчика-интерпретатора, его жизненного опыта, ценностей, мыслей, собственных эмоциональных переживаний, это творческое перевыражение оригинала. Человеческая субъективность – объективна и реальна и непременно может быть предметом всестороннего научного анализа, в том числе она может быть изучена в рамках переводоведения. Таким образом, исследование феномена субъективности и, в частности, анализ личностных смыслов в переводе позволит в последующем установить более объективные критерии оценивания перевода, создав тем самым целостную систему его валидности. Междисциплинарный взгляд на проблему субъективности, в свою очередь, поможет преодолеть барьер в понимании природы субъективного, избавиться от недопониманий, искажения смыслов, которые могут возникнуть в процессе перевода.

Литература

- Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975.
- Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М., 1984.
- Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
- Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6-ти тт. М., 1982. Т. 1.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2007.
- Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 2003.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
- Леонтьев А.А. Психология общения. Тарту, 1974.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2005.
- Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание. Вопросы философии. 1972. № 12.
- Лилова А. Введение в общую теорию перевода. М., 1985.

- Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов-на-Дону, 1998.
Львовская З.Д. Теоретические проблемы перевода (на материале испанского языка). М., 1985.
Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М., 1996.
Падучева Е.В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3.
Нуркова В.В., Березанская Н.Б. Общая психология. М., 2015.
Словарь русского языка: В 4-х тт. М., 1999.
Соколова Е.Е. Введение в психологию. М., 2005.
Сосновский Б.А. Психология. М., 2011.
Федоров А.В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. М., 1983.
Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
Stangor Ch. Introduction to Psychology. Flat World Knowledge, 2014.

Источники иллюстративного материала

- Gleitman H., Gross J, Reisberg D. Psychology. W.W. Norton&Company Inc., 2011.
Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, 2010.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
«БЫТИЕ ТЕКСТА В КОММУНИКАЦИИ» [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] /
ПОД РЕД. А.А. ЧУВАКИНА, А.А. ШМАКОВА.
БАРНАУЛ: АЛТ. ГОС. УН-Т, 2016. – 4,5 МВ.**

Рецензируемая монография посвящена актуальной в современной филологии проблеме «текст в коммуникации». Актуальность исследования определяется рядом факторов: прежде всего тем, что текст является одним из объектов современной филологии (в XXI веке филология обращается ко всему функциональному и с точки зрения фактуры многообразию текстов), а современная филология изучает свои объекты в тесной связи с коммуникацией.

Можно считать, что основная особенность книги состоит в том, что объект исследования рассматривается в филолого-коммуникативном аспекте, который избран авторским коллективом неслучайно. Авторы объединены в составе научно-образовательного центра филологических исследований коммуникации при АлтГУ и Институте филологии СО РАН (НОЦ).

Еще один аспект актуальности рецензируемой книги определяется той категорией, которая стала базовой при рассмотрении текста в коммуникации. Это категория бытия текста, именно она в последнее время стала активно разрабатываться филологами НОЦ.

Книга состоит из трех глав.

Первая глава рассматривает бытие текста как проблему исследования текста в коммуникации. Основной результат главы состоит в том, что здесь сформулирована методологическая база исследования и продемонстрирована ее жизнеспособность (авторы подразделов А.А. Чувакин и Т.Н. Василенко). В главе не только определяются основные понятия (коммуникативная природа текста, функционирование, существование, бытие текста; среда; способы объединения текстов в их связях), но и предлагается опыт исследования бытия текста в коммуникации сквозь призму идеи «текст в мире текстов» (автор подраздела С.А. Медведев).

Во второй и третьей главах описывается бытие текста в интернет-среде (автор глав А.А. Шмаков). Разделение материала интернет-коммуникации на две главы вполне обоснованно: глава вторая содержит исследование интернет-

коммуникации как среды бытия текста, тем самым в ней проецируются общие положения, сформулированные в первой главе. Проекция эта осуществляется корректно, создавая надежную базу для следующего этапа исследования. В главе третьей осуществляется моделирование интернет-текстов с обращением. Выбор в качестве материала текстов с обращением представляется очень важным и полезным для доказательства основной гипотезы исследования: обращение представляет собой особую синтаксическую категорию, которая находится на пересечении языка и коммуникации.

Содержание и выводы монографии имеют все признаки новизны. В совокупности исследовательских трудов по теории текста она отличается методологической базой: описание текста в коммуникативном аспекте продвинулось до исследования его на основе категории бытия текста в коммуникации, которая предстает со страниц книги в разных вариантах (и эта вариативность намечена уже в первой главе). В совокупности работ по интернет-коммуникации рецензируемая работа выделяется последовательно и поэтапно проведенным моделированием текста в интернет-среде. В кругу синтаксических исследований книга может быть квалифицирована в качестве импульса для создания русского интернет-синтаксиса.

Теоретическая значимость проведенного авторами исследования определяется его вписанностью в филолого-коммуникативную парадигму и возможностями использования его методологии и полученных результатов в разных областях коммуникативного исследования текста.

Практическая сторона монографии видится в контексте обновления содержания высшего филологического образования. Ее материалы могут быть использованы в существующих учебных дисциплинах (современный русский язык, стилистика, теория (лингвистика) текста и др.), в новых курсах, например, по теории коммуникации и интернет-коммуникации. Отдельно упомянем дисциплины магистерских программ, а также курсы для аспирантов.

Все сказанное позволяет сделать закономерный вывод: рецензируемая монография имеет ценность для современного гуманитарного, прежде всего филолого-коммуникативного, знания и коммуникативной практики.

О.В. Марьина

**РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ
А.А. ПРОХОРОВОЙ «MULTILINGUAL GUIDE TO THE ENGLISH
SPEAKING WORLD»**

Рецензируемое учебно-методическое пособие является новаторским и экспериментальным. Оно предназначено для студентов, изучающих два и более иностранных языка, а также для широкого круга лиц, владеющих одним или несколькими ведущими европейскими языками и стремящихся повысить уровень знаний по страноведению англоязычных стран.

Идея пособия основана на роли английского языка как средства современной международной коммуникации. Очевидно, что английский язык на сегодня играет роль универсального языка-посредника между индивидуумами и государствами, это признанный язык политики и экономики, науки и культуры, образования и спорта.

В системе образования в средней и высшей школе в настоящее время прослеживается четкая тенденция к увеличению английского языка в соотношении с другими изучаемыми иностранными языками. При этом стоит отметить, что уровень подготовки абитуриентов по английскому языку достаточно высок. В то же время, в условиях современных интегративных процессов к специалисту предъявляются высокие требования, и знание одного иностранного языка может оказаться недостаточным. А.А. Прохорова предлагает использовать английский язык в качестве посредника – «медиатора», с помощью которого студент может освоить второй и третий иностранный язык [Прохорова, 2016, с. 17]. По мнению автора, единовременное погружение в несколько языков позволит сформировать «...медиативную компетентность передачи смыслового содержания с одного языка на другие с учетом социокультурных особенностей адресата и принципов толерантности» [Прохорова, 2016, с. 17]. Не вызывает сомнений тот факт, что усилия, затраченные на освоение каждого последующего иностранного языка, уменьшаются вдвое по сравнению с предыдущим. Поэтому в условиях все большего ускорения темпов развития современного общества появление экспериментальных пособий, подобных рецензируемому, следует всячески приветствовать.

Материалом пособия послужили страноведческие и культурные реалии англоязычных стран, что немаловажно, так как язык функционирует в культурном пространстве и отражает накопленный многовековой опыт нации. Человек, приступающий к изучению любого иностранного языка, закономерно сталкивается с отраженными в нем особенностями мышления, нравственными нормами и культурным богатством той или иной страны. В то же время иноязычные реалии имплицитно сравниваются с особенностями родной культуры и органически накладываются на уже накопленный человеком индивидуальный и социальный опыт, способствуя переосмыслению и более полному пониманию родной культуры. Таким образом, рецензируемое пособие дает богатую пищу для ума и несет в себе огромный потенциал для становления современной поликультурной личности.

Пособие по структуре логично организовано и удобно в использовании. Оно состоит из трех идентичных по содержанию частей (Parts) на английском, немецком и французском языках. Каждая часть включает в себя четыре раздела (Units), которые являются автономными и не содержат поступательного увеличения сложности материала. Таким образом, преподаватель может строить работу с пособием, следуя логике автора, или по собственному усмотрению. Материалы пособия могут использоваться как на аудиторных занятиях, так и для самостоятельного изучения и усвоения.

Первый раздел (Unit A «The English Speaking World in Brief») содержит информацию о пяти англоязычных странах: Великобритании, Соединенных Штатах Америки, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Материал подан в

виде «профилей», содержащих базовую информацию о стране (флаг, герб, территория, население, столица и т.п.), а также наиболее интересные с точки зрения автора общественные и культурные реалии.

Второй раздел (Unit B «The Quiz of the English Speaking World in Pictures») содержит, как видно из заглавия, тестовые задания на основе визуальных опор. Иллюстративная составляющая пособия, представленная большим количеством картинок и фотографий, как информативного, так и развлекательного (не снимая познавательной роли) плана, выше всяких похвал, поэтому работа с книгой доставляет огромное удовольствие.

Третий раздел (Unit C «Learning Language Can Be Fun») представлен тестами и заданиями познавательно-развлекательного характера. Студенту предлагается разнообразнейший набор шарад, ребусов, кроссвордов и т.п. Обучающемуся необходимо выполнить задания второго и третьего разделов, опираясь на материал первого, а также на уже имеющиеся фоновые знания, проверить себя по ключам и вновь проработать проблемные моменты. Игровые задания, широко используемые автором, делают работу с пособием увлекательной, развивают творческий подход учащихся к материалу, инициативность и критическое мышление, и в этом несомненное его достоинство.

Четвертый раздел (Unit D «It's Interesting to Know») содержит информацию страноведческого, политического и культурного плана, например, исторические сведения по изучаемым англоязычным странам, географические карты пяти англоязычных стран, информация о неформальных названиях штатов Америки. Данный раздел позволит обучающимся пополнить копилку знаний по англоязычным странам и расширить свои культурные горизонты.

Важными разделами пособия являются «Ключи для самопроверки» (Keys), которые позволяют работать с пособием самостоятельно, а также лексико-фонетический глоссарий (Glossary), проясняющий значение некоторых страноведческих реалий.

Программным разделом пособия является глава «Фоновые знания», в которой А.А. Прохорова вводит понятие «мультилингвизм» и частный его случай «билингвизм», дает краткий экскурс в историческое языкознание, обосновывает причины становления английского языка как языка глобального общения (*lingua franca*) и его новой роли – языка-медиатора, проводника для изучения родственного ему немецкого и французского языков.

Подводя итоги, отметим, что в рамках краткого обзора невозможно упомянуть о всех несомненных достоинствах книги. Особая заслуга автора состоит в попытке преодоления традиционного подхода к изучению иностранных языков. Цель пособия – одновременное мультилингвистическое погружение в исследуемый материал, что в конечном итоге приводит к осознанию себя частью современного интегративного процесса и приобретению таким образом необходимых коммуникативных навыков – несомненно достигнута автором.

Пособие А.А. Прохоровой соответствует современным образовательным стандартам и отражает междисциплинарный подход к решению образовательных задач. На наш взгляд, пособие существенно расширит кругозор учащихся и подвигнет на дальнейшее изучение особенностей культуры, обычаев и традиций англоязычных стран как части общего мультикультурного пространства.

Литература

Прохорова А.А. Multilingual Guide to the English Speaking World: a self-reference and practice workbook with answers (Многоязычный путеводитель в англоязычный мир): учебно-методическое пособие для самостоятельной и аудиторной работы с ответами. Краснодар, 2016.

Л.Ю. Коршунова

ФИЛОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ («РУСИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ»), XIX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МАПРЯЛ Г. АСТАНА (КАЗАХСТАН), 22–24 СЕНТЯБРЯ 2016 Г.)

Представительная XIX Международная научная конференция «Русистика и современность», организованная МАПРЯЛ в 2016 году на площадке Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан), объединила более 150 ученых из многих стран мира – России, Казахстана, Латвии, Украины, Чешской Республики, США, Сербии, Тайваня, Узбекистана, Азербайджана, Турции, Польши, Румынии, Сирии, Грузии, Франции.

Открыла Международную конференцию доктор педагогических наук, профессор, первый проректор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева А.А. Молдажанова. поприветствовав собравшихся, А.А. Молдажанова отметила значимость связи ученых из разных стран и выразила надежду, что конференция будет способствовать интересному и перспективному научному диалогу преподавателей русского языка и литературы, представляющих мировое сообщество русистов.

Доктор филологических наук, член правления РОПРЯЛ, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия) И.П. Лысакова передала комитету конференции приветственный адрес президента Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы и председателя Попечительского совета Фонда «Русский мир» Л.А. Вербицкой.

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Одесского национального университета им. И.И. Мечникова Е.Н. Степанов, обратил внимание на то, что на конференции и в ее публикациях происходит всесторонний обмен научными и методическими достижениями специалистов. В заключение своего приветственного слова синтаксист, специалист по одесской городской речи пригласил молодых и уже состоявшихся ученых публиковаться в журналах и сборниках одесского университета.

В приветственном слове соорганизатор конференции доктор филологических наук, профессор Балтийской международной академии (Рига, Латвия), директор программы «Письменный и устный перевод» Э.М. Архангельская

выразила свою надежду на то, что столь представительный форум специалистов поможет найти новые пути для созидания единого мира – многоязычного, поликультурного, интерактивного.

Пленарное заседание открыл доклад доктора филологических наук, профессора И.П. Лысаковой «Стилистический компонент в обучении неродному языку», в котором автор отметила, что стилистический компонент имеет интеграционный характер, что позволяет раскрыть остальные аспекты языка. Была предложена методика работы по употреблению речевых вариантов, презентован учебник в виде 16 закладок по ситуациям общения («Давайте познакомимся», «Встреча с пожилым человеком», «Встреча двух знакомых»). Автор говорила о необходимости включения стилистического компонента в обучение русскому языку как второму, потому что спонтанная речь всегда ситуативно обусловлена и знание вариантов стилистического выражения является одним из условий владения языком. «Стилистика есть грамматика общения», – этим выводом и закончила свое выступление И.П. Лысакова.

Следующим был доклад доктора филологических наук, профессора кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия) И.Г. Минераловой, рассказавшей о поэтической реконструкции прошлого и прогностическом образе будущего народов России и Востока в книге Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Вслед за автором книги И.Г. Минералова призвала собравшихся к духовному общению, напомнив крылатую фразу К.И. Ушинского: «Внимание – это единственная дверь нашей души». В докладе анализировались актуальные проблемы синтеза и конвергенции языков и культур, которые являются основой для оздоровления духовного и нравственного климата и взаимопонимания людей разных наций.

Доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан) Ш.К. Жаркынбекова представила доклад по теме «Современные тенденции в коммуникации на русском языке в условиях полиязычия Казахстана». Обозначив основные тенденции развития казахской русистики, докладчик остановилась на лингвистических, психолингвистических и социолингвистических проблемах билингвизма. Собравшимся были предложены статистические данные о влиянии русского и казахского языков друг на друга. Автор попыталась определить тенденции, которые характеризуют процесс изменения языка в Республике Казахстан; были представлены перспективы развития языка, обозначены методические проблемы подготовки выпускников казахстанских школ к Единому национальному тестированию по русскому языку.

Модератор пленарного заседания, советник ректора ЕНУ Талал Аввад (Дамасский университет, Сирия) предоставил слово PhD, профессору, заведующей кафедрой русского языка и литературы Университета им. Масарика (Брно, Чешская Республика) Симоне Корычаковой, передавшей приветствие от своего университета и выступившей с докладом «Красота человека как образ совершенства органического мира и природы в поэтическом творчестве В.С. Соловьева».

Следующим был доклад доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русского языка Одесского национального университета

им. И.И. Мечникова (Одесса, Украина) Е.Н. Степанова «Комплексный подход к изучению русской речи полилингвокультурного города». Автор представил анализ комплексной методологии исследования урбанистического языка. Эта методика была использована для изучения функционирования русской речи в многоязычном и поликультурном пространстве Одессы на разных этапах истории. В своем выступлении Е.Н. Степанов обозначил различные методы исследования русской городской речи как одного из функциональных типов русского языка.

В заключительном докладе пленарного заседания доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан) К.Р. Нургали отметила, что этот масштабный проект был задуман почитателями русского языка из четырех вузов – Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург), Балтийской международной академии (Латвия, Рига), Одесского национального университета им. И.И. Мечникова (Украина, Одесса) и Института русской филологии Жешувского университета (Польша, Жешув). Доклад ««Приятие языка» в учебнике русского языка инновационного типа для тюркоязычных народов» был подготовлен К.Р. Нургали в соавторстве с доктором филологических наук, профессором, заведующим кафедрой русского языка Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия) В.П. Ходусом. Впервые обнародована идея инновационного учебника русского языка для тюркоязычных народов. Концепция обучения базируется на теории речевой деятельности. Понимание структуры русского языка происходит через узловые точки истории и культуры тюркских народов в процессе лингвистического путешествия.

Далее работа конференции продолжилась на пяти секциях: «Русский язык в иноязычном окружении», «Языковые процессы в современном мире», «Язык и перевод. Современные парадигмы филологической компаративистики», «Новые подходы к методике обучения и преподавания русского языка и литературы», «Лингвистический и литературоведческий анализы художественного текста».

На секции 5 «Лингвистический и литературоведческий анализы художественного текста», в работе которой приняли участие представители Алтайского государственного педагогического университета доктор филологических наук, заведующий кафедрой литературы Е.А. Худенко, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы В.И. Габдуллина, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания П.В. Маркина (с докладами, выполненными в рамках научной темы, поддержанной грантом Российского гуманитарного фонда, проект № 16-14-22002), а также аспирант кафедры литературы О.Э. Рахметов, были заслушаны и обсуждены следующие доклады.

Открыл секцию доклад доктора филологических наук, профессора Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия) В.И. Габдуллиной «Формирование «казахского текста» в русской литературе». В докладе был представлен процесс формирования и функционирования казахской темы в русской литературе XIX века на примере произведений

А.С. Пушкина, В.И. Даля, Н.С. Лескова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Ф.М. Достоевского. Автором вводится термин «казахский текст» как синтетический свертхтекст, воплощающий представления о народе, его менталитете, национальных особенностях, а также о географическом пространстве и ландшафте страны, отразивший наряду с этим бытующие в сознании русских людей стереотипы восприятия казахского народа. Доклад вызвал живой отклик и литературоведов, и лингвистов. Вопросы участников постепенно перешли в дискуссию по актуальной проблеме современной науки.

Далее работу, выполненную в соавторстве с доктором филологических наук, профессором Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия) Н.Л. Зыховской, представила студентка 3 курса А.Р. Загидуллина из Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия), которая рассказала о философии жизни и смерти в романе А. Нотомб «Гигиена убийцы», раскрывающейся в смысловом поле «чистота (живое) – грязь (неживое)».

Третьим докладом было выступление кандидата филологических наук, доцента Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Астана, Казахстан) С.М. Треблер «О культурной значимости феномена воспроизводимости в тезаурусе языковой личности». Обозначив теоретические аспекты анализа языковой личности в художественном тексте, лингвист исследовала роман известного литературоведа А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», обратившегося к казахстанскому пространству города Щучинская Акмолинской области, выведенного в произведении в топониме Чебачинск. Результаты анализа речи главного героя романа позволили сделать вывод о специфике тезауруса языковой личности автора текста. Воспроизводимость анализировалась как культурно-символическое явление.

Вектор, намеченный первым выступлением, продолжила доктор филологических наук, профессор Г.И. Власова из Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Астана, Казахстан) в докладе «Казахстанский культурный текст в современной литературе». Автор доклада определил цель своего исследования в выявлении маркированных единиц, составляющих культурный текст Казахстана в современной литературе. Под казахстанским текстом в данном случае понимается реализация страны в образах, мотивах, хронотопах и аксиологических оценках. Казахстанский культурный текст рассматривается как феномен цивилизационно-культурного порогища.

Работу секции продолжил доклад кандидата филологических наук, доцента П.В. Маркиной из Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия) «Мифопоэтика путевых очерков В.Я. Шишкова “По Чуйскому тракту”». В докладе было обращено внимание на тот факт, что традиционный жанр путешествия разворачивается в ранней прозе В.Я. Шишкова в рамках особой миссии рассказчика – донесения печатного слова об инородцах как преодолении страха перед образом «другого». Вынесенная в заглавие значимость мифологемы пути, определившей жанровые особенности и структуру очерков, раскрывается в сопоставлении двух различных

национальных миров – русских (Русь) и инородцев (Орда). Преодолевая ментальную оппозицию, автор пытается найти в «чужом» мире положительные стороны, побуждает читателя принять «страшный» Алтай и его человека. Заданные вопросы развернули доклад в аспект компаративистики.

Аспирант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия) О.Э. Рахметов представил сообщение по теме «Хронотоп больницы в прозе М.М. Зощенко». Говоря о мифопоэтических образах и архетипическом сюжете в ранних рассказах М.М. Зощенко, автор приходит к выводу, что заявленное в названии работы пространство разворачивается в рамках серьезно-смехового жанра мениппеи. Хронотоп стационарного лечения становится аллегорическим изображением человеческой жизни в постреволюционной России. На основе сравнительного анализа «истории болезни» в рассказах «Чудесный отдых», «Случай в больнице» и других произведений М. Зощенко предложена интерпретация отношений времени, пространства и личность в реалиях 1920-х – 1930-х годов.

Доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия) Л.Г. Сомотик обозначила сферу национального и религиозного самосознание в творчестве В.П. Астафьева. Анализируя этносы и субэтносы Приенисейской Сибири в пространстве художественного текста (на материале «Царь-рыбы» В.П. Астафьева), исследователь говорит об осмыслении сибиряка как национальности. В произведении Астафьева высвечивается «региональное самосознание», которое понимается как осознание и оценка населением особенностей своего региона и самого себя как части этой территории со своими специфическими чертами.

Завершил работу первого дня доклад доктора филологических наук, профессора Е.А. Худенко из Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия) «Образ Азии в «сибирском дневнике» М.М. Пришвина». Материал в раннем дневнике М.М. Пришвина изучается с помощью образов и понятий Азиатского мира – степь, юрта, верблюд и элементы казахского быта. Идея всеединства человека и мира, Всечеловека вне его социальных, национальных и этнических границ, зарождающаяся на страницах «сибирского дневника», охватывает впоследствии все творческие поиски Пришвина, становится смыслообразующей для его лирико-философской прозы в целом.

Открыл работу второго дня доклад модератора секции, доктора филологических наук, профессора Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Астана, Казахстан) Т.В. Кривошаповой «Интерпретация форм отражения ментальности в современной казахстанской литературе». В докладе были разведены термины «русскоязычные» и «русские писатели», обозначено влияние на русских других этносов. Т.В. Кривошапова представила широкий спектр национальных образов мира в их динамике, анализ пограничных явлений современной казахской литературы, важным элементом которой является структура менталитета.

Кандидат филологических наук, доцент Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан) Г.А. Шарипова в докладе

«Герой как пророк. К поэтике образа героя-пророка в литературе» рассказала об осмыслении образа Мухаммеда, представленном в работах Т. Карлейля, В. Ирвинга, Вл.С. Соловьева, которые впервые в культуре нового времени в своих сочинениях попытались объективно осмыслить жизнь и учение пророка мусульман через принципы справедливости и уважения к личности.

Доклад кандидата филологических наук, доцента Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева был посвящен онейропоэтике романа М. Ауэзова «Путь Абая». В докладе представлена типология снов в романе казахского писателя и их классификация по четырем признакам – жанрово-функциональному, сюжетно-композиционному, образно-эстетическому, персонажному.

В докладе Н.С. Оразбаевой, PhD, докторанта 3 курса Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева «Этнолингвистический и грамматический аспекты анализа употребления казахских слов в творчестве Л. Мартынова» была поднята проблема изучения произведений представителей русской поэзии XX века, родившихся или выросших в Казахстане, которое, по мнению автора, невозможно без рассмотрения способов комбинирования особенностей двух языков – русского и казахского – в их поэтическом тексте. Этнолингвистический аспект, а также морфологический уровень лингвистической адаптации казахских слов в русском художественном тексте поэта Леонида Мартынова, отражающие картину мира автора, чье мышление сформировано в пространстве двух культур, рассматривается как бинентальное.

Заключительным докладом стало выступление кандидата филологических наук, доцента Г.С. Умаровой из Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова (Уральск, Казахстан) «Концепт «гражданин» и его литературное бытие в русской и казахской литературах». Исследователь пришел к выводу о том, что многообразие индивидуальных авторских художественных систем, смена исторической точки зрения, тем не менее, оставили неизменными не только семантическое ядро понимания гражданина как человека, подчиняющего свои личные интересы общественным, но и ассоциативное поле, с ним связанное, понятийную и эмоциональную сторону концепта. В то же время этот концепт этноспецифичен, отражает реалии русской и казахской общественной жизни.

На конференции были проведены мастер-классы: «Новое в методике РКИ» (профессор И.П. Лысакова, РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург), «Слово в литературном произведении и способы реализации синтеза искусств» (профессор И.Г. Минералова, МГПУ, г. Москва), «Языковое оформление образа света, цвета и звука в поэтическом творчестве русских символистов» (Симона Корынчакова, заведующий кафедрой русского языка и литературы Университета им. Масарика, г. Брно, Чешская Республика). В заключение конференции прошел круглый стол на тему «Вклад ученых Казахстана в становление и развитие русистики».

Итогом работы стала публикация научных трудов, куда вошли работы и заочно участвовавших в конференции. Всего в сборнике представлены 185 статей русистов – специалистов русского языка, литературы и методики их преподавания. Тексты статей посвящены актуальным проблемам изучения и

функционирования русского языка в иноязычном окружении, специфике языковых процессов в современном мире, вопросам переводоведения, текстоведедения и компаративистики. Особое внимание уделено современным концепциям, новым технологиям и методикам в обучении русскому языку и литературе, а также роли классической и современной литературы в мировом культурном и образовательном пространстве.

В.И. Габдуллина, П.В. Маркина

**«LANGUAGE IN THE COORDINATES OF THE MASS MEDIA»
(«ЯЗЫК В КООРДИНАТАХ МАССМЕДИА»):
ИТОГИ I МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ (6–9 СЕНТЯБРЯ, ВАРНА, БОЛГАРИЯ)**

С 6 по 9 сентября в Болгарии состоялась I Международная научно-практическая конференция «Language in the Coordinates of the Mass Media» («Язык в координатах массмедиа»). Организаторами этого события выступили Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» при Санкт-Петербургском государственном университете и Комиссия по медиалингвистике при Международном комитете славистов.

Участники конференции, специалисты по русскому языку из Болгарии, России, Беларуси, Чехии, Словакии, Польши, Украины, Австрии, Турции, Литвы, Финляндии и других стран обсудили современное состояние и перспективы исследований, посвященных функционированию славянских языков в массмедиа. В фокусе внимания исследователей оказались вопросы, связанные с особенностями функционирования медиатекстов, методикой их лингвоэкспертного анализа, методическими аспектами использования медиатекста в учебной практике и др. Обсуждение актуальных тем проходило в ходе десяти панельных дискуссий и на пленарных заседаниях.

Пленарное заседание открыли доклады проф. Санкт-Петербургского государственного университета Л.Р. Дускаевой, сообщившей о важнейших исследовательских подходах к изучению языка массмедиа, и доклад проф. Софийского университета имени святого Климента Охридского (Софийский университет «Св. Климент Охридски») Златевой Минки, раскрывший влияние медиалингвистики на развитие PR, журналистики и средств массовой информации в целом; прозвучали также доклады Иванки Мавродиевой «Бренд журналистика, онлайн меди и социални мрежи» и Елки Добревой «Медиите в метафорично-то огледало на криминалната литература» (Болгария).

Далее работа продолжилась в секция, на которых были обсуждены следующие актуальные для современной медиалингвистики темы: «Медиатекст: структура, композиция, векторы обновления» (I панель, председатель проф. М.Ю. Казак, Белгородский государственный национальный исследовательский

университет, Россия); «Функционирование языковых средств в славянских массмедиа» (II панель, председатель проф. Н.Ю. Павловская, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь); «Эстетика медиаречи» (III панель, председатель проф. Н.В. Цветова, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия); «Методика лингвоэкспертного анализа медиатекстов» (IV панель, председатель проф. В.В. Васильева, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия); «Речевые параметры политического медиадискурса» (V панель, председатель проф. В.И. Коньков, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия); «Лингвистика публицистического текста» (VI панель, председатель проф. В.И. Ивченков, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь); «News discourse in the focus of media linguistics» (VII панель, председатель проф. Т.Г. Добросклонская, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия); «Медиатекст в методической работе: проблемы и перспективы» (VIII панель, председатель проф. Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет, Россия); «Медиатравелог как тип медиатекста» (IX панель, председатель Е.Г. Власова, Пермский государственный университет, Россия); «PR и реклама» (X панель, председатель Р. Тодорова, Шуменски университет им. Епископа Константина Преславского, Болгария).

На заключительном пленарном заседании были заслушаны доклады проф. МГУ им. М.В. Ломоносова Т.Г. Добросклонской о месте медиалингвистики в общей структуре современного языкознания; проф. Пермского государственного университета В.В. Абашева, раскрывшего потенциал междисциплинарности в современной филологии; проф. Уральского государственного педагогического университета А.П. Чудинова, осветившего грани взаимодействия политлингвистики и медиалингвистики; проф. Белорусского государственного университета В.И. Ивченкова, в центре доклада которого оказались социальные процессы, предопределяющие изменение медиатекстов.

Затем выступили председатели панельных заседаний, сообщившие о результатах дискуссий, развернувшихся в ходе обсуждения актуальных проблем современной медиалингвистики¹.

Так, содержательной доминантой выступлений панели «Медиатекст: структура, композиция, векторы обновления» на трех заседаниях явилась медиалингвистическая и медиадискурсивная тематика. Об эстетических, аксиологических, экспрессивных сторонах текстов СМИ шла речь в выступлениях М. Казак (Белгород, Россия), Э. Шестаковой (Украина), В. Антроповой (Челябинск, Россия), В. Аврамовой (Шумен, Болгария), В. Федорова (Челябинск, Россия). Актуальные проблемы типологии медиадискурсов освещались в докладах Iwona Loewe (Katowice, Польша), Н. Нестеровой (Томск, Россия), А. Волковой (Томск, Россия). Особое внимание было уделено медийным практикам в новых медиа – выступления А. Беловодской (Вильнюс, Литва), Л. Мокробродовой (Турку, Финляндия), А. Колосовой (Москва, Россия),

¹ В материалах, отражающих итоги работы дискуссионных панелей, использована информация с сайта «Медиалингвистика: XXI век»: <http://medialing.spbu.ru/news/42-132.html> (дата обращения: 09.10.2016).

М. Загидуллиной (Челябинск, Россия). Рассмотрение общих и частных вопросов медиалингвистики и медиатекстов нашло отражение в докладах А. Герцова (Велико Тырново, Болгария), О. Гойхмана (Москва, Россия), Т. Демешкиной (Томск, Россия), А. Селютина (Челябинск, Россия), О. Шарафутдиновой (Челябинск, Россия), Н. Муравьевой (Россия). Обсуждение научных проблем проходило на болгарском, русском, польском языках, в обстановке полного взаимопонимания.

В рамках работы дискуссионной панели «Функционирование языковых средств в славянских масс-медиа» было прослушано 23 доклада на болгарском, русском, английском языках, подготовленных исследователями из Болгарии, России, Беларуси, Норвегии, Словакии, Чехии, Сербии. В центре внимания выступающих были вопросы реализации и речевой специфики современной массовой коммуникации, механизмы порождения медиатекстов, их обусловленность активной динамикой современного общества, трансформированием масс-медиа и качественным усложнением генерируемого ими дискурса.

В панельной дискуссии «Эстетика медиаречи» участвовали исследователи из Санкт-Петербурга (В.И. Коньков, Н.С. Цветова, Ю.М. Коняева и др.), Москвы (Е.Н. Басовская), Вены (Э. Хоффманн), Томска (И. Поплавская, Т. Арсеньева), Екатеринбургa (И. Ахьямова, М. Беляева). Значительность состоявшегося научного диалога определялась его междисциплинарным характером.

Панельная дискуссия «Методики лингвоэкспертного анализа медиатекстов» шла в направлении решения трех групп вопросов: 1) границы экспертной компетентности, 2) специфика экспертизы медиапродуктов различных форм коммуникации, 3) разработка лингвистического инструментария юридической экспертизы с привлечением сопредельных областей знания. Свои соображения по этим вопросам высказали Е.С. Кара-Мурза (Москва), Т.В. Чернышова (Барнаул), В.В. Васильева (Санкт-Петербург), А.П. Чудинов (Екатеринбург), М.А. Венгранович (Тольятти) и др. Участники были единодушны в том, что в ходе выполнения лингвистической экспертизы медиатекстов происходит адаптация собственно лингвистических методов исследования к экспертным задачам. При этом последние достижения медиалингвистики получают практическую актуализацию, а решение исследовательских задач ставит перед лингвистом-экспертом ежедневные вопросы, поскольку с расширением влияния медиальности на общественные процессы появляются новые виды речевых правонарушений.

Панель «Речевые параметры политического медиадискурса» была посвящена разработке лингвистической теории политического медиадискурса. С докладами выступили: В.И. Коньков (Санкт-Петербург), обозначивший в своем выступлении базовые категории медиадискурса; Т.И. Попова (Санкт-Петербург), представившая в своем сообщении интервью с политиком с точки зрения персонального и институционального дискурсов; П. Адамка (Нитра, Словакия), посвятивший свой доклад характеру позиционирования лидера российской оппозиции в словацком медиaprостранстве. Были заслушаны также доклады Л. Ивановой (Киев, Украина) «Медиатексты в лингвоимагологическом аспекте» и А. Едличко (Москва) «Актуализация темы политического про-

теста в новостном интернет-дискурсе»; совместный доклад А. Едличко и Ю. Тумановой (Москва) – о деонимизации имен собственных в современном политическом медиадискурсе; Т.И. Суриковой (Москва) – об интенциональных возможностях политической терминологии в дискурсе СМИ; П. Яневой (София, Болгария) – о категории политической корректности; Ю.Г. Чернышова (Барнаул, Россия), показавшего в своем сообщении, как несоответствие речевого поведения политика его социальному статусу приводит к краху политической карьеры.

Панельная дискуссия «Лингвистика публицистического текста» была представлена на конференции обширной тематикой, которая касалась проблем как частного, так и общего, основополагающего, характера. Заинтересованный разговор шел об онтологическом статусе лингвистики публицистического текста и закономерном глубоком внедрении ее в сферы медиалингвистики и дискурсного анализа СМИ (В.И. Ивченков, Минск, Беларусь). Исследователи из Белорусского государственного университета Т. Орлова, Л. Свитич, О. Десюкевич, Л. Саенкова, И. Минчук Н. Стойкова обсудили вопросы, касающиеся новых форм композиционной и лингвостилистической организации медиатекста, методики проведения контент-аналитических исследований, новых аспектов изучения медиатекста как феномена культуры и др.

В ходе работы VIII панели «Медиатекст в методической работе: проблемы и перспективы» заслушано 6 докладов, в которых были представлены результаты исследований девяти участников конференции из трех стран: России, Болгарии и Сербии. Т.В. Чернышова (Барнаул, Россия) поделилась с участниками панельной дискуссии своим опытом использования медиатекстов в процессе преподавания новой дисциплины лингвистического цикла «Лингвоконфликтология». Применению медиатекстов в вузовском обучении русскому языку как иностранному были посвящены два доклада: И. Костадиновой и К. Петровой (Шумен, Болгария); Н.Г. Нестеровой и С.В. Фащановой (Томск, Россия). В докладе Ю. Михайловой (Екатеринбург, Россия) на примере региональных интернет-форумов рассмотрены тематические сферы, отражающие ценностные ориентиры наших современников. Специалисты Института экспериментальной фонетики и языковой патологии (Белград, Сербия) Миряна Совил и коллектив авторов в составе *Silvana Panišić, Vanja Nenadović, Miško Subotić* представили два доклада на стыке речевой коммуникации, психологии и педагогики.

Панельная дискуссия «Травелог как тип медиатекста» была посвящена обсуждению актуальных подходов к анализу травелогов, под которыми понимаются разные по своим жанрово-стилистическим и коммуникативным характеристикам тексты, описывающие реальные путешествия – от художественной публицистики до записей в блогах. Основное направление дискуссии было связано с характеристикой экстралитературных факторов, влияющих на текстообразование травелогов, в частности, способа передвижения, цели путешествия, бэкграунда автора, коммуникативной среды травелога. В связи с этим обсуждались обстоятельства формирования дорожных дискурсов, локальных травелогов, нарративных стратегий и других устойчивых структур, которые складываются в связи с особенностями функционирования травелогов в ме-

диасреде. В работе дискуссионной панели приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Перми, Екатеринбурга, Новосибирска и Харькова.

Участники международной конференции высоко оценили актуальность и перспективность поднятых на конференции тем, отметили прекрасно организованную работу секций и пленарных заседаний, выразили особую благодарность за теплый прием Шуменскому университету имени Епископа Константина Преславского в лице председателя программного комитета конференции Димитра Димитрова Попова и председателя организационного комитета Велки Александровой Поповой, а также сопредседателю программного комитета, заведующей кафедрой речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета профессору Лилии Рашидовне Дускаевой и членам программного комитета – коллегам из Санкт-Петербургского государственного университета.

Т.В. Чернышова

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Е.Е. Завьялова. Алиментарный код в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны». В статье анализируется совокупность алиментарных знаков в произведении Л. Андреева. Доказывается, что важная роль образов еды обусловлена несколькими моментами. Во-первых, главными героями романа являются сколотивший состояние на производстве мясных консервов мистер Генри и вочеловечившийся в его тело Сатана, сосредоточенный на непривычных для него земных ощущениях, в том числе тех, что связаны с работой пищеварительного аппарата. Во-вторых, тропы с производными значениями «еда», «питье» помогают отразить многочисленные трансформации, смещения смыслов в «Дневнике...», передавая идею эфемерности, неустойчивости, пронизывающей мироздание сверху донизу. В-третьих, частые упоминания алиментарных деталей объясняются реализацией метафоры всепожирания, связанной с апокалипсическими интонациями романа. И, наконец, мотивы вкушения еды и вина соотносятся с ритуалами спарагмоса, брака, литургии, евхаристии, через которые проходит Вандергуд, перевоплощаясь из Сатаны в Дьявола, затем в человека и, наконец, во Христа.

E.E. Zavyalova. The Alimentary Code in the Novel «Satan's Diary» by L. Andreev. The article analyzes the totality of alimentary signs in one of the books by L. Andreev. The importance of food images is proved by some facts. First of all, the main characters of the novel are Mr. Henry, who made his fortune while manufacturing canned meat. And Satan, who became human in his body, focuses on unusual for him people sensations, including taste as well. Secondly, tropes with the meaning of «food» or «drink» help show a lot of transformations and substitutions of that meaning in «The Diary...». They convey the idea of ephemerality, instability, permeating the Universe from top to bottom. Thirdly, the frequent usage of alimentary details is explained by the implementation of the metaphor of “devouring”, associated with the apocalyptic tone of the novel. And finally, the motives of partaking food and wine are associated with the rituals of sparagmos, marriage, Liturgy, the Eucharist, through which Wondergood

goes, when he turn from Satan to the Devil, then a human being, and finally Christ.

М.А. Телятник. Фельетоны Леонида Андреева о поездках по Волге и Каме: поэтика импрессионизма. Среди фельетонов Л.Н. Андреева, опубликованных в газете «Курьер» (1900–1903), к жанру путевого очерка можно отнести следующие: о поездках по Волге и Каме («Волга и Кама»), на Рижское взморье («Путевые впечатления. Рига. Балтийское море»), на Черное море («На юге»). Вниманию читателей представлены фельетоны о поездках по Волге и Каме. Писатель размышляет о Волге как колыбели русского свободолюбия и силы. Она – «веселая река». Ее люди подобны былинным богатырям. В противовес Волге Кама – река мрачная и хмурая, она «ужасно безлюдна». Андреев сосредотачивается на внешних впечатлениях, звуках, красках, ощущениях. Он создает пейзажные зарисовки, напоминающие полотна русских художников, тяготевших к импрессионизму. Автор чувствует свою причастность этой природной жизни, малой частицей которой он себя осознает. В работе анализируются идейно-художественное своеобразие и жанрово-стилистические особенности путевых фельетонов. Впервые предпринимается попытка установить в них связь с эстетическими принципами импрессионизма.

M.A. Teliatnik. Newspaper Satires by Leonid Andreev on the Volga and Kama Trips: Poetics of Impressionism. Among satirical articles by L.N. Andreev, published in the newspaper «Courier» (1900–1903), the genre of travel notes includes the following pieces: trips on the Volga and the Kama («Volga and Kama»), on the Riga beach («Travel impressions. Riga. The Baltic Sea»), on the Black sea («The south»). Here the readers are presented satires on the Volga and the Kama trips. The writer reflects on the Volga as the cradle of Russian freedom and strength. It is a «cheerful river». Its people are like epic heroes. In contrast to the Volga, the Kama is a dark and gloomy river; it is «terribly deserted». Andreev focuses on external impressions, sounds, colors, sensations. He creates landscape sketches, reminiscent of paintings by Russian artists inclined towards Impressionism. The author feels his involvement in the natural life and realizes himself a small particle of it. The paper analyzes the ideological and artistic originality and genre-stylistic peculiarities of travel notes. For the first time an attempt is made to install them in connection with the aesthetic principles of Impressionism.

А.А. Мансков. Арабские сказки «Тысяча и одна ночь» и новелла С.Д. Кржижановского «Некто»: особенности интертекстуальных связей. С.Д. Кржижановский неоднократно обращался в своих

произведениях к художественному наследию мусульманского Востока. В его новеллах и повестях фигурируют темы и образы, заимствованные из восточной мифологии и литературы. В статье исследуются общие точки соприкосновения между книгой сказок «Тысяча и одна ночь» и новеллой «Некто». В качестве методологического инструментария используется теория интертекстуальности. Как и в арабском претексте, в новелле происходит взаимодействие фантастического и реального начал, обнаруживаются схожие трансформации, связанные с функционированием категории времени (растягивание, сжимание), а также выявляется общая типология персонажей. Важным элементом, сближающим исследуемые тексты, является культурный код смерти. Он непосредственно реализуется через семантику игры. Особое внимание уделяется мифологеме знака зверя (число 666), отсылающей сознание читателя к образу революции как апокалипсиса, широко распространенному в литературе 1920-х годов.

A.A. Manskov. «Arabian Nights Entertainments» and a Short Novel «Someone» by S.D. Krzhizhanovsky. Sigizmund Krzhizhanovsky often referred to the fiction legacy of the Muslim East in his works. There are topics and images taken from Eastern mythology and literature in his novelettes and stories. The article deals with cross-points of the fairy tale book of *Arabian Nights* and the novelette *Someone*. The method of the analysis used in the article is the theory of intertextuality. Like in the Arabian pretext, in the novelette fanciful and real worlds are mixed up, there are similar transformations connected with the time category (extension and compression), and the similar typology of characters. A very important element which brings together the texts under consideration is the cultural code of death. It is actualized through game semantics. Special attention is paid to the mythologeme of the beast symbol (number 666) referring to the image of the revolution as the Apocalypse widely spread in the Russian fiction of the 1920s.

А.М. Галиева, Э.Ф. Нагуманова. Метафора в философском тексте: оригинал и перевод. В современной философии выделяют не только сложный и разветвленный понятийный аппарат, но и особую организацию языковых средств. В статье рассматривается проблема перевода метафоры в философском тексте. Язык философии – это абстрактный язык, который отличается от языка позитивной науки, а также от языка поэтических и религиозных текстов. Авторы показывают, что метафоры выполняют познавательную и эстетическую функции в философском тексте, они позволяют нам создавать новые понятия и рационально осмыслить их. В исследовании выявлены разнооб-

разные лексические и семантические трансформации метафоры в русском переводе «Слов и вещей» М. Фуко. Эти преобразования могут уничтожить концептуальную ясность, структурную целостность и идентичность стиля оригинального произведения. Авторы приходят к выводу, что перевод разбивает концептуальное единство текста.

A.M. Galieva, E.F. Nagumanova. Metaphors in the Philosophical Text: the Original and Translation. The contemporary philosophy has not only complex and branched conceptual apparatus, but it also requires a special organization of the linguistic resources. The article deals with the problem of translation of metaphors in the philosophical text. The language of the philosophy is the abstract language different from the language of the positive science and the language of poetic and religious texts and everyday communication. The authors show that metaphors perform cognitive and aesthetic functions in philosophical text, enable us to create new concepts and rationally comprehend them. The study reveals a variety of lexical and semantic transformations of the metaphors in the Russian translation of *The Order of Things* by M. Foucault. These transformations can destroy the conceptual clarity, the structural integrity and the identity of the style of the original work. The authors conclude that the translation breaks the conceptual unity of the text.

О.Н. Жердева, Е.А. Савочкина. Фет – переводчик Гейне: средства передачи иронии. В данной статье исследуются способы передачи А.А. Фетом в переводах стихотворений Г. Гейне иронических приемов немецкого поэта. Стремление Фета передать авторскую иронию обусловлено как «буквалистскими» принципами Фета-переводчика, так и историческими особенностями развития русской литературы середины XIX века. Наибольшее количество гейневских произведений переведено русским поэтом в период с 1847 по 1857 годы, с точки зрения хронологии наблюдается также количественный рост «иронических» переводных стихотворений. Данные факты могут быть связаны с процессом объективизации русской литературы, «обогащением ее мыслью», а поэзия Гейне с характерной для нее рефлексией, основной формой которой является ирония, соответствовала этому историческому требованию. Передавая иронию Гейне в своих переводах, Фет пользуется авторскими средствами и обращается к приемам, характерным для его собственной поэтики. Точность фетовских переводов, чуткость к ироническому подтексту оригинальных стихотворений свидетельствуют о том, что интерес Фета к поэзии Гейне не был лишь данью моде (хотя в 1840-е годы Гейне был самым популярным поэтом в России). А.А. Фет, подобно многим переводчикам, являющимся профес-

сиональными поэтами, предпочитает произведения, близкие ему самому и часто адаптирует переведенное стихотворение к собственным эстетическим принципам.

O.N. Zherdeva, E.A. Savochkin. Fet – Translator of Heine: Means of Conveying Irony. The article deals with the means of translation employed by A. Fet to convey irony in poems by H. Heine. Fet's tendency to preserve original irony is determined by both his far too literal approach to translation and trends in the Russian literature of the middle of the XIX century. The majority of Heine's poems were translated by A. Fet within the period of 1847 to 1857, the predominance of ironical translated poems growing. The interest for Heine's poetry with his reflection principles illustrates the general trend of Russian literature to «get rich with thought». Conveying Heine's irony Fet preserves devices used in the original as well as uses tropes and devices of his own. The fidelity of Fet's translation demonstrates his professionalism as a poet and translator who chooses works answering his own aesthetic principles without just following current fashion (Heine was the most popular poet in Russia in the 1840s).

Т.Г. Пшенкина, Н.Н. Безрукова. Передача названий производственных предприятий с русского языка на английский как переводческая проблема. В статье рассматривается вопрос перевода эргонимов, одной из групп имен собственных, относящихся к названиям производственных предприятий. Изучение различных аспектов этой группы языковых единиц, в частности, их роль в презентации деловой компании, в создании ее корпоративного имиджа приобретают важную роль в ономастических исследованиях. При этом число нерешенных проблем увеличивается при включении в предметное поле изучения вопросов контрастивной лингвистики и перевода. Авторы обращаются к двум взаимосвязанным аспектам. Первый соотносится с имманентными свойствами эргонимов: с объемом их понятия, со структурой имени собственного, содержащего в своем составе нарицательный компонент, а также с видо-родовыми отношениями эргонима с другими онимами. Второй аспект связан с прикладными вопросами перевода и включает направление перевода и формирование внутреннего контекста для адекватной реконструкции ментального содержания, заложенного в процессе номинации эргонима. В статье предлагается трехступенчатый алгоритм перевода эргонимов, созданный в результате обобщения авторами собственного опыта переводов эргонимов Алтайского края.

T.G. Pshenkina, N.N. Bezrukova. The problem of translating business company names from Russian into English. The article deals

with Russian-English translation of ergonyms, a group of onyms that denotes the names of production and commercial organizations. Various aspects of proper names, their roles in the presentation of an enterprise and in the creation of its corporative image are one of the top priorities in contemporary onomastics. The controversial points in this area of linguistics often emerge and acquire profound significance in cases of contrastive and translation studies. The authors primarily focus on one of these areas and highlight two interrelated issues. One of them embraces the multifaceted properties of ergonyms, their semantic and referential status, as well as their structural and hypo-hyperonymic relations with other groups of onyms. The scope of the other unfolds round the practical aspects of ergonyms translation with a special emphasis on the translation directionality and construal of the mental context that determines the peculiarities of the nomination process. The article proposes three-staged recommendations for the algorithm of ergonyms translation that has been developed as a result of the authors' personal experience in translating Altai Krai ergonyms.

В.Н. Аристова. Лингвистические средства создания образов политиков в современной французской сатирической прессе. Сатирические еженедельники «Charlie Hebdo» и «Le Canard Enchaîné» – уникальный феномен современной французской интеллектуальной жизни. Они освещают все сферы жизни французского общества, международные события, но основной объект насмешек, карикатур, комиксов и шаржей – это политика и действующие политики. В статье рассматриваются исследования, выявляющие основные языковые средства создания комического образа политиков в современных французских сатирических изданиях. Среди основных методов используются: метод сплошной выборки, учитывающий условия функционирования языковых элементов и влияние этих условий на процессы функционирования текста; метод стилистического анализа текста, позволяющий понять, какими языковыми средствами и приемами создается комическое в двух еженедельниках; метод социокультурного анализа текста, позволяющий поместить изучаемые сатирические еженедельники в современный французский культурный контекст и проследить влияние газет на общественную жизнь в современной Франции.

V.N. Aristova. Verbal Means of Politician Image Building in the Modern French Satirical Press. The satirical weeklies «Charlie Hebdo» and «Le Canard Enchaîné» are the unique phenomena of the modern French intellectual life. Newspapers highlight all spheres of life of the French society, international events, but the main object of sneers, caricatures, comics and cartoons is a policy and present-day politicians. The main

objective of the article is to represent the verbal means to build the images of politicians in modern French satirical press. The core methods used within the research are as follows: continuous sampling, taking into account the conditions in which language units function and the impact of these conditions on the functioning of the text; stylistic analysis of the text, which clarifies what language means and methods serve to create the comic meaning in the two weeklies; social and cultural analysis of the text, allowing to place the satirical weeklies under study into the modern cultural context of France and helping trace the influence of newspapers on public life in modern France.

О.В. Никитин. Риторика – это наука будущего. В статье анализируются идеи и труды видного отечественного филолога профессора А.А. Волкова, посвященные изучению генезиса и теории риторики. Показаны пути развития данной науки, ее связи с историей и философией гуманитарной мысли. Продемонстрированы также коммуникативные возможности риторики. Наибольший акцент А.А. Волков здесь делает на соотношении ратора и аудитории. В работе дается обзор строения этой науки, ее «риторических аргументов» и «нравов», а также описание пафоса, этоса и логоса полемического диалога. В книгах А.А. Волкова риторика соотносится с такими категориями, как религия, искусство, право, нравственность, личность. Интерпретация идей А.А. Волкова связывается со школами изучения риторики конца XIX – начала XX века и включаются в контекст лингвофилософских взглядов отечественных ученых, развивающих эту проблематику. Большое внимание уделено традиции риторики и ее практическому значению в образовании, особенно приемам построения устной и письменной речи.

O.V. Nikitin. Rhetoric is the Science of the Future. The article analyzes the ideas and works of prominent Russian philologist Professor A.A. Volkov. His works are devoted to the study of genesis and theory of rhetoric. The ways of the development of this science, its relation to the history and philosophy of liberal thought as well as the communicative possibilities of rhetoric are discussed in the article. A.A. Volkov emphasizes the ratio of the rhetorician and the audience. The study provides an overview of the structure of this science, its «rhetorical arguments» and «morals», and the description of pathos, ethos, and logos of polemical dialogue. In A.A. Volkov's books rhetoric correlates with such categories as religion, art, law, morals, personality. A.A. Volkov's ideas are related to the schools in the study of rhetoric of the late XIX – early XX centuries and are included in the context of linguo-philosophical views of Russian scholars. Special

attention is paid to the tradition of rhetoric and its practical importance in education, especially oral and written speech techniques.

Т.В. Ковалева. Влияние билингвальных процессов на формирование русской средневековой культуры. Билингвизм как культурно-языковое явление – очень важный фактор, влияющий на развитие народов, страны, мира. Его возникновение, развитие и переход в диглоссию как этапы становления зависят от многих социальных, политических, этнических и прочих факторов. Это явление очень разнообразно и крайне неустойчиво. В данной статье речь идет о значительных культурно-языковых процессах, которые повлияли на формирование русской культуры и языка в достаточно продолжительный период средних веков. В эпоху раннего Средневековья возникает русско-скандинавский билингвизм, который имел локальный характер и подтверждается лишь наличием материальных артефактов и граффити на них. В X веке с появлением новой религиозной доктрины на территории Киевской Руси начинает складываться русско-греческий билингвизм. Этот период характеризуется наличием переводной литературы сакрального толка, формированием родного языка и его литературной традиции. Однако такой тип билингвизма поддерживается лишь определенными социальными слоями образованных людей, принадлежащих высшим слоям духовенства и аристократии. Становление литературного русского языка сопровождалось не менее интересным билингвальным явлением, когда в среде грамотных людей пользовались попеременно кириллицей и глаголицей.

T.V. Kovaleva. Influence of Bilingualism upon the Development of the Russian Medieval Culture. Bilingualism as a cultural and language phenomenon is a very important factor influencing upon the development of peoples, countries and the whole world. Its origin, development and diglossy depend up social, political, ethnical factors. Bilingualism can be diverse and unstable. Two important cultural and language processes which influenced the development of Russian cultural and language are covered in the article. In the early Middle Age there was Russian-Scandinavian bilingualism that was of a local character. It was documented only by some cultural artifacts and graffiti on them. In the X century there was Russian-Greek bilingualism through appearing a new religious doctrine. In the period foreign sacral literature was created according to new religious and literary traditions. However, this type of bilingualism existed among educated people, belonging to the upper class of clergy and nobility.

К.А. Кочнова. Лето в языковой картине мира А.П. Чехова. Статья посвящена исследованию фрагмента языковой картины мира

А.П. Чехова, выявляется специфика индивидуального мировосприятия концепта «лето», реализованного в языке писателя. Изучение лексико-семантической системы языка проводится с помощью полевой методики. Исследуется авторское лексико-семантическое поле с точки зрения содержания, состава (эксплицирует фрагмент мировоззрения писателя), с точки зрения структурной организации, которая отражает специфику ценностной ориентации и языковых приоритетов личности. Семантическая структура слова *лето* может быть описана следующим образом: *Лето* 1. Самое теплое время года, следующее за весной и предшествующее осени. 2. Время года, несущее гибель огнем солнца. 3. Время, когда окружающая природа пленяет своей гармонией и красотой || время любви. Важную роль в выявлении авторского отношения к этому времени года играют эмосемы, составляющие эмоционал семантемы *лето*: 'скудный', 'унылый', 'утомленный', 'радостный'. Отсюда антиномичный облик этого времени года, связанного в картине мира А.П. Чехова одновременно с гармонией, красотой, жизнью и скукой, безнадежностью, гибелью и смертью.

К.А. Kochnova. Summer in the Linguistic World-Image of A.P. Chekhov. The article is devoted to the analysis of a fragment of the linguistic world-image of A.P. Chekhov and the specific features of the author's individual perception of the concept «summer». The study of the lexico-semantic system of the language is carried out by means of a field technique. The article considers the author's lexico-semantic field «summer» from the point of view of its content, composition (it exposes a fragment of the writer's outlook), from the point of view of its structure which reflects his specific values and language priorities. The semantic structure of the word «summer» can be described as follows: summer: 1) the warmest season following spring and preceding fall, 2) the season which brings destruction by the sun heat, 3) the time when nature fascinates by its harmony and beauty || love time. An important role in the identification of the author's attitude to this season is played by emosemas which reflect the emotional components of the semanteme «summer»: 'boring', 'sad', 'tired', 'joyful'. Thus, «summer» becomes an antinomic season, in A.P. Chekhov's world-image it is connected with harmony, beauty, life, on the one hand, and boredom, hopelessness, death and destruction, on the other.

Ю.Л. Высочина. Концепция «диалогизма» М.М. Бахтина как основание постструктуралистской концепции интертекстуальности Ю. Кристевой. В статье рассмотрена концепция диалогических отношений М.М. Бахтина, выступившая как основание для постструктуралистской концепции интертекстуальности Юлии Кристевой. Диа-

логизм, по М.М. Бахтину, пронизывает всю литературу, так как автор всегда обращается и к предшествующей, и к современной ему литературе. Таким образом, созданный текст включает в себя другой текст через отдельные элементы – речевые высказывания, которые приобретают иное значение в новом контексте. Ю. Кристева, переосмысляя работу М.М. Бахтина, рассматривает текст как мозаику цитации: любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Формулируя свою концепцию, Кристева впервые использует понятие интертекстуальности, под которым понимает различные «отсылки» к предыдущим текстам.

Y.L. Vysochina. The Conception of «Dialogism» by M.M. Bakhtin as the Basis of the Poststructuralist Conception of Intertextuality by Y. Kristeva. The article discusses the conception of dialogical relations by M.M. Bakhtin taken as the basis for the poststructuralist conception of intertextuality by Julia Kristeva. Dialogism, according to M.M. Bakhtin, pervades the literature, as the author always refers to the antecedent and contemporary literature. Thus, the generated text includes another text in the individual elements – speech acts that acquire a different meaning in a new context. Y. Kristeva, reinterpreting the work of M.M. Bakhtin, sees the text as a mosaic of citations: any text is the product of absorption and transformation of another text. Wording her conception, Kristeva for the first time uses the concept of intertextuality, which she understands as various «references» to the previous texts.

Е.А. Андреева. ИмPLICITные формы запретов в литературной критике «патриотов»: техника реконструкции. Данная статья представляет собой опыт анализа-реконструкции имPLICITных форм запретов в литературно-критических текстах «патриотов», опубликованных в 2000-е годы. Литературная критика «патриотов» в ряду современных направлений критики отличается большей степенью идеологичности, резкостью суждений в отношении противника. В ней обнаруживается целый ряд неявных запретов, которые могут быть реконструированы по так называемым «симптомам». Были выявлены следующие «симптомы» запретов в критическом тексте: апелляция к страху, символическая дискредитация, формирование образа врага, лишение статуса «русский» / «национальный». Проведенное исследование позволяет сделать вывод о дискурсивных установках патриотической критики, определяющих интерпретацию и оценку литературного явления. В «зоне запрета» критики-патриоты располагают либеральную идеологию, космополитизм, русофобство, коммунизм, атеизм, авангардист-

ское искусство, противоборство с традицией, эстетику и философию постмодернизма.

E.A. Andreeva. The Implicit Forms of Prohibitions in Patriotic Literary Criticism: Techniques of Reconstruction. This article gives the reconstruction analysis of implicit forms of prohibitions in the patriotic literary criticism texts published in the 2000s. Among the modern trends of criticism patriotic literary criticism has a higher degree of ideology presence, a sharper angle of the opponent evaluation. There is a range of implicit prohibitions, which can be reconstructed with symbolic «symptoms». We identified and described such «symptoms» as reference to fear, symbolic discreditation, building the enemy image, deprivation of status «Russian». This analysis allows us to devise discursive paradigm that shapes the interpretation and evaluation of a literary phenomenon. The «zone of the prohibition» includes liberal ideology, cosmopolitanism, Russo phobia, communism, atheism, avant-garde art, the confrontation with tradition, aesthetics and philosophy of post-modernism.

А.Ю. Швидченко. Библизмы как вербализаторы ключевых концептов русского национального сознания (по материалам словарей М.И. Михельсона и В.И. Даля). Библейские крылатые единицы, являясь бесспорным достоянием и украшением русского языка, в настоящее время подвергаются всестороннему изучению и описанию. Библейские крылатые единицы являются не только вместилищем вечной мудрости Священного Писания, ее образов и притч, но и вербализаторами общехристианских концептов, некоторые из которых стали неотъемлемой частью русского национального сознания. Установить подобные концепты, отобранные за тысячу лет существования русской православной цивилизации, помогает анализ лексикографических памятников XIX века: словарей М.И. Михельсона и В.И. Даля. На основе этих словарей автор анализирует состав библейских крылатых единиц литературного и народного языка XIX века. Автор приходит к выводу, что для русской языковой картины мира основополагающими являются концепты «Бог», «Грех», «Душа», «Дьявол», «Человек», «Любовь», «Дух», «Добро», «Вера».

A.Ju. Shvidchenko. Biblical Phrases as Verbalizers of Key Concepts of the Russian National Consciousness (according to the Dictionaries by M.I. Michelson and V.I. Dahl). Biblical popular idiomatic units, being indisputable property and decoration of the Russian language, are exposed now to comprehensive study and the description. Bible idiomatic units are not only a receptacle of eternal wisdom of the Scripture, its images and parables, but also verbalizers of all-Christian concepts, some

of which became an integral part of the Russian national consciousness. The analysis of lexicographic monuments of the XIX century – M.I. Michelson and V.I. Dahl's dictionaries – helps to establish the similar concepts, which are selected for one thousand years of existence of the Russian orthodox civilization. The author analyzes structure of the bible popular units in literary and national language of the XIX century on the basis of these dictionaries. The author comes to a conclusion, that concepts «God», «Sin», «Soul», «Devil», «Man», «Love», «Spirit», «Good», «Faith» are fundamental for the Russian language picture of the world.

В.Ф. Ибрагимова. Словообразовательные форманты в деривационной системе русских и украинских антропонимов тюркского происхождения. В статье исследуются русские и украинские антропонимы тюркского происхождения. Словообразовательная система русского языка характеризуется огромным количеством формантов. В связи с этим возникает необходимость определения и выбора соответствующего форманта при образовании антропонимов. Определены наиболее частотные словообразовательные форманты для русскооформленных, украинскооформленных и тюркскооформленных антропонимов. Под формантами в ономастике принято понимать те повторяющиеся части имен собственных, которые их формируют как имя собственное. Формант можно определить и как средство выражения словообразовательного значения. К форманту также относится интерфикс, выполняющий строевую функцию в простых антропонимах в сочетании с суффиксом. В основе определения структурных типов фамилий по формальным признакам мы основывались на классификацию, предложенную В.А. Кравченко. Материал показал, что русские и украинские фамилии с тюркской основой образуются при помощи славянских суффиксов и тюркских аффиксов. Актуальность исследования обусловлена комплексным изучением антропонимов с точки зрения морфемно-словообразовательной структуры и закреплении производных в лексикографической практике.

V.F. Ibragimova. Wordbuilding Formants in the Derivational System of Russian and Ukrainian Anthroponyms of Turkic Origin. Russian and Ukrainian anthroponyms of Turkic origin are studied in the article. Surname derivational formants are considered, too. The most frequently used wordbuilding formants for Russian formalized, Ukrainian formalized and Turkicformalized anthroponyms were determined. The formants in onomastics are the recurring part of proper names, which they form as a proper name. Formant can be defined as a means of expression and word-formation values. Infixes, performing derivational function in

simple anthroponyms and combined with the suffix, are the formants, as well. The classification proposed by V. Kravchenko is used as the basis of determining the structural types of names on formal signs. The material proves that Russian and Ukrainian names with Turkic origin are formed by Slavonic suffixes and Turkic affixes. The importance of such a research is caused by a complex study of personal names in terms of morpheme-word-building structure and the usage derivatives in lexicographical practice.

М.Н. Крылова. Сравнение как средство конструирования юмористических высказываний. В статье проведен комплексный анализ (семантический и структурный) сравнительных конструкций, создаваемых языковой личностью с юмористическими целями. Созданию шуток служит широкий круг образов сравнения: объекты из мира природы, предметного мира, сферы техники, экономики, религии. Особенно часто юмористический характер имеют сравнения, в которых что-либо сопоставляется с прецедентным феноменом – именем, текстом, ситуацией. При этом чаще других востребованы языковой личностью прецедентные феномены из сферы рекламы, шоу-бизнеса, искусства, истории, литературы в пределах школьной программы. Наиболее актуальной грамматической разновидностью для выражения юмористических смыслов является сравнение с помощью сказуемого с разъяснением юмористического основания сопоставления в постпозиции. Структура сравнения, включающая субъектную и объектную части, разнообразие языковых способов выражения сравнения делают его актуальным средством создания юмора для современной языковой личности, стремящейся быть оригинальной в своих характеристиках и суждениях.

M.N. Krylova. Comparison as a Means of Producing Humorous Utterances. The article provides a comprehensive semantic and structural analysis of comparative constructions created by the linguistic person for humorous purposes. A wide range of comparative images – the objects of natural and objective worlds as well as of technology, economy, and religion – are used to create jokes. Very often humorous effect is produced by comparisons in which something is compared with a precedent phenomenon – a name, text, situation. The most popular are precedent phenomena from the sphere of advertising, show business, art, history, literature (within the secondary school syllabus). Comparisons in the form of a predicate are the most popular grammatical kinds of comparisons which express humorous meanings. This type of comparisons usually has a humorous explanation of the comparison in postposition. The structure of the comparison which includes the subject and object, a variety of linguistic means to express

comparative semantics makes comparisons a popular means of creating humor by the modern linguistic person seeking to be original in their characteristics and opinions.

Т.А. Полтавец. Влияние дискурсивных параметров на функционально-стилистическое своеобразие научно-популярных текстов. В данной статье на материале публикаций научно-популярного журнала «Наука и жизнь» и одноименного новостного интернет-портала рассмотрено влияние дискурсивных параметров (хронотоп, адресат, адресант, цель, прецедентные тексты) на функционально-стилистические особенности текстов (степени экспрессивности, модальность и доминирующая функция текста). Функционально-стилистические особенности научно-популярного текста определяются комплексным воздействием совокупности дискурсивных параметров. Если специфику научно-популярного дискурса в целом определяют прежде всего параметры адресата и цели, то разнообразное функционально-стилевое оформление текстов внутри единого дискурса объясняется влиянием совокупности двух указанных и других параметров. Хронотоп воздействует на соотношение синтаксической и лексической сложности текста, его насыщенность терминами; цели и адресант – на выбор объективной или субъективной модальности (и они же в первую очередь определяют доминирующую функцию текста), все параметры в той или иной степени оказывают влияние на степень экспрессивности текста и способы ее проявления.

T.A. Poltavets. The Influence of the Discursive Parameters on the Functional-stylistic Originality of the Popular Scientific Texts. This article contains the study of the influence of discursive parameters (time-space, the receiver, sender, purpose, precedent texts) on the functional and stylistic features of texts (degree of expressiveness, modality and dominant the function of the text). The study is based on the material of the popular science magazine «Science and Life» and the eponymous online news portal. Functional and stylistic features of the popular science text are determined by the combined action of the aggregate of discursive parameters. If the specifics of scientific and popular discourse as a whole is determined primarily by the parameters of the receiver and purpose, the diverse functional and styling of text within a single discourse is due to the influence of a combination of two of these and other parameters. Chronotope affects the ratio of syntactic and lexical complexity of the text, its terms saturation; goals and sender – the choice of objective or subjective modality (and they are primarily determines the dominant feature of the

text), all parameters in varying degrees have an impact on the degree of expressiveness of the text and the ways of its manifestation.

Г.С. Хазиева-Демирбаш. Этнокультурные особенности татарских личных имен с компонентами цветообозначений. Статья посвящена раскрытию семантики компонентов цветообозначений в татарских личных именах, которые участвуют в актуализации физических и психологических особенностей человека. Личные имена рассматриваются как этнокультурные знаки, несущие информацию об этническом составе, о духовной и материальной культуре народа, отражающие религиозные и философские воззрения, обычаи и обряды жизни этноса. На материале антропонимикона других тюркских языков доказано, что восприятие сенсорных оценок (физических и психологических) человека является в целом одинаковым для всех тюркских народов. Семантический анализ личных имен показал, что компоненты цветообозначений в личных именах описывают физические признаки (цвет лица, глаза, брови и др.) человека и характеризует его психологические качества (сильный, счастливый, мудрый и др.). В результате исследования личных имен с компонентами цветообозначений в этнокультурном аспекте выявлено, что личные имена являются национально-маркированным пластом языка.

G.S. Khaziyeva-Demirbash. Ethnocultural Features of the Tatar Personal Names with Components of Colour. The article is devoted to disclosure of semantics of components naming colours in the Tatar personal names which are connected with feelings, sensual (physical and psychological) experience of the person. Personal names are considered as the ethnocultural signs bearing information on ethnic structure, spiritual and material culture of the people, reflecting religious and philosophical views, customs and ceremonies of ethnos life. On material of an anthroponyms of other Turkic languages it is proved that the perception of touch estimates of the person is in general identical to all Turkic people. The semantic analysis of personal names showed that components with color meaning in personal names describe physical characteristics of the person (complexion, eyes, eyebrows, etc.) and characterizes his psychological qualities (strong, happy, wise, etc.). The result of research of personal names with the analyzed components in ethnocultural aspect is that personal names are the national marked language layer.

А.В. Кочкинекова. Проблема феномена субъективности в переводе. В статье обсуждаются особенности феномена субъективности в науке о переводе. В рамках проводимого исследования под субъективным автором понимается особая форма бытия человека,

форма психического. Проблема феномена субъективности привлекает внимание теоретиков такой молодой науки, как переводоведение (А.В. Федоров, З.Д. Львовская, Н.К. Гарбовский и др.). Перевод в работе понимается как адекватное отражение и творческое перевыражение оригинала. Автор статьи, вслед за Л.С. Выготским, подчеркивает, что назначение психики заключается не в зеркальном отражении действительности, а в искажении действительности в пользу организма. Соответственно, переводчик, как субъект-интерпретатор, обладающий психикой, не осуществляет зеркальную передачу содержания переводимого текста. Напротив, выполненный им перевод не может быть не пропущен сквозь призму его личности, жизненного опыта, ценностей, мыслей, его собственных эмоциональных переживаний и т.д. Единицей анализа психики субъекта, по А.Н. Леонтьеву, является личностный смысл. Субъект вкладывает смысл в определенные единицы языка в конкретной речевой ситуации под влиянием мотива и цели своего речевого поступка. Исследование феномена субъективности и, в частности, анализ личностных смыслов в переводе позволит в последующем установить более объективные критерии оценивания перевода, создав тем самым целостную систему его валидности.

A.V. Kochkinokova. The Problem of Subjectivity Phenomenon in Translation Science. The article discusses the problem of the subjectivity phenomenon in translation science. Within the frameworks of the present study, subjectivity is treated as a peculiar form of a person's being, as a mental form. The problem of subjectivity draws scholars' attention: A.V. Phedorov, Z.D. Lvovskaya, N.K. Garbovsky and some others. Translation is treated as an adequate reflection and a creative representation of the original work. The author of the article follows L.S. Vygotsky's ideas. He stresses that the purpose of psyche is not a mirror reflection of reality, on the contrary, it is reality distortion in favor of an organism. Consequently, a translator as a person who interprets does not do a mirror translation of the text content. The translation has undergone the influence of his personality, his life experience, his values, his thoughts, his own emotional experience, etc. The personality sense (according to A.N. Leontiev) is treated as the analysis unit of a subject's psyche. A person imparts definite meanings to the language units in a particular situation under the influence of his motive and his speech act goal. The study of the subjectivity phenomenon and the analysis of personality senses in translation, in particular, gives an opportunity to establish more objective criteria of translation estimation. Thus, a structured system of translation validity is created.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2016 ГОД

Статьи

В.Н. Аристова. Лингвистические средства создания образов политиков в современной французской сатирической прессе	4
Л.О. Бутакова. Семантическое пространство мультимодального текста как эмотивно-ценностный феномен (на материале восприятия русских и американских мультфильмов).....	2
О.В. Воронушкина. Концептуальная база системного описания скрытых смыслов.....	1
А.М. Галеева, Э.Ф. Нагуманова. Метафора в философском тексте: оригинал и перевод.....	4
О.М. Гончарова. Naturфилософское <i>Слово</i> автохтонных литератур Севера, Сибири и Дальнего Востока.....	2
Т.М. Григорьева. «Движущая, раскрытая исповедь»: (история русской эпистолярной культуры пунктиром)	2
С.В. Доронина. Речевая агрессия как источник правонарушений	2
Е.Г. Елина, Р.И. Павленко. Инструменты формирования литературной культуры в газетных публикациях второй половины 1990-х годов.....	2
Н.Н. Ефимова. Ослышка как предмет междисциплинарного исследования	3
О.Н. Жердева, Е.А. Савочкина. Фет – переводчик Гейне: средства передачи иронии	4
А.В. Жучкова. Внешний локус контроля как субстанциональное свойство «маленького человека» в русской литературе XIX века	1
Е.Е. Завьялова. Алиментарный код в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны».....	4
Е.Ю. Иванова. Отрицание в болгарском предложении (на фоне русского).....	2
Е.И. Клиник. Средства формирования целевой установки <i>информирования</i> в текстах имиджевых статей	2
Т.В. Ковалева. Влияние билингвальных процессов на формирование русской средневековой культуры	4
А.Е. Козлов: Феномен «обывательской философии» в провинциальном сюжете русской литературы XIX века	3
Л.А. Козлова. Модальная оформленность высказывания как один из маркеров национального стиля коммуникации.....	2
М.В. Коновалова. Использование термина «эвокация»	

в зарубежной и отечественной науке.....	3
А.И. Куляпин. Муж-воспитатель: гендерная проблематика в произведениях Михаила Зощенко и Николая Островского.....	2
Т.А. Литвинова, О.В. Загоровская. Изучение индивидуального варьирования характеристик русского письменного текста с учетом данных нейронаук.....	1
А.А. Мансков. Арабские сказки «Тысяча и одна ночь» и новелла С.Д. Кржижановского «Некто»: особенности интертекстуальных связей.....	4
М.В. Мишаева, М.Ш. Гасанова. Отражение национального характера в антропоцентрических фразеологизмах лакского языка.....	3
Г.Г. Москальчук, Н.А. Манакон. Интегральная оценка формы текста.....	1
Л.И. Москалюк. Нижненемецкие говоры в Алтайском крае.....	1
Е.А. Нахимова, А.П. Чудинов. Прецедентные феномены как доминанта идиостиля публициста.....	2
О.В. Никитин. Риторика – это наука будущего.....	4
Н.В. Панченко. Дискурсивные актуализации текста (на материале эссе Т. Толстой).....	2
Е.А. Постникова. Анализ прямых идентификаторов художественного образа женщины-китайки в романе Э. Тэн «The Joy Luck Club».....	3
Н.А. Прокофьева. Жанровые стили фатики в PR-коммуникации.....	3
Т.Г. Пшенкина, Н.Н. Безрукова. Передача названий производственных предприятий с русского языка на английский как переводческая проблема.....	4
В.С. Савельев. Функции глагольных форм настоящего времени в речи персонажей «Повести временных лет».....	2
М.Ю. Сидорова, Ю.В. Роговнева. Соотношение «часть – целое» в описательных текстах, основанных на непосредственном наблюдении.....	2
А.А. Суворов. Авторские стратегии в прозе Татьяны Толстой: диалог с «опоздавшим собеседником».....	1
М.А. Телятник. Фельетоны Леонида Андреева о поездках по Волге и Каме: поэтика импрессионизма.....	4
К.Б. Уразаева, Г.С. Бектасова. Риторика «потерянного поколения» в пьесе А. Чехова «Три сестры»: экзистенциальная проблематика и жанровая трансформация.....	2
И.Ф. Ухванова-Шмыгова. Интер-категории лингвистики дискурса: каузально-генетическая перспектива.....	3
С.А. Фисун, И.Н. Островских. Мотив блудного сына в художественном мире В.М. Шукшина.....	3
Н.А. Хуббитдинова. Актуальные аспекты изучения проблемы фольклорно-литературных взаимосвязей в башкирской литературе (XIII – начала XX века): результаты и перспективы исследования.....	1
Е.А. Худенко. Жизнетворчество писателя как текст: особенности структуры.....	2

Т.В. Чернышова. Прикладные аспекты изучения официально-деловой коммуникации: принципы оценки деловых текстов	2
А.А. Чувакин. Концепт <i>Алтай</i> в художественной прозе К.Г. Паустовского.....	2
М.Г. Шкуропацкая. Деривационный потенциал слова и его речевая реализация (на материале имен прилагательных со значением цвета в русском языке)	2
Р.В. Шубин. Лидер, начальник, первый в творчестве В. Шукшина: к образу мирового человека.....	1
О.В. Янковская. Лиро-эпическая природа прозы Сергея Пестунова	1

Научные сообщения

Е.А. Андреева. Имплицированные формы запретов в литературной критике «патриотов»: техника реконструкции	4
Г.Т. Безкоровайная. Явление лексической многозначности в словаре и тексте (на примере английской лексики <i>peer</i>).....	3
Ю.Л. Высочина. Концепция «диалогизма» М.М. Бахтина как основание постструктуралистской концепции интертекстуальности Ю. Кристевой.....	4
Е.В. Дзюба. Особенности лингвокогнитивной категоризации артефактов в русском языковом сознании	1
В.Ф. Ибрагимова. Словообразовательные форманты в деривационной системе русских и украинских антропонимов тюркского происхождения	4
Р.М. Иманкулова. Поэтика анималистических заглавий в ранней прозе А.П. Чехова	3
В.Н. Карпухина. Пространственные характеристики текстов М. Булгакова и С. Кржижановского и их переводов на английский язык.....	3
Л.Ю. Коршунова. Рецензия на учебно-методическое пособие А.А. Прохоровой «Multilingual Guide to the English Speaking World»	4
А.В. Кочкинкова. Проблема феномена субъективности в переводоведении	4
К.А. Кочнова. Импрессионизм в пейзаже А.П. Чехова: лингвистический аспект.....	1
К.А. Кочнова. Лето в языковой картине мира А.П. Чехова.....	4
М.Н. Крылова. Сравнение как средство конструирования юмористических высказываний	4
Г.В. Кукуева, О.В. Минина. Характеристика речевого жанра «народные мемуары» в интернет-коммуникации: медийные параметры.....	3
Н.А. Лаптева, И.А. Широких. Функционирование сложных синтаксических конструкций в контаминированной речи автора и персонажей (на материале романа	

J. Galsworthy «The Man of Property»	3
О.В. Ломакина. Функционирование галлицизмов во фразеологии языка Л.Н. Толстого: из опыта описания тезаурусообразующих единиц (на примере Fais ce que dois, advienne que pourra и Dans le doute abstiens toi).....	3
Г.Ф. Лутфуллина Репрезентация частных аспектуальных значений повторяемости и привычности глагольно-инфинитивными аналитическими структурами во французском и татарском языках	1
Э.В. Малыгина. Лингвоэвокационное исследование кризисной межперсонажной коммуникации в текстах рассказов В.М. Шукшина третьего периода.....	1
Д.В. Марьин. Рисунки В.М. Шукшина в аспекте литературоведческого анализа	3
Т.Н. Никонова, Л.И. Толстых. Коммуникативная культура старообрядцев Уймонской долины	3
Т.А. Полтавец. Влияние дискурсивных параметров на функционально-стилистическое своеобразие научно-популярных текстов	4
О.С. Сальникова. Вариативность девиаций в письменной речи детей младшего школьного возраста как проявление системной графической парадигматики слова.....	1
В.В. Соковнина. Языковая игра в web-комиксах	3
В.В. Стамати. Текстуальная идентичность субъекта: симулякр как форма присутствия	1
О.А. Туркина. Перспективы моделирования дискурса конфронтации-соперничества как идеи, феномена и деятельности.....	1
А.З. Хабибуллина. Эстетическая интерференция и межлитературный диалог (на материале перевода стихотворения А.С. Пушкина «Когда твои молодые лета» на татарский язык).....	3
Г.С. Хазиева-Демирбаш. Этнокультурные особенности татарских личных имен с компонентами цветообозначений.....	4
Г.Р. Хусанова. Сюжетообразующие мотивы башкирской волшебной сказки: мотив выбора.....	1
А.Ю. Швидченко. Библизмы как вербализаторы ключевых концептов русского национального сознания (по материалам словарей М.И. Михельсона и В.И. Даля)	4
Е.А. Шимко. Национально-культурная специфика семантики идиом, представленных номинацией «дети», в аспекте этнолингвистики (на материале немецкого и русского языков).....	1

Критика и библиография

О.В. Марьина. Рецензия на коллективную монографию

«Бытие текста в коммуникации» [Электронный ресурс] / под ред. А.А. Чувакина, А.А. Шмакова. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2016. – 4,5 Мб.....	4
---	---

Филология: люди, факты, события

И.И. Богатырева, О.В. Никитин. Профессору Александру Александровичу Волкову – 70 лет.....	3
В.И. Габдуллина, П.В. Маркина. Проблемы изучения русского языка и литературы в России и за рубежом («Русистика и современность», XIX Международная научная конференция МАПРЯЛ, г. Астана (Казахстан), 22–24 сентября 2016 г.).....	4
Н.М. Киндикова. Новейшая алтайская литература: размышления о жанре и стиле.....	1
Н.В. Кудряшова. О третьем справочнике «Методика обучения русскому языку и русская филология в очерках об ученых российской федерации и зарубежья».....	3
Г.В. Кукуева. Рецензия на коллективную монографию: А.А. Чувакин, Е.В. Демидова, Э.В. Мальгина «Творчество В.М. Шукшина в пространстве коммуникации» / под общей ред. А.А. Чувакина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015.....	1
С.А. Мансков, Т.А. Семилет. Евразийский научно-исследовательский центр: организационная синергия в медиаисследованиях.....	3
Т.В. Чернышова, А.А. Чувакин. Филологи России и Казахстана обсуждают проблемы учебной книги по риторике.....	3
Т.В. Чернышова. Алтайский текст в русской культуре.....	1
Т.В. Чернышова. «Language in the Coordinates of the Mass Media» («Язык в координатах массмедиа»): итоги I Международной научно-практической конференции (6–9 сентября 2016 г., Варна, Болгария).....	4

НАШИ АВТОРЫ

АНДРЕЕВА,
Елена
Александровна

– магистр филологии Сибирского
федерального университета (Красноярск).
E-mail: len99a@yandex.ru

АРИСТОВА,
Валентина
Николаевна

– кандидат филологических наук, старший
преподаватель Национального исследовательско-
го университета «Высшая школа экономики»
(Москва).
E-mail: avn2611@gmail.com

БЕЗРУКОВА,
Наталья
Николаевна

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: koro.na.nik@gmail.com

ВЫСОЧИНА,
Юлия
Ленаровна

– кандидат филологических наук, доцент
Южно-Уральского государственного
медицинского университета (Челябинск).
E-mail: uvysochin@mail.ru

ГАБДУЛЛИНА,
Валентина
Ивановна

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: vigv@mail.ru

ГАЛИЕВА,
Альфия
Макаримовна

– кандидат философских наук, ведущий научный
сотрудник НИИ «Прикладная семиотика»
Академии наук Республики Татарстан (Казань).
E-mail: amgalieva@gmail.com

- ЖЕРДЕВА,
Оксана
Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент Барнаульского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Барнаул).
E-mail: vigrijanova@mail.ru
- ЗАВЬЯЛОВА,
Елена
Евгеньевна** – доктор филологических наук, профессор Астраханского государственного университета.
E-mail: zavyalovaelena@mail.ru
- ИБРАГИМОВА,
Венера
Февзиевна** – кандидат филологических наук, доцент Крымского инженерно-педагогического университета (Симферополь).
E-mail: ibragimova.venera@gmail.com
- КОВАЛЕВА,
Татьяна
Викторовна** – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: trandafir@yandex.ru
- КОРШУНОВА,
Людмила
Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент Ивановского государственного энергетического университета им. В.И. Ленина.
E-mail: l_korshunova@mail.ru
- КОЧКИНЕКОВА,
Алена
Васильевна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: alenavk203@mail.ru
- КОЧНОВА,
Ксения
Александровна** – кандидат филологических наук, доцент Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии.
E-mail: kochnova08@list.ru
- КРЫЛОВА,
Мария
Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент Азово-Черноморского инженерного института (Зерноград).
E-mail: krylovamn@inbox.ru

- МАНСКОВ,**
Алексей
Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: a-manskov@yandex.ru
- МАРКИНА,**
Полина
Владимировна – кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: pvmarkina@mail.ru
- МАРЬИНА,**
Ольга
Викторовна – доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: marin_alex@mail.ru
- НАГУМАНОВА,**
Эльвира
Фирдавильевна – кандидат филологических наук, доцент
Казанского (Приволжского) федерального
университета.
E-mail: ehlviran@yandex.ru
- НИКИТИН,**
Олег
Викторович – доктор филологических наук, профессор
Московского государственного областного
университета.
E-mail: olnikitin@yandex.ru
- ПОЛТАВЕЦ,**
Татьяна
Александровна – магистр филологии, преподаватель Алтайского
государственного университета (Барнаул).
E-mail: tat.poltawecz@yandex.ru
- ПШЕНКИНА,**
Татьяна
Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул).
E-mail: t_pshenkina@hotmail.com
- САВОЧКИНА,**
Елена
Александровна – кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: savochkina71@mail.ru

**ТЕЛЯТНИК,
Марина
Александровна**

– кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного
института культуры.
E-mail: garaska2@rambler.ru

**ХАЗИЕВА-
ДЕМИРБАШ,
Гузалия
Сайфулловна**

– кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник Института языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан (Казань).
E-mail: guzhaz@mail.ru

**ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна
Владимировна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: labrlexis@mail.ru

**ШВИДЧЕНКО,
Анна
Юрьевна**

– аспирант, старший преподаватель
Магнитогорского государственного технического
университета им. Г.И. Носова.
E-mail: heidelbeere-as@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 05.12.2016. Подписано в печать 06.12.2016. Дата выхода издания в свет 09.12.2016. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 288.

Издательство и типография Алтайского государственного университета.
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 204.

© Издательство Алтайского государственного университета, 2016

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Клинк Евгении Игоревне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: sovet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номер телефона / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предворяющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.